ПИОНЕР 5

1985



Леонид МАРТЫНОВ

НАРОД-ПОБЕДИТЕЛЬ

Возвращались солдаты с войны.
По железным дорогам страны
День и ночь поезда их везли.
Гимнастерки их были в пыли
И от пота еще солоны
В эти дни бесконечной весны.

Возвращались солдаты с войны
И прошли по Москве, точно сны,—
Были жарки они и хмельны,
Были парки цветами полны.
В зоопарке трубили слоны,—

Возвращались солдаты с войны!
Возвращались домой старики
И совсем молодые отцы —
Москвичи, ленинградцы, донцы...
Возвращались сибиряки.

Возвращались сибиряки —
И охотники, и рыбаки,
И водители сложных машин,
И властители мирных долин —
Возвращался народ-исполин...

Возвращался?
Нет!
Шел он вперед,
Шел вперед
Победитель-народ!

1945

Операция «Сад Мира» завершается! Она посвящена 40-летию Великой Победы!

Предложили эту операцию тимуровцы Ельнинского района Смоленской области, той самой героической земли, с которой связаны первые крупные победы в Великой Отечественной войне. В октябре 1983 года ельнинские тимуровцы обратились ко всем пионерам страны прислать во Всесоюзный штаб Тимура при редакции журнала «Пионер» рассказы о погибших воинах — своих родственниках и письма-протесты против войны, чтобы отправить их в Организацию Объединенных Наций. В честь каждого, кто с войны не вернулся, решено было посадить дерево или цветок и всем вместе вырастить Сад Мира.

Почти два года редакция журнала «Пионер», Всесоюзный штаб Тимура получали письма от ребят и взрослых — 13 тысяч писем!

Из школы № 16 г. Клина Московской области: *«Мы не хотим войны и решили принять участие в операции «Сад Мира». Мы посадили 7 деревьев возле нашего дома».*

От членов штаба «Тимуровские звезды» Бердянского Дома пионеров: *«Пионеры и школьники Бердянска посадили 1445 деревьев, в том числе 845 дикорастущих кустарников, плодовых — 200, ореха — 65. Посажено 2240 цветочных культур».*

Виктор Федорович Афанасьев, председатель Якутского отделения педобщества РСФСР, сообщил: *«Школьники и жители селения Донского Ставропольского края посадили 989 молодых березок. Столько воинов из этого селения не вернулось с войны. А ребята из поселка Вилючан Якутской АССР посадили 69 вечнозеленых елок, на каждой написали имена, отчества и фамилии погибших воинов-вилючан».*

Сад Мира заложен!

Письма-протесты ребят отправлены в ООН. Журнал получил ответ специального ассистента департамента Генерального секретаря по делам разоружения ПРВОСЛАВА ДАВИНИЧА, в котором было сказано: «Я надеюсь, что советские школьники будут бороться за мир и разоружение. Они должны всегда помнить, что каждый из них должен внести свой вклад в это жизненно важное дело».

Сейчас, когда весь народ отмечает 40-летие Победы над гитлеровской Германией, наш рассказ о том, как заканчивается операция «Сад Мира» на ельнинской земле.



МИРА ТЕБЕ, САД МИРА!

Два года назад написали ельнинские ребята другу-ветерану, что хотят на своей героической земле, где он воевал, вырастить Сад Мира. Ветеран Дмитрий Илларионович Куркин ответил посылкой. Из маленького городка Белая Калитва, что в Ростовской области, пришел ящик с луковицами тюльпанов. И письмо: «Дорогие мои, милые мои ребята! Это вам, в ваш Сад Мира. Светлое дело начали вы. Светло стало на душе старика. Шлю вам отцовский привет и пожелание доброго здоровья, счастья, мирного неба и всех земных благ. Я непременно приеду, чтобы поцеловать священную ельнинскую землю и поклониться молодым деревцам, посаженным вашими руками, потому что эти деревца, как и память о Великой Отечественной, будут жить вечно... Только вот здоровье мое что-то неважное. Сердце шалит...»

Крепкие коричневые тюльпаны, особый сорт, ребята высадили сразу же. А в Белую Калитву отправили две молодые березки из ельнинского Сада Мира. И растут под окном ветерана эти березы, сокращая расстояние до ельнинской земли, объединяя его с боевыми друзьями, павшими на этой земле, и друзьями-мальчишками.

В доме Наташи Елисеенковой хранится дневник ее дяди — Анатолия Владимировича Четыркина. Этот дневник возвращает нас к далеким военным дням, Наташиному дедушке, который был во время войны начальником штаба партизанского отряда имени Сергея Лазо, и к Наташиному дяде, которому во время войны было всего девять лет.

«Мы ждали отца. Назойливо толклись комары, но никто будто не замечал их. Скоро к дому подъехала телега. С нее спрыгнул человек, весь в пыли, с автоматом, за ним — другой. Это были отец и его друг

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

МАЙ 5

Москва 1985 г.

Издательство «Правда»

Юшка. Они зашли в хату, быстро поздоровались, и отец сказал: «Ну, собирайтесь».

Эти строки тринадцатилетний Толя Четыркин написал в своем дневнике в первый год после Великой Победы. Он аккуратно записывал свои воспоминания, будто можно сложить тяжесть пережитого на бумагу и избавить себя от тяжких воспоминаний. Впрочем, это еще не воспоминания — это живое.

«Мы проехали длинную улицу, ночью она казалась длиннее, чем обычно, повернули направо и по дороге в лес. Вдруг где-то совсем рядом рвануло. Юшка стегнул коня, и мы поехали бегом. На поляне старики, женщины и дети ждали самолета, который увез бы их на свободную от фашистов землю. Но уехать никому не удалось. Всю ночь над поляной шел бой. Кружились немецкие самолеты, казалось, им не было числа. Люди попрятались в окопы. А наутро все возвращались в деревню. Отец строго и быстро попрощался с нами и пошел за партизанами. Слезы подступали к горлу. От этих слез шел бы и шел бы куда-нибудь... В деревне было пусто и напряженно, казалось, даже избы ожидали чего-то. Медленно в деревню вполз гул моторов, послышался лязг гусениц. Оживали немцы. Первым делом они принялись бить кур, свиней, резать овец, и все эти крики, лязги, гулы смешались в один.

Скоро вся деревня превратилась в кошмар...»

Анатолий знал, что отец его, Владимир Иванович Четыркин, и друг отца, Юшка, остаются здесь с партизанами. А в Коробце, соседней деревне, поговаривали, будто и мальчишки партизанят.

До войны колхоз подарил коробецким ребятам новую школу. С белым каменным флигелем, деревянными пристройками по бокам, она стояла в центре села, похожая на чайку.

Фашисты разрушили школу. Там, где раньше хранилась дружинная святыня — пионерское знамя,— устроили вещевой склад, в просторных, светлых классах — грязную кухню. Дорога к школе для деревенских была закрыта.

Но жизнь коробецкой школы продолжалась. Бывший директор школы Василий Васильевич Козубский собрал самых боевых мальчишек — Вадима Дрейке, Лешку Юденкова, Саню Ефремова. Саня на все лето уехал к бабушке в Щиплево. Но, как только позвали, пришел.

Рассказал, что в Щиплеве вовсю действуют партизаны. Щиплевские мальчишки собрали им оружие. Тринадцать ручных пулеметов, гранаты и другие боеприпасы. Несколько велосипедов у гитлеровцев стащили.

Слушали все Саню и улыбались. Ишь, оказывается, гусь какой: никуда без него не деться.

И в Уварове, знали ребята, тоже действовали партизаны. Одного из них — Владимира Ивановича Четыркина — они хорошо знали. Директором был в соседней школе. И первой задачей коробецкой партизанской группы стало наладить связь с партизанами других деревень.

Соединились отдельные партизанские группы, и стал действовать на территории Ельнинского района Смоленской области партизанский отряд имени Сергея Лазо. Отряд взрывал мосты, совершал диверсии на железных дорогах, распространял листовки. Наравне со взрослыми действовали и мальчишки.



Штаб отряда находился в деревне Мутище. Это в семи километрах от той деревни, где жила семья Владимира Ивановича Четыркина. Однажды девятилетний Анатолий вместе со своим другом Славкой решили пробраться в отряд. Им тоже хотелось помогать взрослым.

Славка был ровесником Анатолия. А вот Люся, Славкина сестра, немного постарше. Ей уже не скажешь: «Куда увязалась, девчонка?» Ее не прогонишь, от нее не убежишь.

Пожалуется матери — пиши пропало. Никуда мать не отпустит, запрет дома да еще и отчитает как следует. Пусть лучше Люська тоже идет, коли хочет.

За одной деревней — другая, третья, и через лес по большаку выйдешь к Мутищу. Но в ельнике, что на окраине деревни, застрочили вдруг пулеметы.

«Был настоящий бой,— напишет об этом Анатолий в своем дневнике.— И мы наблюдали его до тех пор, пока неистовый вой не заставил нас прижаться к

земле. А потом на мосту нам встретился Славкин отец. Он и привел меня в штаб к отцу.

— Товарищ командир,— сказал он Козубскому.— Вот, пожалуйста, «шпиона» привел.

...Вечером, когда солнце зашло, мы пошли с отцом купаться на реку. От комаров, как всегда в это время, не было спасу. Мы прошли по узенькой стежке, спустились с обрыва и стали мыться. Вода была чистая и холодная. Отец мылся не спеша, тщательно обмывая руки, и я подражал ему. По дороге к реке отец все время шутил и смеялся, а на обратном пути он молчал. Да и я притих. Я думал о том, как сейчас волнуется мама. Спали мы с отцом на одной койке. Только я почти не спал, а больше вертелся. Наутро, попрощавшись со всеми, я поспешил домой. Отец дал мне на дорогу два куска сахара и хлеба с маслом. Это, наверное, все, что полагалось ему на день...»

Когда почти сорок лет спустя девочка Наташа прочитает эту строчку, она наивно спросит у мамы: «Два куска сахара и хлеб с маслом на день — это все?» И мама, Любовь Владимировна, расскажет своей дочке, что в братской могиле, которая находится на месте старой деревенской школы, похоронены люди, защитившие от фашистов ее деревню. А дедушка, который после Победы вернулся в родную деревню, работал в школе вместе с Василием Васильевичем Козубским, стал заслуженным учителем РСФСР, расскажет ей про юных партизан-лазовцев. Про таких, как Вадим Дрейке, которого фашисты, замучив в концлагере, так и не смогли заставить перед казнью снять с груди медаль «За боевые заслуги». Гордый и спокойный, он ответил им: «Медалью меня наградила Советская власть, и только после моей смерти снимете вы ее, фашисты...»

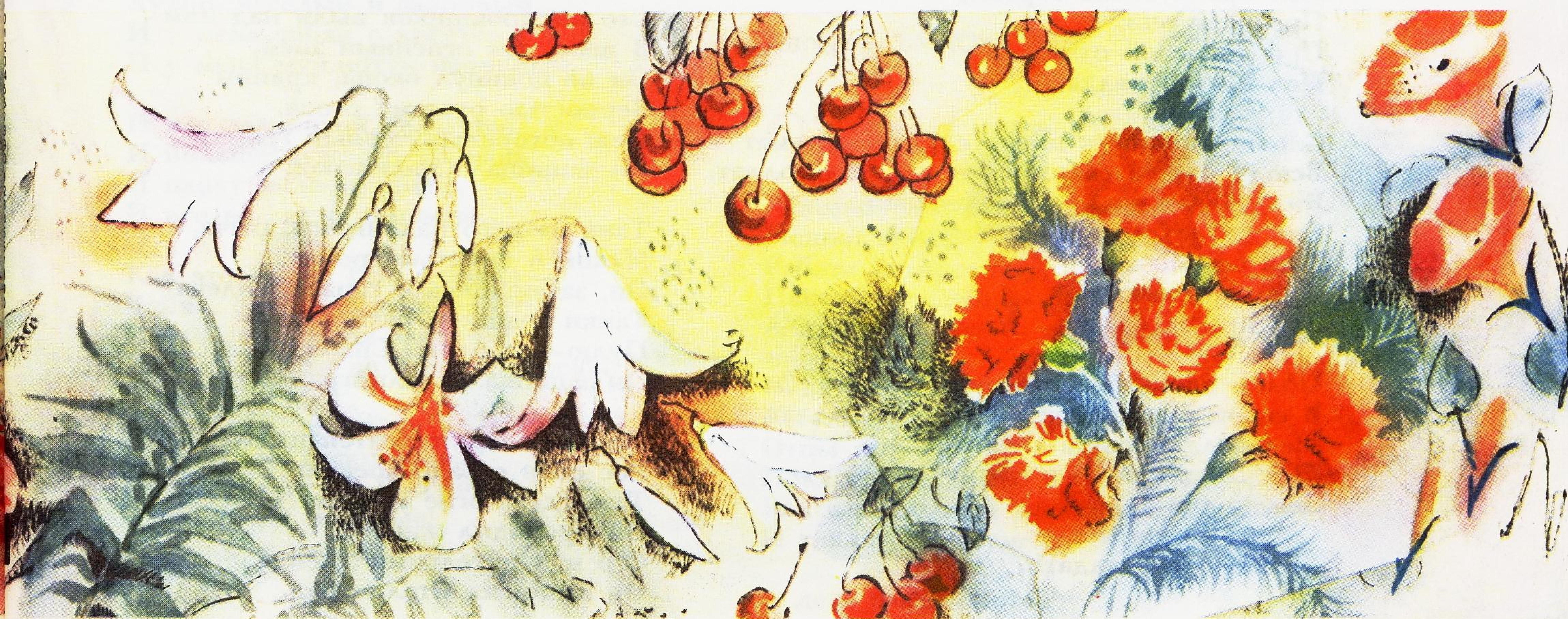
Новой, послевоенной коробецкой школе, где сегодня учится Наташа, Ельнинский райисполком поручил ухаживать за братской могилой. Здесь посадили школьники рябиновую аллею. Растет в этой аллее и рябинка Наташи Елисеенковой.

Есть у коробецких ребят своя теплица. Там выращивают они круглый год хорошие помидоры. Первый урожай, как всегда, ветеранам. Пусть знают они, что ребята помнят о каждом, и не просто помнят, но и заботятся о них. Сад Мира — это не только цветы и деревья. Это еще и забота об участниках войны, и помощь им.

На ельнинской земле зацветает этой весной Сад Мира. И ему расти и расти еще.

«Я обязательно посажу в Саду Мира дуб,— говорит семиклассник Сережа Васькин.— Это долгоживущее дерево, и мне бы очень хотелось, чтобы люди на земле жили долго и чтобы помнили всегда, какой ценой досталось им мирное небо».

«В память о погибших солдатах, отдавших свои жизни за мир на планете, я посадила бы еще тысячи маков»,— говорит Лена Мамленкова. «И незабудки,— добавляет Ира Телемнева.— Их название само говорит о том, что подвиги советских людей никогда не будут забыты. Незабудки голубого и желтого цвета. Это цвет мирного голубого неба и солнца. Пусть будет так всегда».



Марина Белоусова собирается посадить на главной аллее Сада Мира жасмин и сирень: «Чтобы, глядя на эти растения, люди помнили о том, как прекрасна наша земля».

«Я посажу вишню. Почему вишню? Просто люблю». И в этих словах четвероклассника Сережи Зуева своя мудрость. Любить и беречь то, что природой дано человеку. Солнце и звезды, могучие ветки деревьев и легкую траву. И еще свой дом и людей, живущих рядом с тобой. Любить свою землю.

НИЗКИЙ ПОКЛОН ТЕБЕ, ВЕТЕРАН! МИРНО РАСТИТЕ, АЛЛЕИ СЛАВЫ! ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ТЕБЕ, ПАВШИЙ СОЛДАТ! ТИХО ШУМИТЕ ПО ВЕСНЕ ЗЕЛЕНЫМИ ЛИСТЬЯМИ, РОЩИ ПАМЯТИ!

СЧАСТЬЯ И МИРА ВАМ, ЛЮДИ! ВЕЧНОСТИ ТЕБЕ, САД ДРУЖБЫ, САД РАДОСТИ, САД МИРА!

Т. ШАРОНОВА

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

Михаил МАТУСОВСКИЙ

БАЛЛАДА О СОЛДАТЕ

Полем вдоль берега крутого, мимо хат
В серой шинели рядового шел солдат.
Шел солдат, преград не зная,
Шел солдат, друзей теряя,
Часто, бывало,
Шел без привала,
Шел вперед солдат.

Шел он ночами грозовыми,
В дождь и в град.
Песню с друзьями фронтовыми
Пел солдат.
Пел солдат, глотая слезы,
Пел про русские березы,
Про кари очи,
Про дом свой отчий
Пел в пути солдат.

Словно прирос к плечу солдата автомат —
Всюду врагов своих заклятых бил солдат.
Бил солдат их под Смоленском,
Бил солдат в поселке энском,
Глаз не смыкая,
Пуль не считая,
Бил врагов солдат.

Полем вдоль берега крутого, мимо хат
В серой шинели рядового шел солдат.
Шел солдат, слуга Отчизны,
Шел солдат во имя жизни,
Землю спасая,
Смерть презирая,
Шел вперед солдат!..

Алексей СУРКОВ

ЗАЩИТНИК СТАЛИНГРАДА

В зное заводы, дома, вокзал.
Пыль на крутом берегу.
Голос Отчизны ему сказал:
— Город не сдай врагу.—
Верный присяге русский солдат,
Он защищал Сталинград.

Гулко катился в кровавой мгле
Сотой атаки вал.
Злой и упрямый, по грудь в земле,
Насмерть солдат стоял.
Знал он, что нет дороги назад,—
Он защищал Сталинград.

Сто пикировщиков выли над ним
В небе, как огненный змей,
Он не покинул окопа, храним
Верностью русской своей.
Меж обгорелых черных громад
Он защищал Сталинград.

Танк на него надвигался, рыча,
Мукой и смертью грозил.
Он, затаившись в канаве, сплеча
Танки гранатой разил.
Пулю — за пулю. Снаряд — за снаряд.
Он защищал Сталинград...

Просто солдат, лейтенант, генерал —
Рос он в страде боевой.
Там, где в огне умирает металл,
Он проходил живой.
Сто изнурительных дней подряд
Он защищал Сталинград.

Время придет — рассеется дым,
Смолкнет военный гром.
Шапку снимая при встрече с ним,
Скажет народ о нем:
— Это железный русский солдат,
Он защищал Сталинград.

1942



Давид САМОЙЛОВ

СОРОКОВЫЕ...

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные
И перестуки эшелонные.

Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...

А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звездочка не уставная,
А вырезанная из банки.

Да, это я на белом свете,
Худой, веселый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.

И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И все на свете понимаю.

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

Анна АХМАТОВА

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что́ ныне лежит на весах
И что́ совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,—
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

23 февраля 1942 года

Сергей ОРЛОВ

* * *

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей...

1944

Евгений ВИНОКУРОВ

ОТЦЫ

У возвратившихся с фронта отцов,
Мешки и подсумки облазив,
Ребята не просят
Цветных леденцов,
А просят военных рассказов.

И вот,
Уступив настояньям ребят,
Отцы им,
Пока не стемнело,
Как взрослым, о жизни своей говорят
И гладят их неумело.

А дети задремлют,
Наград боевых
Касаясь во сне головою.
Отцы осторожно баюкают их
Песенкой строевою.



Юным героям Великой Отечественной посвящается

Лия СИМОНОВА,
лауреат премии Союза журналистов СССР

СРЕДИ ВОЙНЫ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 4.

VI

В партизанском отряде, носившем имя легендарного героя гражданской войны Николая Щорса, Володя впервые начал осознавать, что дом нечто большее и значительное, чем изба, которую спалили фашисты. Домом оставалась для него земля, на которой он родился и вырос, лес, в котором с первых его шагов отец, Сергей Борисович, учил видеть и узнавать каждое дерево, и люди, которых мать, Улита Тихоновна, называла «своими». Ощущение дома гитлеровцам уничтожить было не по силам.

«Свои» не оставляли его в отряде вниманием и теплотою, и постепенно Володя отогревался, оттаивал после страшного расстрела.

Чуть только последышек пришел в себя, Степан повел его к лошадям. И Володя встретился с Игреком.

Степан забрал коня в отряд давно, еще в тот день, когда партизаны уносили из тайника оружие, оставленное красным командиром.

Красавец Игрек, белый в голубоватых яблоках, сильно похудел и осунулся, как и люди, которым он служил. Но голову держал гордо, и каждая жилка по-прежнему трепетала в его упругом теле. Игрек, как только увидел Володю, захрипел от волнения. Поднял уши, словно флаги выставил ради праздника. Рванулся навстречу другу — мальчишке. Закивал головой, заскреб снег передней ногою. Володя прижался к коню, хотел расцеловать его, но постеснялся: вдруг кто-то увидит? Коротко чмокнув Игрека в морду, Володя похлопал его по бокам, заменяя крепкое мужское рукопожатие. И вдруг услышал за спиной знакомый голос: «Это что же, Бутузов младший сын?» Володя даже вздрогнул: таким далеким и вроде бы навсегда ушедшим, довоенным ветром дунуло. Крепкого, коренастого отца, Сергея Борисовича, друзья еще в давние-давние времена прозвали Бутузом. Улиту Тихоновну соответственно Бутузихой, детей — Бутузовыми детьми, а место, где стоял дом лесника Костикова, значилось как Бутузово.

В школе такими обидными казались ребятам прозвица. Володя тоже, случалось, обижался, когда его называли, как и отца, Бутузом. Зато теперь, придя из радостного детства, старинное прозвище ласкало слух, возвращало, пусть на мгновение, отца. Володя резко обернулся. И увидел плотного, совершенно лысого человека. Его доброе лицо, глаза, несущие приветливую улыбку, показались Володе знакомыми.

— Это командир,— смущаясь, познакомил Степан,— Михаил Петрович Ромашин.— И, словно оправдываясь перед командиром, что раскрыл его, сказал Ромашину:

— Володька у нас надежный. Он сберег оружие. Матери помогал и мои поручения выполнял.

— Лошадей любишь? — кратко спросил, обращаясь к Володе, командир. Получив утвердительный ответ, добавил:— Вот и ходи пока за лошадьми, а там посмотрим.— Сел быстро на коня и ускакал лихим всадником.

Одно дело — играть с конем, совсем иное — готовить его к боевой операции. И поначалу Володя волновался: вдруг что не так сделает? А группа бойцов уходила в Бояновичи, где жил волостной старшина и окопался большой полицейский гарнизон. Разведка донесла: в воскресенье полицаи устраивают гулянку. И вот партизаны во главе с Семеном Матюхиным, на санях, в которые запрягли Игрека, поехали в село, чтобы разом расправиться со всеми полицаями. Хмельные и растерявшиеся от неожиданного налета полицаи не успели даже добраться до своего оружия. Партизанам удалось даже прихватить документы из гарнизона. Игрек ходил скоро. Теперь же, снова встретившись с другом Володькой, летал быстрым ветром. И вся операция заняла не более часа.

Но вслед за этим удавшимся делом пришла из Бояновичей весть, которая пронзила болью и отчаянием. Там, в Бояновичах, фашисты растерзали Марию. Со времени облавы и расправы в лесу о ней ничего не было слышно.

Теперь в отряде Володя убедился в своих догадках: Мария была партизанской разведчицей. По поручению Семена Матюхина и Егора Прозорова, того самого героя Прозорова, что приходил когда-то к ним в школу, Мария ходила по деревням, собирала нужные партизанам сведения. После крупной диверсии на железной дороге Мария поняла, что домик в лесу, расположившийся всего в нескольких километрах от места развернувшегося боя, оказался в опасности. И она шла в лес, к своим, чтобы предупредить. На той подводе, которую видел Володя из кустов у большака на Бояновичи, фашисты увозили Марию, а вместе с ней и раненную в левую ногу двоюродную сестру Женю, и трехлетнего племянника, тоже Володю.

Всех троих бросили в одну из хат в Бояновичах,

приказав хозяйке под страхом смерти не подходить к пленным женщинам и ребенку, никому не открывать дверей. Раненная в ногу Женя и избитая до смерти Мария сами двигаться не могли.

Утром пленников в санях увезли в бывший районный центр Хвастовичи, швырнули в заброшенный дом, окна которого заградили колючей проволокой. Во дворе этого дома Марию допрашивали в первый раз. Ей обещали сладкую жизнь в любом месте оккупированной гитлеровцами России, Украины, Белоруссии или даже в Германии и требовали взамен рассказать о партизанском отряде. Мария знала, что командир гитлеровского гарнизона в Белых Берегах давно уже издал приказ, в котором за выдачу партизанского командира Ромашина сулил награду в тысячу рублей, дом, двух коров и двух лошадей.

Мария сделала усилие над собой, чтобы улыбнуться. И повторила то же, что говорила раньше: никаких партизан она не знает. Шла по лесу к своему родному дому. Ее ударили так, что она тут же свалилась без сознания. Облили водой, бросили под навес на сырую землю и снова подняли, чтобы бить.

На другой день ее выволокли во двор, поставили спиною к плетню, потому что Мария уже не могла держаться на ногах. Но и так она не устояла, сползла в снег на холодную землю. Два фашиста вывели из дому маленького племянника Володьку, приказали ему стоять у старой корявой ивы в глубине двора. Неяркое зимнее солнце посветило на льняные волосы мальчика, и Мария увидела, что они похожи теперь на скрученные грязные нити льняного волокна. На губах мальчонки коркой запеклась кровь, и личико не имело уже никакого выражения.

— Не расскажешь о партизанах,— через переводчика предупредил фашист,— он будет расстрелян.

Мария закрыла глаза, и все вокруг стало уплывать от нее. Толчок — Мария открыла глаза и увидела, что Володька, едва переставляя ноги, идет к ней навстречу.

Собирая последние силы, Мария стала повторять про себя партизанскую присягу: «Я, гражданин Великого Советского Союза, верный сын героического русского народа, клянусь, что не выпущу из рук оружия, пока последний фашистский гад на нашей земле не будет уничтожен. Я обязуюсь беспрекословно выполнять приказы всех своих командиров и начальников, строго соблюдать воинскую дисциплину. За сожженные города и села, за смерть женщин и детей, за пытки, насилие и издевательства над моим народом я клянусь мстить врагу жестоко, беспощадно и неустанно... Я клянусь, что скорее умру в жестоком бою с врагом, чем отдам себя, свою семью и весь советский народ в рабство кровавому фашизму. Если же по своей слабости, трусости или по злой воле я нарушу эту свою присягу и предам интересы народа, пусть умру я позорной смертью от руки своих товарищей».

— Молись и за него! — заорал фашист, видя, как Мария, перебирая губами, шепчет что-то. Рванул мальчишку к себе, отбросил к забору и выстрелил.

Потом на глазах Марии расстреляли раненую Женю. Мария продолжала молчать. Фашисты не успокоились. В ноги к Марии швырнули знакомую учительницу. Надежда Константиновна Костыренко раньше жила с родителями в Журиничах, а перед самой войною вышла замуж и уехала в поселок Бежань. Мария увидела, что Надежда Константиновна ждет ребенка. Несмотря на это, гитлеровцы ее жестоко пытали. Под глазами красавицы Надежды Константиновны зияли две рваные кровяные ямы, и лица за синяками и кровоподтеками вообще вроде бы не было — сплошная рана.

Теперь звери в обличье человеческом обращались уже не к Марии, а к молодой учительнице. «От признания этой,— гаркнул полицай, указывая на Марию,— зависит жизнь твоего будущего ребенка. На размышления полчаса». И они хладнокровно принялись сооружать две виселицы, не веря, что смогут сломить этих женщин. Тут они не ошиблись.

Подробности трагической гибели Марии в отряде узнали много позже случившегося, от секретаря Брянского подпольного райкома комсомола Георгия Антоновича Юдичева. Но и то немногое, что стало известно поначалу, отозвалось страданием и ненавистью, а для матери Улиты Тихоновны было страшнее собственной смерти.

Как только пришло известие о гибели Марии, Володя бросился искать Степана. Нашел его в лесу, казалось, намертво приросшим к дереву и вспомнил, как однажды в детстве увидел на охоте раненого медведя. Он впился зубами в осину, истекая кровью и болью.

Володя со спины обхватил брата руками, прижался, прислонился к нему. И так они долго стояли, плача и не видя слез друг друга.

Теперь уж никто не посмел отказать Володе участвовать в боевой операции.

VII

На станцию Богатово отправилось человек пятьдесят партизан. Разделились на две группы. Одну вел командир Михаил Петрович Ромашин, и она должна была уничтожить четыре вагона — теплушки с немцами. Другая шла взрывать мост — во главе с начальником штаба Александром Трофимовичем Писаревым. Володя на подводе, в которую запряг Игрека, вез боеприпасы, взрывчатые вещества, патроны. Задача, которую ему определили в этом бою, казалась несложной. Развернуть подводы, подготовить их к отходу. Но война есть война. И во всякое, даже самое простое дело прячет она опасность и смерть.

Возясь у подвод с лошадьми, Володя пристально вглядывался в ночную тьму. И скорее чувствовал, чем видел, как в кромешной мгле прошла к теплушкам разведка под началом дяди Архипа Валько. Бесшумно сняли часовых. Взметнулась сигнальная ракета. И тут же возник грохот боя, взлетел в воздух мост.

Прошло минут пятнадцать—двадцать, не больше. Партизаны стремительно возвращались к подводам. Быстро нагружали их трофеями. И Володя, у которого все было готово, опережая всех, на Игреке полетел восвояси.

На станции Богатово Володя первый раз участвовал в бою. После, думая о бое, он решил для себя, что война такая же работа. И исполнять ее хорошо и споро можно, только тщательно подготовив все и обдумав заранее самые малые детали.

Работы в отряде хватало. Володя по-прежнему ухаживал за лошадьми, помогал по хозяйству: колол дрова, носил воду из болота или растапливал снег, а иногда ему доверяли даже чистить и приводить в порядок оружие. Мама и Танюшка тоже не сидели без дела: стирали, чинили, штопали, варили. В их семье, сколько помнил себя Володя, каждый без лишних слов делал то, что сейчас нужнее.

Партизанский отряд стал для них новой большой семьей.

Недалеко от села Малое Полпино, по данным, которые приносили разведчики, гитлеровцы собирались восстановить одноколейку, разрушенную фронтом, пустить по ней поезда. В Малом Полпине старостой был свой человек, Павел Федорович Матюхин, тоже Матюхин, как и журиничский председатель колхоза. Он следил за особой гитлеровской ротой, ремонтировавшей дорогу, собирал сведения и передавал их связным. На какое-то время таким связным стал Володя Костиков.

Неподалеку от Полпина, в лесу, стояла приметная, не обхватишь руками, осина. Под пнем, рядом с нею, устроили тайник. Матюхин оставлял записку, Володя забирал ее и приносил командиру Ромашину. «В случае чего бумажку съешь»,— напутствовал Михаил Петрович.

Ходить по лесу ночью было жутко. Но после пережитого Володей расстрела в Журиничах от страха заслоняла его ненависть.

Кроме посланий Матюхина, Володя рассказывал в отряде о собственных наблюдениях за железной дорогой. Ромашин отдал ему свои командирские часы, и по ним, спрятавшись в лесу, Володя отмерял время: когда и куда идут поезда, в какие минуты прибывает ремонтная рота? Очень скоро Володя заметил, что фашисты боятся ехать в вагонах одни, прихватывают с собой на работу деревенских парней или пленных. Нашими людьми они заслонялись, как щитом.

Но вот однажды Володя увидел то же, что сообщил и Матюхин: советских гитлеровцы с собою уже не берут. То ли боятся использовать вынужденных помощников в окончательных работах, то ли успокоились: никто их не трогает.

В Международный женский день 8 Марта в отряде напекли блинов, сели на большой поляне кругом, как за столом, и командир Ромашин, поздравляя партизанок с праздником, пообещал подарок. Партизанские командиры разработали план боевой операции, которая получила название Полпинской. Володя участвовал в этой операции вроде бы адъютантом командира.

На двадцать четвертом километре у моста партизаны устроили засаду. Там было совсем открытое место и насыпь крутая. Рассчитывали на то, что в момент боя фашистам некуда скрыться.

Поезд двигался на двадцать восьмой километр и выглядел необычно. Впереди две платформы со шпалами и рельсами. За ними — вагоны, а сзади — паровоз, который и толкал вперед все хитрое сооружение. Хитрость заключалась в том, что на возможной мине подрывались прежде всего платформы, а паровоз мог в любую секунду, переменив



Собирая последние силы, Мария стала повторять про себя партизанскую присягу...

Рисунки В. ДУДКИНА.

направление, потащить за собой теплушки прочь от беды.

Партизанам удалось разгадать и перехитрить фашистский план. Спрятавшись по обе стороны от дороги, они пропустили первую платформу по мосту и только тогда включили электродетонатор. Мост взлетел, унося с собою вторую платформу и одну из теплушек. Крупнокалиберный пулемет, установленный на командном пункте, возле Ромашина, сразу же вывел из строя паровоз, изрешетив котел и выпустив из него пар. Непрестанные пулеметные и автоматные очереди со стороны командного пункта изранили и зажгли теплушки с гитлеровцами. Фашисты, как крупа из дырявого пакета, посыпались из вагонов на ту сторону дороги, где было тихо. Тут их и приняли в жаркие объятия те партизаны, которые до поры не вступали в бой, ожидая своей минуты. Громкое «Ура!» прокатилось по лесу, и огненный ливень обрушился на бегущих фрицев. Кто-то из них пытался стрелять из открытых дверей теплушек, и среди партизан тоже появились раненые. Из гитлеровцев же спаслись только те, кто со страху или как-то еще залег на полу вагонов или случайно вынырнул из-под пулевого ливня. Честно говоря, партизаны и не думали, что получится уничтожить и взять в плен сразу около трехсот гитлеровских солдат и офицеров. «Ну как? — торжествующе поглядывая на Володьку, справился командир. — Дали мы им жару? Будут помнить».

С карабином, подаренным командиром Ромашиным, Володя вместе со взрослыми ринулся в теплушки. Собирали, как всегда после боя, трофеи, документы и все, что могло пригодиться для дальнейших действий.

После Полпинской операции фашисты сожгли поселок Бежань. На войне все было как на войне. Удачные боевые операции и победы сменялись минутами потрясений и горестей. И непоправимых страшных утрат.

Налет карателей, которые с артиллерией штурмовали партизанский лагерь, заставил отряд уйти из лесов Медвежьей Печи в чащобы Зайцевых Дворов. Володя ушел вместе с отрядом, а мама с Татьянкой, молодой парень Иван Мазуров и еще один человек остались в двух специально для них вырытых землянках — для связи с полпинским старостой Матюхиным. Они оставались еще и для того, чтобы заботиться о продовольствии для партизан. У старосты Матюхина был надежный человек — пастух. Он ненароком подгонял стадо коров близко к тому месту, где окопались Костиковы, и Улита Тихоновна с Танюшкой потихоньку уводили от стада по одной корове, перегоняли к стоянке партизанского отряда.

Татьянка продолжала встречаться с Володей в условленных местах, хорошо знакомых с детства. Вдвоем, а то и с Иваном Мазуровым пробирались они в Мертвую зону, которая все увеличивалась. И вот сожженными оказались уже не только Журиничи и Медвежьи Печи, но и Зайцевы Дворы, и Горелово, и Николаевка. И хотя запреты появляться в так называемой Мертвой зоне все устрашались, отважные юные добытчики партизанского отряда обследовали вдоль и поперек пожарища, шомполами обнаруживая в горелой земле бывшие подполы с продовольствием.

Однажды в Зайцевых Дворах Володя и Татьяна наткнулись на склад боеприпасов и гранат, зарытый в земле. Прибежали за Иваном и под вечер отправились забирать обнаруженный клад. В темноте набили рюкзаки, сколько смогли унести, патронами и гранатами. Остальное закопали до следующего раза.

Только спустились в выемку у железнодорожного переезда, услышали громкую немецкую речь и щелчки зажигалок, позвякивание фляжек. По дороге на дрезине ехали гитлеровцы. Они, видно, тоже схватили ухом шорохи в выемке у дороги. Или заметили движение в кустах. Вверх тут же взметнулась предупреждающая ракета, раздалась автоматная очередь. Володя не растерялся, скомандовал всем: «Ложись!» — и сам упал на землю. Пока фашисты заряжали ракетницу, наступило несколько мгновений темноты. Володя в доли секунды сообразил, что отступать надо не к лесу, а в поле. Немцы бросились в лес, зная, что партизаны всегда стремятся уйти лесами, а ребята залегли в поле, на оттаявшей, высвободившейся уже из-под снега земле. Вросли в нее телами. И как ни могло показаться странным, после такой ужасной и близкой опасности, лежа на холодной земле, Володя вспомнил вдруг отца и светлый, радостный день в лесу, и отцовский рассказ о мудрости черного жучка, камнем застывшего на тропе, почуяв беду.

Дул холодный, колючий весенний ветер, холодный пар поднимался от земли, но рядом шумел в темноте знакомый лес, и утром, теперь уже стало ясно, они смогут уйти туда и скрыться.

VIII

Бок о бок в бою с героем Егором Прозоровым Володя оказался во время облавы в лесах у Зайцевых Дворов, куда отряд перебрался после Медвежьих Печей. Теперь герой Прозоров, словно спустившись с пьедестала, шагнул в Володькину жизнь уже совсем по-иному, близким и родным человеком, дядей Егором. Идти рядом с ним, как когда-то с отцом, в любой путь было спокойнее и увереннее.

Каратели двигались по лесу черными цепями, грохочущими автоматными выстрелами. И эти страшные цепи готовы были вот-вот сомкнуться. В лагере оставалось в тот день немного людей: теперь почти каждый день боевые партизанские группы уходили на задание — совершали диверсии на дорогах, подрывали немецкие склады, громили фашистские гарнизоны. Гитлеровцы, видно, на то и рассчитывали, что своей тяжелой, многосотенной цепью, хорошо защищенной артиллерией, сожмут кольцом и задушат временно поредевший отряд.

Егор Васильевич Прозоров и Николай Герасимович Косолапов, кадровый боевой офицер, оставшийся среди партизан после окружения, разделили бойцов на две боевые группы и повели в обход противника. Теперь уже не из рассказа о далеких боях на Халхин-Голе, а в нагрянувшей на самого Володьку и всех ближних ему людей опасности он воспринимал науку жизни: обходный путь иногда бывает и более коротким и самым мудрым. Глупо идти напролом, чтобы расшибить лоб о глухую стенку.

По болоту, которое для немцев казалось непроходимым, Егор Прозоров и Николай Косолапов вывели свои боевые группы в тыл врага и неожиданным броском ударили в спину. Противотанковыми гранатами забросали гитлеровские пулеметы и минометные расчеты. Пулеметными очередями, разрывая и разрушая черную цепь. Фашисты шесть раз, до самого вечера, пытались атаковать, но починить свою тяжелую цепь не сумели. И отряд по болотам ушел из лесов у Зайцевых Дворов в сторону

местечка Любохна, в Дядьковском районе, который почти полностью контролировался партизанами.

Был май. Лес дышал уже весною. И вместе с запахами возрождавшегося после зимы леса и родной, оттаявшей из-под снега земли люди вдыхали силу, которая так нужна была им теперь, чтобы одолеть болота.

Болота весной коварны. Кочки в талой воде едва видны, и темные водяные провалы, на которых плавают пена и ледяные корки, легко принять за кочку. Люди же нагружены были рюкзаками с продуктами и оружием, и даже два станковых пулемета «Максим», разобранные по частям, несли за собою. Лошадей пришлось оставить на прежнем месте, а вожжи связали, и они объединяли всех воедино. Кто оступится, рядом стоящие вытянут его вожжами.

Володя, вооруженный карабином, шел рядом со всеми, в общей связке, как равный, и чувствовал себя не мальчишкой, а мужчиной, опорой для женщин и стариков.

Кто знает, может быть, именно в этом и заключался главный жизненный смысл давнего прихода в журиничскую школу героя Прозорова: силою своих окрепших в борьбе крыльев приподнять начинающих жить людей над партою, над селом, показать им большой окружающий мир, передать свое понимание этого мира и равновесие в нем? И тогда, в свой час, взлетевшие однажды вместе со взрослым человеком дети опустятся на землю рядом и встанут на ноги уже иными, более сильными и уверенными в себе.

Летом сорок второго года в партизанской жизни многое изменилось. В партизанские леса стали прилетать наши самолеты, наладилась связь с Большой землей. С самолета в расположение отряда имени Щорса спустился с парашютом радист Юра Савченко, высокий, молодой и веселый парень. По рации он мог в одно мгновение соединять отряд Щорса с другими партизанскими отрядами и даже с Москвой.

Стало известно, что на Брянщине действует боль-



По болотам отряд ушел в Дядьковский район, который почти полностью контролировался партизанами.

ше двадцати трех тысяч партизан. Орловский подпольный обком партии (Брянск входил в то время в Орловскую область) и Военный Совет Брянского фронта создали Штаб партизанского движения. Он руководил теперь всеми отрядами и большими бригадами, в которые отряды начали объединяться. Для руководства южными и юго-западными группировками брянских партизан создали единый партийный центр — Навлинский подпольный окружной комитет партии.

Володя, разумеется, всего этого не знал, но чувствовал, что старшие становятся все спокойнее и увереннее в себе и действуют более дерзко. Все чаще теперь партизаны уходили в длительные рейды по тылам противника, вступали в долгие и серьезные бои. И Володьке порою с рассвета до темноты приходилось собирать, сортировать, чистить и приводить в порядок оружие и боеприпасы и готовить к походам лошадей, которыми они снова обзавелись в Любохне.

Поспевал он и в строительстве нового лагеря, когда по рации пришло распоряжение перебираться к Навле, держать во что бы то ни стало оборону по свою сторону реки. В этих краях проходили важные стратегические дороги на Москву, на Украину и в Белоруссию. Значение крупных диверсий на этих дорогах было хорошо понятно даже двенадцатилетнему Володьке.

В самом конце лета Михаил Петрович Ромашин вместе с другими командирами и комиссарами отрядов улетел на самолете в Москву. 31 августа в Кремле командиры и комиссары партизанских отрядов Брянщины встретились с руководителями партии и правительства. И большинство из них вернулись из Москвы с Золотыми Звездами Героев Советского Союза. Представлены к наградам были и многие партизаны. Сообщая об этом своему отряду. Михаил Петрович Ромашин улыбался широко и радостно. Его Звезда Героя блистала среди леса путеводной звездочкой, приковывая к себе радостные взоры всех боевых друзей — партизан и указывая дальнейший путь действия.

IX

Зима сорок второго года установилась холодная, снежная. Лагерь снова пришлось переносить и строить заново, теперь у деревни Пашенки в том же Навлинском районе. К новому году Большая земля сделала подарок отряду Щорса. Самолет доставил в лес маленький печатный станочек, и партизаны смогли выпускать газету «За Родину!». Газета была небольшая, но к возможным своим читателям обращала она великую правду борющегося народа. Володька лесными тропками разносил газету по ближайшим деревням и селам, стараясь не попадаться на глаза фашистам. Он хорошо помнил сказанные давным-давно слова отца: «Зверя не надо бояться, он и сам страшится человека».

Для прилетающих в леса самолетов партизаны тщательно готовили, расчищая от снега, поляну, разжигали вокруг костры. Самолетов ждали. Они привозили с Большой земли оружие и боеприпасы, сухари и консервы, обмундирование и табак. Тяжелораненых и больных можно было теперь отправить в госпиталь, и сознание, что небесный мост связывает отряд с Большой землей, увеличивало силы и заставляло совершенно по-особому относиться к самолетам и летчикам.

Володя до войны в Журиничах видел только машины. Ему страсть как хотелось взглянуть на самолет. Но подходить к поляне, где самолеты садились, посторонним не разрешалось. Володька долго обхаживал старшего брата Степана. Потом бочком подкрался к дяде Коле Косолапову. Косолапов стал командиром отряда имени Щорса вместо Михаила Петровича Ромашина, который получил новое задание командования.

Николай Герасимович Косолапов давно присматривался к Володьке. Видел его и у лошадей, и с топором в руках при строительстве новых станов, и при сортировке оружия, и в бою, и в ночных переходах по лесам и болотам. И полюбил мальчишку, как собственного сына.

Двукрылый пузатенький У-2, спокойно покоившийся на лыжах, Володе показался домашним и очень понравился. Косолапов попросил летчика взять мальчишку в кабину, и Володя, не помня себя от счастья, взметнулся на борт самолета. «Сухарей, что ли, захотел?» — пошутил летчик. Володька собрался обидеться, но Николай Герасимович похлопал его по плечу и вроде бы невзначай сказал летчику: «Это наш храбрый боец. Представлен к награде медалью «За отвагу». Летчик улыбнулся, поднялся со своего места, козырнул Володьке и протянул тяжелую и сильную руку.

В эту зиму бойцу Володе Костикову довелось еще раз участвовать в большой и сложной боевой операции. Проводилась она под Брянском, на реке Десне, уже не одним отрядом Щорса, а целой бригадой, выросшей из отряда и носящей такое же имя. Партизаны шли к месту действия ночами, километров по двадцать—двадцать пять, а днем передыхали. Они должны были взорвать мост, по которому через Десну переправлялись поезда на Москву, уничтожить казармы гитлеровцев, охранявших этот мост. Володя управлял теперь лошадью по имени Буланый. Буланый тащил одну из телег с минами и гранатами.

На подходах к мосту партизаны стояли два дня. И Володя снова наблюдал, как организуется и заранее продумывается до мелочей всякое большое дело, участие в нем не то, что отряда или группы, каждого человека. Наконец, в час ночи, в глубокой темноте, в воздух взметнулась ракета, и все оперативные группы ринулись исполнять свои задачи. Володя же, как уже было заведено, оставался охранять подводы, подготавливая их в обратный путь.

Командовал бригадой бывший начальник штаба отряда Щорса Александр Трофимович Писарев. Командир Косолапов, а с ним и Степан первыми ворвались на мост и автоматными очередями сняли часовых. Егор Прозоров повел своих бойцов на фашистские казармы. Третьей группой подрывников командовал Семен Матюхин, журиничский председатель колхоза.

Из своего укрытия Володя слышал взрыв, видел пламя пожара. Вот рухнул в реку огромный пролет моста. Начали с криками выскакивать в одном нижнем белье из окон казармы фашисты. Белое белье, словно белые флаги капитуляции, мелькало в ночной черноте. И Володька плясал в ночи у подводы, как на празднике.

Трофейное оружие и раненых быстро, как всегда, погрузили на готовые к отходу телеги, стремительно погнали лошадей прочь от места боя, в леса.

В мае, после крупных наступательных операций партизан, гитлеровцы тоже перешли в наступление. Теперь поход карателей поддерживали еще и танки, и бронемашины, а с воздуха — самолеты. Лагерь не успел сняться с места, когда разведка донесла, что

гитлеровцы снова надвигаются цепями. Ночью никто не спал. Укрепляли оборонительные сооружения, занимали позиции в круговой обороне, минировали подходы к лагерю, готовились к бою.

Немцев подпустили совсем близко и расстреливали их на близком расстоянии из пулеметов и автоматов, из пистолетов и ружей, забрасывали гранатами.

Володя видел, как гитлеровская цепь сначала рассыпалась на звенья, потом эти мелкие и уже не такие страшные звенья стали падать на землю и откатываться назад. И тут из-за сосны выполз вдруг огромный, похожий на великанского зеленого бульдога танк с черными крестами. Ударил мордой о сосну и словно бритвой вмиг срезал вековое дерево. Володька не успел пошевелиться, сосна рухнула и только по счастливой случайности не задавила людей, оказавшихся поблизости.

Володя был всего лишь метрах в сорока от танка. Адская машина шла прямо на него, чтобы и его повалить, как вековую сосну, в одно мгновение. Не успев по-настоящему испугаться, Володя задрожал от ужасного взрыва. С земли исчез вдруг не он, Володя Костиков, а эта устрашающая фашистская машина с бульдожьей мордой. Танк подорвался на мине, и тоже всего лишь в мгновение.

Тут из-за танка выскочил бронетранспортер, застрочил крупнокалиберный пулемет. Гриша Митин, красноармеец, тоже вышедший в свое время из окружения, открыл огонь из бронебойного противотанкового ружья. Машина остановилась, заполыхала огнем. Степан приказал Володе в который раз бежать на пункт боепитания, заряжать заново диски для автоматов.

По приказу командира все тот же Егор Васильевич Прозоров повел штурмовую группу на прорыв

В эту зиму бойцу Володе Костикову довелось еще раз участвовать в большой и сложной операции. Партизаны должны были взорвать железнодорожный мост через Десну.



вновь начавшей было складываться черной гитлеровской цепи...

Целый день, до темноты, атака за атакой, сражение за сражением длился этот смертный бой партизан с карателями. И только ночью болотами удалось командирам вывести отряд на Пашенькино Поле. Тут измученные переходом, грязные и мокрые после болотных топей люди, леденея на пронзительном ночном ветру, хоронили своих товарищей.

Пережив собственную смерть, трагическую гибель сестры Марии, потерю многих боевых друзей — партизан, Володя, казалось, никогда еще так не рыдал от боли и страдания. В эту ночь хоронили героя Егора Прозорова, смертельно раненного в недавнем бою. И начальника разведки, дядю Архипа Валько, который столько раз давал Володе задания, хвалил за их выполнение. И комиссара отряда Щорса Николая Георгиевича Курнявцева, которого Володя помнил с тех далеких дней, когда в их лесном доме создавался однажды ночью партизанский отряд.

Володя не слышал выстрелов, воздававших почести погибшим товарищам. И впервые в жизни не видел вокруг себя родного леса, по которому они двигались, не передохнув, чтоб скорее соединиться с бригадой «Смерть немецким оккупантам!».

X

Летом сорок третьего года за лесами стали слышны канонады. Степан объяснил Володе, что Красная Армия уже приближается. Это видно было и по дорогам, на которых метались фашистские танки, бронетанковые машины, грузовики. Радио приносило радостные сообщения о победах наших войск на Орловско-Курской дуге. И в начале августа в столице Москве был дан первый салют в честь взятия города Орла, в область которого входил и Брянск.

Настроение у партизан переменилось к лучшему. Оно оставалось боевым — бои шли еще всякий день. Но гнетущую печаль сменяла радость. И чаще можно было встретить на лицах улыбки.

Этим летом Володя снова увидел росные утренние травы так, как видел их у дома своего отца. И как в далекое радостное довоенное время, летний лес зазвучал для него многоголосым хором трелей, клекота, уханий, стрекотания, постукивания и шелеста листьев, который он умел понимать.

Отступая, фашисты стремились прихватить с собою скот, угнать в Германию парней и девушек. И у партизан появились новые заботы.

В селе Мансурово фашисты собрали большую группу молодежи для отправки в Германию, согнали скот, приготовили целый склад продовольствия. Охранял Мансурово большой, хорошо вооруженный гитлеровский гарнизон. Комбриг Писарев поручил отряду Щорса совершить налет на Мансурово, разгромить гарнизон, освободить пленных, захватить скот, продовольствие, оружие.

План Косолапова состоял в том, чтобы внезапной атакой, разделившись группами, захватить центр села, обезоружить гитлеровцев, находящихся в казарме, и одновременно выполнить все поставленные задачи. Володя, как и в других боевых операциях, готовил подводы и лошадей к отходу. Только теперь у него всегда наготове был карабин, подаренный Михаилом Петровичем Ромашиным.

После Мансурова Володя не переставал думать о маме и Танюшке, теребил Степана, чтобы узнал о них хоть что-нибудь. Вести пришли не сразу, зато добрые, радостные. Мама, Улита Тихоновна, и сестра Татьяна живы и здоровы. И даже представлены к медалям «За отвагу». У деревни Святое вместе с оставшимися для связи мужчинами мама и Танюшка устроили фрицам засаду. И, кто бы мог подумать, с автоматами в руках отбили несколько подвод с продуктами. В другой раз, наблюдая за движением по железной дороге военных гитлеровских эшелонов, Танюшка сама попала в засаду. И только благодаря тому, что выросла в лесу, скрылась от погони верной дорогой — большими папоротниками. Ранили ее в левую руку, но рука уже зажила.

А вслед за этой пришла иная, страшная весть. В боях на Орловско-Курской дуге погиб их отец. Володя, спрятавшись подальше от людей, весь день бродил по лесу, припадая то к одному дереву, то к другому, пытался черпнуть от них силу и не находя сил. Лес вокруг шумел так же, как и при отце. И не пали на землю вместе с ним любимые его деревья, и по-прежнему светило солнце. А в ушах, как живой, продолжал звучать его голос: «Последышек, сыночек мой, теперь ты остаешься хозяином». Это были процальные слова отца.

XI

Вечером девятого сентября, Володя хорошо запомнил этот день, комбригу Писареву разведчики доложили, что всего лишь в километре от партизанского лагеря расположилась неизвестная воинская часть. Не хоронясь, жгут костры и разговаривают громко.

Писарев приказал отряду Косолапова выслать разведку и взять «языка». В разведку пошел Володин брат Степан. По его рассказам Володя и знал потом подробности случившегося.

Разведчики подползли к кострам вплотную. Крикнули: «Руки вверх!» Видят, люди неторопливо поворачивают головы, по-русски спрашивают: «Вы кто такие будете?» Партизаны растерялись. «А мы партизаны»,— отвечают. «Ну? — удивляется командир тех, что сидят у костра.— А мы — Красная Армия!»

Тут все вскочили со своих мест, бросились обниматься, радостно кричали и плакали, и громче других эхом понеслось по лесу слово: «свои», «сво-о-и-и!»

Когда узнали о встрече с бойцами Брянского фронта в партизанском отряде, то хотели было дать салют, но передумали. Вокруг еще стояли озверевшие от неудач гитлеровцы, и шуметь победою пока не настал час.

Лейтенант, командовавший взводом солдат, посоветовал комбригу Писареву на несколько километров отойти от их огневых позиций. А Писарев, в свою очередь, попросил лейтенанта срочно сообщить о партизанах командованию действующей армии.

Через пару дней на встречу с генерал-полковником Андреем Ивановичем Еременко отправился председатель журиничского колхоза Семен Максимович Матюхин. Вернулся он с двумя подводами продуктов, сухарями и консервами, а главное, солью.

Комбриг Писарев дал радиограмму в освобожденный уже Орел, и оттуда неожиданно прикатил в лес на легковой машине председатель Брянского облисполкома Михаил Петрович Ромашин. Вот было радости! И радость эта, судя по всему, должна была теперь всякий день расти и увеличиваться.

Час окончательной победы хоть еще и не пришел, но был уже близок.

Ромашин отыскал среди всех Володю, наполнил его карманы конфетами, прижал к себе, спросил: «Ну, как воюешь, сынок? Видишь, дожили мы и до радости. Доживем и до главной Победы!»

Михаил Петрович собрал всех, поздравил и поблагодарил от имени партии и Советской власти и объявил, что комбриг Писарев уже избран первым секретарем Брянского партийного комитета, в облисполкоме будет работать командир отряда Щорса Николай Герасимович Косолапов. «Все молодые партизаны,— сказал как о решенном Ромашин,— пойдут воевать дальше вместе с частями Красной Армии. Те же, кто постарше, займутся восстановлением разрушенного хозяйства. А юные герои,— заключил Михаил Петрович, глядя на Володю Костикова,— продолжат ученье. Ибо ученье — свет, а неученье — тьма!»

Лес вокруг весело шумел багряной и рыжей, осенней листвою. Переливающиеся в солнечных лучах разноцветные листья летали над головами праздничными гирляндами.

Брянск еще не был взят нашими войсками, но Советская власть, как добрый хозяин, продумывала все наперед, чтоб с первых же минут Победы каждый знал, за какое дело ему приниматься.

В октябре Володя учился уже в специальном ремесленном училище в Орле. Старший брат Степан, определив его в это училище, пошел воевать.

Все вскочили, бросились обниматься,
радостно кричали и плакали,
и громче других неслось
эхом по лесу слово: «свои».



Сражался под Кенигсбергом, а закончил войну на Дальнем Востоке.

Мама с Танюшкой, как выяснилось позже, перебрались к старшей сестре Анне под Орел, в Кромы. И, как только выпала возможность, Улита Тихоновна разыскала Володю. Тут Володя и сообщил ей о своем намерении стать военным, навсегда связать судьбу с армией. Улита Тихоновна поняла сына. Война, ворвавшаяся в его детство смертью и болью, определила его судьбу защитника от войны.

XII

Время человеческой жизни, к великому сожалению, не такое долгое и бесконечное, как кажется в детстве. Жизнь коротка. Нельзя потерять в ней не только года или дня, но даже часа и минуты. И так жаль, что не понимаешь этого в детстве и юности.

Вот уже он, Володя Костиков, конечно, теперь Владимир Сергеевич, вышел в запас, стал ветераном. Всю жизнь прослужив в армии, в последние годы, уже в чине подполковника, возглавлял Костиков в своей дивизии службу ракетно-артиллерийского вооружения. Станковые пулеметы «Максим», такие, как в годы войны величайшей ценностью несли они над головами через болота, тоже устарели. Теперь их можно увидеть в школьных музеях, как историческую реликвию. Время бежит.

И дети стали как будто совсем иными: более дерзкими, образованными и независимыми. Но задают они все те же, как и до войны, вопросы: за что получена медаль «За отвагу»? Не страшно ли в бою? И что такое тактика и стратегия боя?

Отслужив, он поселился в Минске. Помня, какую роль сыграл в его жизни герой Халхин-Гола Егор Прозоров, рядом с которым случилось ему сражаться в Великую Отечественную, он никогда не отказывается от встреч со школьниками. Он рассказывает им о Полпинской операции и о взрыве моста на Десне под Брянском, о командирах Ромашине и Косолапове и о любимых героях своего военного детства — дяде Егоре Прозорове и дяде Архипе Валько, и о многих других боевых своих товарищах. И обязательно о своей семье: об отце, Сергее Борисовиче, о матери, Улите Тихоновне, о брате Степане, о сестрах Марии и Танюшке и о себе. Человеку, начинающему жить, как понять события уходящей в историю войны, если не выделить в этих событиях судьбу одного человека, который на войне жил и страдал, радовался и ненавидел, и побеждал?!

Теперь у него больше свободного времени. И чаще думает он о прошлом. Всякий раз, отправляясь к детям, заново вспоминает и перебирает жизнь.

Была ли его жизнь праздничной, как сулили родителям при его рождении? Во всяком случае, праздника Седьмого ноября, в день которого он родился, он не омрачил и не испортил. И достоинство, как хотела мать, старался сохранять в любом деле и во всякой, предложенной ему жизнью ситуации. А великим, теперь и он думает так же, как его отец, нужно видеть всякого человека, если только он сам не растеряет себя и не перечеркнет в себе человеческое.

И вот, уходя в старость, все чаще думает он о том, как передать не израсходованную еще силу детям. Веря и надеясь, что когда-то они встанут рядом, даже если его уже не будет.

КОНЕЦ

НАВСТРЕЧУ XII ВСЕМИРНОМУ

Давайте дружить!



Дорогие ребята! В №7 за 1984 год мы объявили конкурс на лучший сувенир для делегатов XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве и просили вас написать письма зарубежному другу, которые составили бы почту мира. О чем ваши письма?

«Наш класс,— пишет **Лиля Боднарик** из Владивостока,— борется за право носить имя Сергея Лазо. Наша пионерская организация делает все, чтобы ребятам жилось хорошо. У нас в школе устраиваются всевозможные спортивные соревнования, игры, викторины, конкурсы. Открыты двери всех кружков для ребят. Я счастлива, что живу в таком замечательном городе и учусь в такой замечательной школе».

О своем родном городе и селе, о своем классе, учителях, товарищах рассказывают зарубежному другу Инна Ситникова из села Березнеговатак, Николай Великанов из Москвы, Вадим Салихов из Самарканда, Света Чуева из Владивостока.

Немало строк в ваших письмах, ребята, о Великой Отечественной войне, о том, как вы готовитесь отметить 40-летие Победы над фашизмом, как вы боретесь за мир, чтобы не вспыхнуло на планете пламя новой войны.

«За четыре ужасных военных года наша страна потеряла двадцать миллионов сыновей и дочерей. Эту потерю не восполнишь... В память о погибших построены новые города, над которыми будет мирное небо!»

Жанар Мыктыбаева.

«Когда мы слышим слово «война», мы сразу вспоминаем о войне, которую пережил наш народ в 1941—1945 годах. Мы не должны допустить третьей мировой войны!»

Аслан Кишев.

«Сорок лет назад был убит мой прадедушка, тяжело ранен дедушка. Бабушка Аня вместо учебы в школе с четырнадцати лет работала на заводе. Я не хочу, чтобы началась новая война, чтобы погибли мои папа и мама. Мы хотим мира!»

Катя Долженко.

«Дружба — великая сила на земле. Дружба помогает победить зло. «Давайте дружить,— призывают советские ребята зарубежных юношей и девушек.— Только вместе мы можем одолеть угрозу войны».

Мы любим нашу жизнь и хотим прожить ее под мирным и ясным небом. Мы уверены, что и ты не хочешь войны. Мы обращаемся к тебе с призывом сказать свое слово в борьбе за мир. Пусть наша Земля существует вечно! Пусть же крепнет наша дружба!»

Ученики 8 «А» класса школы №30 г. Кишинева.

ОТ РЕДАКЦИИ: Дорогие ребята! Ждем от вас новых интересных писем зарубежному делегату фестиваля, которые бы составили почту мира.

ВАХТА ПАМЯТИ

Тысяча четыреста восемнадцать дней и ночей шла Великая Отечественная война. Двадцать миллионов жизней советских людей унесла она. Тысячи городов, сел и поселков были сожжены и разрушены дотла. Нет ни одной советской семьи, в которой не было бы утрат — утрат горестных и тяжелых.

В честь героев былых сражений открыты памятники и обелиски, возведены мемориалы. В годы войны вместе со взрослыми приближали долгожданную Победу самые юные — разведчики и связные, подпольщики и санитары. Их ласково называли сынами полков. Многие из них пали смертью храбрых в боях за Родину. Четырем пионерам — Лене Голикову, Марату Казею, Зине Портновой, Вале Котику — посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. В Москве, на ВДНХ, у павильона юных техников и натуралистов, поставлены их бюсты. Пионеры страны продолжают сбор средств на сооружение аллеи юных героев в «Артеке».

Шелестят зеленой листвой аллеи и парки, посаженные пионерами и комсомольцами в память о тех, кто в грозные дни войны грудью заслонил наше социалистическое Отечество. Пионерские отряды и дружины, Дворцы и Дома пионеров, школы и библиотеки носят имена отважных героев, повсюду работают музеи боевой славы. А дорогами поиска идут экспедиционные пионерские отряды.

Память о воине-освободителе, память о советском солдате, который принес мир на нашу землю, освободил от фашизма народы Европы, священна и бессмертна.

В честь всех тех, кто не вернулся с фронта, проводится со 2 по 9 мая Всесоюзная Вахта Памяти. Она проходит в каждом городе, каждом поселке.

Вахту Памяти несут молодые рабочие, колхозники, воины, пионеры и школьники.

В дни Недели пионеры открывают новые музеи боевой славы, выставки и экспозиции о героизме, мужестве, стойкости советских людей. Организуют выставки рисунков, книг, документальных фотографий, плакатов, марок, значков, рассказывающих о героях и их подвигах.

Пионерские дружины проводят трудовые десанты, воскресники и субботники, на которых приводят в порядок могилы героев, сажают новые аллеи и парки. В гости к пионерам приходят убеленные сединой ветераны войны с орденами и медалями. Они рассказывают об истории тех частей, в которых они воевали, о своих боевых друзьях-товарищах.

В честь героев в дни Вахты Памяти вспыхивают пионерские костры. На домах, где живут ветераны, зажигаются тимуровские звезды. Каждому ветерану войны и труда пионеры и школьники дарят в эти дни первые весенние цветы, сувениры, сделанные в кружках «Умелые руки».

Каждый пионер — это будущий защитник Родины. Во время Вахты Памяти штабы военно-спортивной игры «Зарница» организуют соревнования юных стрелков, санитаров, радистов, телеграфистов, спортивные состязания. Туристы идут в однодневные походы по местам минувших боев.

Во многих городах нашей страны горит Вечный огонь славы. 9 Мая — в день Великой Победы — в священных для нашего народа местах проходят торжественные линейки памяти. И ветераны, и юные ленинцы минутой молчания чтят память погибших, возлагают к памятникам цветы и гирлянды славы.

В этот день проходят антивоенные демонстрации, митинги солидарности, пионеры собирают подписи под письмами протеста, которые отправляют в Организацию Объединенных Наций. В этих письмах звучит гневный протест против тех, кто пытается ввергнуть нашу планету в новую термоядерную войну, перенести гонку вооружений в космос.

Вахта Памяти — это многомиллионный призыв к миру, день уважения юных пионеров тем, кто принес нашему народу Великую Победу.

Фотография В. АРСИРИЯ.



Малая Пионерская Энциклопедия



«Расскажите, пожалуйста, о первых пионерах» — часто встречается этот вопрос в письмах наших читателей.

Сегодня вы прочитаете воспоминания людей, которым за шестьдесят, у которых за плечами — большая сложная жизнь.

Виктор Петрович БУРЛАКОВ около тридцати лет проработал учителем. Иван Михайлович ДЕНИСОВ воевал, был тяжело ранен в Сталинграде, после войны написал несколько книг. Георгий Романович ГЛУЩЕНКО, учитель, родился в семье крестьян. Перед самой войной начал воинскую службу в части, которая стояла у реки Прут и в бой вступила в первый же день Великой Отечественной войны.

Сегодня вы прочитаете воспоминания о времени трудном, но прекрасном, тревожном, но счастливом. О времени, когда право носить красный галстук нужно было отстоять, завоевать в борьбе.

КАК ПИШЕТСЯ СЛОВО «ЛЕНИН»



Я стою около горячей плиты с железным тяжелым ковшом, доверху наполненным холодной водой, а дядя Прокоп жестяным половником с длинной ручкой беспрерывно помешивает шипящую и булькающую массу из картофельной патоки.

— Проба! — кричит он.

Я протягиваю ковш с холодной водой, а дядя Прокоп, зачерпнув из котла, льет патоку в холодную воду. Вода обливает мне руки, очень холодно, но я терплю и стою, не шелохнувшись.

Дядя Прокоп варит конфеты и продает их на базаре, а мы с моим другом Колькой работаем у дяди Прокопа.

Рука у меня немеет, а ковш с водой становится все тяжелее и тяжелее. Перекладываю ковш в левую руку, а в ней и вовсе нет сил. Вот-вот упаду...

Незаметно наступают сумерки зимнего дня. Сегодня суббота, и дядя Прокоп рассчитывается с нами деньгами и жареными семечками.

— Спасибо! — тянет долговязый Колька, целый день клеивший пакеты для конфет.

— Не мне спасибо говорите, а Советской власти и Ленину. Мне велят платить вам, соплякам. Раньше платил тумаком, подзатыльником, а теперь и пальцем вас не тронь. Ленин не велит! А велит всех грамоте учить. Декрет, вишь, какой-то вышел...

— Декрет где? — спрашивает Колька.

— На улице Гончарова, на тумбе наклеен.

Мы с Колькой побежали к двери...

Стоим у тумбы, на которой наклеен Декрет.

— А как Прокоп не пустит в школу? — говорю я.

— Прокопам с Лениным не совладать,— отвечает Колька.

Колька нежно гладит буквы Декрета. Гладит слова, жизнь которым дал великий Ленин.

...В классную комнату свезли, снесли столы и стулья из бывшей гостиницы. Мы с Колькой сначала уселись за сверкающий золотом столик. Его блеск показался нам неприятным, и мы пересели за ломберный столик, покрытый зеленым сукном.

В класс вошла учительница. На ней было чистенькое, без единого пятнышка платье. Учительница улыбнулась и спросила:

— Что бы вы хотели знать раньше всего и прежде всего?

— Тетенька! — крикнул Колька.

— Елена Васильевна,— поправила учительница.

— Тетенька Елена Васильевна, покажите, как пишется слово «Ленин».

Учительница молча, при торжественной тишине класса написала на доске: «Ленин».

Мы все переписали его. Тогда оно заняло у меня пол-листа бумаги, а в дальнейшем — все сердце. Всю жизнь.

В. П. БУРЛАКОВ, г. Таганрог.

3—4. «Пионер» № 5.

НА ГРУДИ — КРАСНЫЙ ГАЛСТУК

Год тысяча девятьсот двадцать четвертый. Зима. Стужа. Трескают, стреляют от мороза бревна.

От конторы сельского Совета по заснеженной улице медленно движется толпа. Над ней мрачно обвисли полотнища траурных знамен. Толпа завернула на площадь, окружила подковой небольшую трибуну.

На трибуну взобрался молодой коммунист, первый организатор бедняцкой коммуны, мой брат Федор Денисов.

— Товарищи! — сказал он.— Сегодня скончался наш друг и учитель, величайший вождь пролетариата Владимир Ильич Ленин.

...Мы сидим у стола — я и Мишка Горин, мой друг. В руках у нас красный платок моей матери. В сердце — горе.

Сегодня нас приняли в пионеры, но галстуков не дали.

— Сделаем так,— не отрывая глаз от платка, говорит мне Миша.— С этого угла режем на этот. Будет два клина. И тебе и мне — галстуки.

Делаем так. Режем. Примеряем.

— Вот мы с тобой и пионеры.— Миша смотрит в осколок засиженного мухами зеркала.

— Мы как, при галстуках будем ходить? — спрашиваю я.

— А как же! — уверенно отвечает Миша.

— А Васятка Дудонин...

— Чепуха. Пионеры, они вроде Ленина, ничего не боятся.

...Год тысяча девятьсот двадцать четвертый. Весна.

Я и Миша Горин, оба при галстуках, смело идем бывшим помещичьим парком. Солнце, много солнца. И трава. И набухают почки. Мы идем, радуясь, жуя медово-горьковатые почки молодых лип...

— А... коммуняты,— раздается зловещий басок. И перед нами — Васятка Дудонин. У него кривая ухмылка, в глазах безжалостный блеск.

— Н-ну, коммунятки,— продолжает он и подходит вплотную.— Как ваше здоровье? Как ваши мамаши?

Он берется за наши галстуки, сильно давит нам шеи.

— Не смей! — звенит голос Миши.

— Не смей! — вторю я.

— Что значит не смей? — расслабленно продолжает Дудонин.— Деточки мои милые...

Он улыбается, но глаза холодеют. И неожиданно резко он бьет нас друг о дружку лбами.

Сильно бью Васятку и вцепляюсь зубами в руку. Хруст и солоноватый привкус.

— Ба... какой ты,— не вырывая руки, спокойно говорит Дудонин. Он отшвыривает Мишку и, страшно улыбаясь, поднимает меня за галстук на воздух. И закрепляет на сук. Потом он так резко и сильно щелкает меня по носу, что я теряю сознание...

Год тысяча девятьсот двадцать четвертый. Весна. И в траве и в деревьях ходят хмельные соки. Я стою, прислонившись к дереву, качаюсь. Свое бледное лицо я вижу во взглядах взрослых парней. Это они спасли меня. Чуть в стороне — Миша.

— Ну, как? — спрашивает кто-то и утешает: — Ничего, жить тебе еще долго.

Я не отвечаю. Покачиваясь, иду к дому. Рядом, плечом к плечу — Миша.

Мы идем молча. Мы идем в галстуках. И всегда будем с ними — и дома, и в школе, и на улице. Это завоевано.

И. М. ДЕНИСОВ, г. Горький.



Я ТВЕРДО РЕШИЛ СТАТЬ ПИОНЕРОМ

Первый раз слово «пионер» я услышал от Сашки Медкова, второклассника. В то весеннее утро я увидел Сашку у свежевскопанных грядок, рядом стояли четверо Сашкиных товарищей. Грядок было две. Одна из них напоминала букву «Ю», другая — «П».

— Что это значит? — я кивнул на грядки.

— А это значит, что мы теперь «юные пионеры» — «ЮП», понимаешь? — ответил Сашка.

— Мы? Кто мы?

— Мы — это я и вот они.— Сашка показал на товарищей.

Я посмотрел на Сашку, на ребят, на грядки — и попытался уловить между всем этим хоть какую-то связь. И не мог. При чем здесь грядки?

— Ну, что тут непонятного! Говорю тебе: пионеры мы, юные... Мы теперь всем ребятам пример! Вот!.. Что смотришь? Легко, думаешь, было вчера здесь копать, воду таскать, поливать? И не грядки это, а клумбы. Теперь понятно?

...Я твердо решил стать пионером: хотелось ходить в шеренгах, петь, бить в барабан, хотелось копать грядки. Быть всем примером. Дома рассказал о пионерах и получил подзатыльник от матери. «Я тебе вступлю»,— пригрозила она.

В пионеры я все-таки записался, тайком от матери. Вожатому сказал, что мне не восемь, а десять лет... Повязали на шею галстук — красный, как пламя!

Домой шел не спеша: как там встретят? Ветер осторожно, ласково шевелил концы галстука. Довольный собой, жизнью, я запел что-то. И вдруг, едва повернул за угол, налетели трое. Повалили наземь, нещадно избили, сорвали и затоптали в грязь красный галстук. Четвертый — сынок владельца мельницы — стоял в стороне и грыз лампасейки — лакомство, доступное тогда очень немногим.

— Ну, вот теперь ты «всем пример»,— процедил сынок, угощая дружков лампасейками.— И смотри мне...— Он собирался что-то добавить, как вдруг появился Сашка Медков. В них полетели комья сухой земли, и они постыдно бежали.

— Вытри слезы,— сказал Сашка грубовато, отряхивая меня от грязи и пыли,— и не ври в другой раз, что тебе уже десять. А сдачи учись таким вот давать — ты же пионер!

Галстук дома мать отстирала, выгладила...

Вот так тогда получилось... Как много воды утекло с тех пор. После начальной нам с Сашей Медковым удалось окончить ШКМ — школу колхозной молодежи, а затем техникум. Первыми на селе мы стали учителями. Потом воевали на фронтах Отечественной...

Юная пионерия, как и тогда, в начале двадцатых, жадно тянется к знаниям, работе. Встречая



нынешних мальчишек и девчонок, даже мы, кому за шестьдесят, семьдесят, делаемся моложе, бодрее, чувствуем себя юными. Пионерами!

Г. Р. ГЛУЩЕНКО, г. Славянск-на-Кубани.

Рисунки М. ЛИСОГОРСКОГО.

Отряд говорит

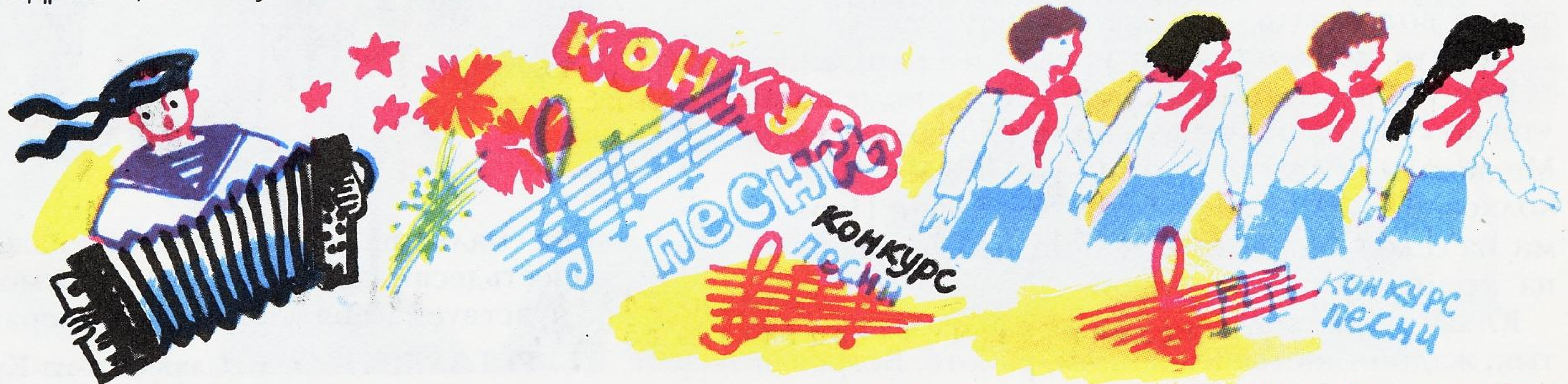
Всесоюзный пионерский сбор-поиск «ВЕРНОСТЬ КРАСНОМУ ГАЛСТУКУ»

Юля ЛЕВКИНА, село Такмык, Омская область. Моя бабушка вступила в пионеры в 10-ю годовщину Октября. Бабушка и до сих пор вспоминает, как давали они Торжественное обещание быть верными помощниками партии и комсомола. Помнит она и своего пионервожатого Алешу Черноножкина. Он объяснял им, только что вступившим в пионеры, что главная их задача — хорошо учиться и активно участвовать в общественной работе. Комсомолец Алеша готовил с ними физкультурные выступления, разучивал пионерские песни. Любимой песней отряда была «Здравствуй, милая картошка». Бабушкин пионерский отряд выпускал пионерскую стенгазету, а к революционным праздникам писал революционные лозунги, призывающие к новой советской жизни. Рядом со школой находилась сельская церковь. Она в то время действовала, и пионеры вели атеистическую пропаганду. Многие родители тогда не разрешали своим детям вступать в пионеры, носить красный галстук. Пионерам надо было делами и поступками доказывать свою правоту, правоту своих убеждений. При школе, где училась бабушка, был интернат и небольшое хозяйство. Бабушка, как и остальные пионеры, ухаживала за гусями, кроликами, лошадьми и работала на огороде. Ребята постарше пахали на лошадях и сеяли хлеб, ухаживали за коровами, девочки доили коров. Бабушка считает, что воспитание в труде очень многое дает человеку для жизни. Когда бабушка подросла, то вступила в комсомол, а позже и в члены КПСС. Тридцать шесть лет проработала моя бабушка, Екатерина Федоровна Ломакина, в школе учителем русского языка и литературы. Сейчас она на пенсии, но в сердце всегда хранит любовь и верность красному галстуку. И всегда готова помочь в пионерском деле мне и моим друзьям.

Светлана САЛЬНИКОВА, город Оса, Пермская область, педучилище. Сколько прекрасного дарит маленькому человеку первый учитель! Мысленно возвращаясь к нему, мы идем сквозь бури, ураганы, покоряем непроходимую тайгу, строим магистраль. Об учителе много песен и книг написано, но в каждое сердце он входит особо... Вот субботним вечером мы пришли к Татьяне Георгиевне Култышевой, и она рассказывает нам о своей работе пионервожатой, о слете вожатых, о том, как впервые выступала во Всесоюзной радиогазете «Пионерская зорька». Мы смотрим альбом с фотографиями пионеров, которых растила Татьяна Георгиевна. Сейчас эти люди — и учителя, и военные, и врачи, и рабочие, и комсомольские работники. Листая странички альбома, мы вроде бы перелистываем годы жизни пионерской вожатой и видим, как много она успела. Случайно из альбома выпала шутливая записка: «Человечество мечется в поисках вечного двигателя, а это, оказывается, Вы». Наверное, кто-то написал ее на слете вожатых, но это и правда — Татьяне Георгиевне на слете была вручена грамота как «самой активной участнице слета».

Александр Николаевич СТЕПАНОВ, город Уфа, инвалид Великой Отечественной войны, ветеран труда. Меня пригласили на Торжественную линейку в уфимскую школу № 50, а потом в 6 «Г» классе я рассказывал о Курской битве и о том, как брал «языка». Вместе мы пели замечательную пионерскую песню «Взвейтесь кострами...». Пионеры этого класса часто бывают у нас дома. Рассказывают о своих школьных и спортивных успехах, помогают нам с женой по хозяйству. А однажды в праздник вместе с молоденькой учительницей-практиканткой они устроили для нашей семьи даже небольшой концерт. К 40-летию Победы над фашистской Германией по нашим рассказам о войне в классе проводили сочинение и очень успешно. В честь 40-летия Победы прошли у пионеров и выступления «Алло, мы ищем таланты!», и спортивные состязания «Старты надежд». Мы с женой Ираидой Петровной решили в честь 40-летия Победы провести 40 выступлений в школах, Дворцах культуры, кинотеатрах. Мы счастливы тем, что опыт нашей жизни нужен нашим детям и внукам, и готовы делиться с ними своими знаниями, советами, всем, чем можем.

Наташа АЛЕКСЕЕВА, город Владивосток. Когда мы готовились к смотру строя и песни, к нам пришли моряки, чтобы помочь нам. С нашим пионерским отрядом подружился моряк по имени Иван. Иван многому нас научил, и мы заняли второе место. Мальчишки сделали небольшой парусник, и мы в знак благодарности подарили его Ивану.



ПОХОД БЕРЕЖЛИВЫХ

В начале года меня и моих подруг избрали на пост бережливых. Мы с ребятами провели беседу о том, во сколько обходится государству небрежное отношение к школьному имуществу, к учебникам. Следили, чтобы все учебники были обернуты в бумагу, чтобы ребята бережно убирали свой класс каждый день. Если что-нибудь ломалось: столы, стулья,— мальчики чинили. Теперь аккуратность и бережливость стали нашей привычкой, а кабинет математики, который закреплен за нами,— одним из лучших в школе.

Ирина ОСКОЛКИНА, 7-й класс, г. Чимкент.

ПОСТУПОК

Недавно странички «Отряд говорит с отрядом» получили такое письмо:

«Пишет вам ученица 6 «А» класса средней школы № 5 поселка Айхал Якутской АССР **Катя ДЕНИСОВА.** Я в первый раз пишу письмо в редакцию моего любимого журнала «Пионер», и в этом письме к вам я бы очень хотела рассказать о моих товарищах-одноклассниках. В этом учебном году я сломала руку. Это случилось накануне новогоднего праздника. На школьный праздник я, конечно, пойти не смогла, но как же я была рада, когда вечером в этот же день ко мне пришли почти все мои одноклассники — девчонки и мальчишки. Куда только подевалась моя болезнь? Друзья рассказали мне, как прошел школьный новогодний праздник, сообщили отрядные новости. Мы вместе послушали музыку, посмеялись, посмотрели наши семейные альбомы. Все зимние каникулы навещали меня мои друзья, и с ними не так страшна была болезнь. Ну, вот и все. Маленькая, кажется, история, но мне она запомнится надолго».

Такое письмо читать приятно. Всякому ясно и без лишних слов, что поступки друзей, вообще всех людей, которые нас окружают, могут прибавить нам силы, а могут и отнимать силу, и здоровье, и необходимое для жизни и работы равновесие, ухудшать настроение. Еще раз подумайте об этом, читая письмо ***Наташи ИСКАКОВОЙ*** *из Ленинграда. Наташа пишет стихи и поэтому письмо свое направила в «Кораблик».*

«Дорогой «Кораблик»! Получила твое письмо и задумалась. Да, надо рассказать о себе. Дело в том, что я не могу ходить. Когда я была еще совсем маленькой, заболела и вот уже 14 лет не хожу. Вдобавок правая рука у меня парализована, поэтому работает только левая. Пишу я плохо, вот и печатаю на машинке. Учусь я на дому, в нормальной школе. Вот уже в 7-м классе «Б». Программа школьная, как у всех. Я даже учу немецкий язык. Но больше всего я люблю историю. Ребята из моего класса ко мне не ходят. И это очень плохо. Вот такая я. А стихи я посылаю новые. Вот они:

Подарок осени

С ветки вдруг сорвался листик золотой.
Возьму его, пожалуй, я к себе домой.
Я открою книгу, листик положу
На ее страницах — на память засушу.
Пусть зимой напомнит листик золотой,
Как осень осыпала землю красотой».

Ребята! Если кто-то из вас захочет написать Наташе Искаковой, поддержать ее, подружиться с ней, то вот ее адрес: 192284, г. Ленинград, улица Будапештская, дом 69/2, квартира 46.

«Пионер» по-прежнему ждет ваших писем с размышлениями о поступках хороших и плохих.

КАК НАМ БЫТЬ?

Сейчас мы учимся в 7-м классе, и семь лет живет среди нас человек, который бьет девчонок, грубит учителям. Только два-три человека в классе могут сказать что-то ему. А все остальные словно пляшут под его дудочку. Боятся его, потому что он всех запугивает, может и избить. Но я знаю, что он трус и храбрый только против тех, кто слабее его. Однажды на сборе мы все-таки сказали ему, что не намерены больше мириться с его поведением. Но потом он начал все сначала. Как нам быть? Как отряду бороться с такими людьми? Ребята, может, вы нам подскажете?

Светлана СИЗОВА,
поселок Шабры, Свердловская область.



101459, ГСП, Москва
Бумажный проезд, 14, 11 этаж
«Отряд говорит с отрядом»

Читатели «Пионера» хорошо знают писательницу Александру Яковлевну БРУШТЕЙН, ее прекрасные книги «Дорога уходит в даль», «В рассветный час», «Весна». Совсем недавно, в прошлом году, мы отмечали 100-летие со дня ее рождения. В «Пионере» в восьмом, августовском, номере писатель Л. Разгон рассказывал о жизни и творчестве Александры Яковлевны.

А сегодня журнал печатает главы из повести Александры Бруштейн «Внуки мои, внуки». Повесть эта о войне, о детях и взрослых, о тех, кто работал в тылу для победы. Но мы расстаемся с ее героями, так и не узнав, как сложилась дальше их судьба. Повесть «Внуки мои, внуки» не окончена. Одна нигде не публиковалась. Александра Яковлевна работала над нею до самой смерти, до последнего своего дня. Завершить работу она не успела.

Александра БРУШТЕЙН

ВНУКИ МОИ, ВНУКИ...

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

К людям, вселенным в ее квартиру, хозяйка Прасковья Ивановна относилась по-разному. Было их четверо. Старый рабочий Русаков, эвакуировавшийся из Ленинграда, его жена Дарья Осиповна; девочка Галя, которую Русаковы считали своей внучкой после того, как в пути погибла под бомбами ее мать; и молодая женщина Варя Наврозова, работавшая инженером на том же заводе, что и Русаков. Встретила их поначалу Прасковья Ивановна настороженно. Кто их знает, этих «вайкуированных», какими они еще себя покажут... А пока, конечно, надо местным жителям потесниться и принять приезжих. Ничего не поделаешь — война! Люди убегают из насиженных мест, ведь фашисты — эвон, гляньте! — каждый день все новые города отхватывают. Что ж, потерпим, поможем беженцам, не век же она будет, эта война! Так думала, конечно, Прасковья Ивановна.

Но одно дело думать, понимать возникшую необходимость. И конечно, совсем другое дело мириться с неудобствами, вызванными вторжением целой армии «вайкуированных», с жилищной теснотой, ростом цен на рынке, с оскудением товаров в магазинах. Тут и не захочешь, а иногда поворчишь-повздыхаешь: «Ну, как же хорошо было до войны! Конечно, не роскошничали, но всего было довольно, на всех хватало...»

Прежде, чем всех остальных, Прасковья Ивановна «зауважала» старика Русакова — за строгость, за требовательность ко всему и ко всем начиная с самого себя.

«Ничего не скажешь! Хозяин, мужчина в доме! Правильный мужик!» Сложнее было отношение Прасковьи Ивановны к Варе. С одной стороны, подкупала страстная истовость Вариного труда: «Девчонка ведь, а как работает!» С другой стороны, Варя вызывала в Прасковье Ивановне невольное стремление оградить ее хрупкость, защитить ее от трудностей, от возможных болезней, ну и, конечно же, от неизбежных, по мнению Прасковьи Ивановны, ошибок молодости. В общем, это была своеобразная опека — придирчивая, требовательная, трогательно-бранчливая.

Всего удивительнее складывалось отношение Прасковьи Ивановны к Дарье Осиповне. Прежде всего она никак не могла до конца ее понять. Это было странно; Дарья Осиповна была, казалось, наименее сложной из всех «вайкуированных», вселенных к Прасковье Ивановне. Старуха и старуха, что в ней мудреного? Дарья Осиповна была простая, как самодельная дудочка, и все в ней было такое же простое, чистое и нежное, как бесхитростный голосок такой дудки... А вот поди ты, Дарья Осиповна часто удивляла свою квартирную хозяйку, а порой казалась ей вовсе не понятной! Отношение Прасковьи Ивановны к ней складывалось из бурного, еле сдерживаемого возмущения и невольного уважения, порой даже восхищения. Семейная женщина, старуха, мужняя жена, бабушка маленькой Гали,— пусть не родная, пусть только приемыш, все равно! — с утра, иногда до света убегает из дома! Думаете, по хозяйственным делам? Как бы не так! Конечно, она «дом помнит», этого про нее не скажешь, чтобы она о доме вовсе не думала,— вот и теперь она и картошку на зиму запасла, и капусту, и уголь... Но дом домом, а не он главное для Дарьи Осиповны, другое для нее главное! Как приехала, так сразу и выбрали ее в председатели уличного комитета. Почему ее, не другую? Наверное, знали, чуяли, что она за человек! И с тех самых пор она изо всех сил, даже выше сил человеческих колготится, помогает людям: чтобы для всех картошку достать, капусту, уголь, чтобы у всех крыша над головой была... Кому пособие. Кому школу для ребят. Ну, все, все, говорю я тебе! Нет того, чтобы лишнюю лопотину, белье на хлеб выменять или на масло, крупу — словом, как все люди! Ку-у-уда! Последнюю свою тряпку отдаст. Вон намедни цыганка прибегала с ребеночком,— голые оба. Так что ты думаешь, Дарья Осиповна с себя теплую вязаную кофту на них надела, укутала их... Вот она какая, старуха эта ленинградская!

Все это, по мнению Прасковьи Ивановны, была бесхозяйственность, она этого не понимала и не хотела понимать, возмущалась, вот что хотите! Но по странной непоследовательности человеческого

сердца эта непонятная в Дарье Осиповне черта покоряла Прасковью Ивановну, как проявление какого-то более высокого, более благородного, «не бабьего» порядка.

Всего ярче проступала эта двойственность отношения Прасковьи Ивановны к Дарье Осиповне во всем, что касалось маленькой Гали. Как-то само собой так вышло, что Прасковья Ивановна отдавала Гале очень много времени. Часто, случалось, отводила ее в ясли, а когда Дарья Осиповна почему-либо задерживалась позднее обычного, Прасковья Ивановна сама шла за Галей в ясли и приводила ее домой, поила-кормила на ночь и укладывала ее спать. При этом она иногда бранилась отрывисто и негромко:

— Няньку нашла!.. Бросила девчонку на чужих людей — обра-а-довалась!..

Про себя, в душе, она ни на миг не забывала, что и сама Дарья Осиповна — вовсе чужая для этой горюши-сиротки, а вот как просто и душевно приняла Галю «во внучки»! Недавно Галя заболела — воспаление среднего уха,— она металась в жару с жалобным стоном: «Больно... Ушко больно...» Дарья Осиповна, сама уставшая за целый день работы, всю ночь напролет, не спуская девочку с рук, ласково баюкала, укачивала ее, вышагивая с ней, как игла в швейной машине! Но и Прасковья Ивановна без всяких просьб охотно сменяла Дарью Осиповну в уходе за больным ребенком, тоже не спала ночей, тревожась и горюя, радостно ловя признаки улучшения...

* * *

Дарья Осиповна воротилась домой и, еще не присев, только мигом оглядев комнату и не найдя Гали, быстрой своей «птичьей» походочкой устремилась в комнату Прасковьи Ивановны. Там на большой кровати, подбиравшейся белоснежными подушками под самый потолок, сладко и беззаботно спала Галя.

Дарья Осиповна смотрела на девочку и всем существом переживала то, что можно бы назвать «чудом спящего ребенка». Кто не знает, что это такое, тому и рассказывать бесполезно. Но великое множество людей, в особенности женщин, знают это очень простое, будничное и вместе с тем поистине великое чудо... Смотришь на спящего ребенка — и тебя постепенно окутывает удивительное, радостное тепло! Если ты пришел усталый, или раздраженный, или огорченный чем — все это: усталость, печаль, раздражение — как-то неощутимо растворяется, испаряется. Вот он лежит перед тобой — завтрашний день! Твой, мой, его, наш завтрашний день. Все в порядке, есть з а в т р а. Для этого завтра надо жить, трудиться, бороться, держаться изо всех сил... Вы осторожно гладите руку спящего ребенка, и она безвольна и вместе с тем не поддается, не сгибаются пальчики... Вы омылись в чистом источнике — вы снова готовы идти в бой!

Стоя неподвижно над спящей Галей, Дарья Осиповна, не оборачиваясь, почувствовала за своей спиной вошедшую в комнату Прасковью Ивановну. Осторожно повернув к ней голову, Дарья Осиповна уловила ту растроганность, какая светилась в глазах этой властной, почти всегда недоверчивой и все-таки — Дарья Осиповна это превосходно знала! — доброжелательной к людям старухи. Сейчас Прасковья Ивановна смотрела на Галю и еле слышно шептала:

— Мёдынька ты моя...

И тут же, мгновенно спохватившись, устыдившись своей растроганности, Прасковья Ивановна прошептала:

— Ш-ш-ш-ш! Разбудим!

И увлекла Дарью Осиповну в соседнюю комнату.

А там все пошло в обычном полунасмешливом тоне:

— Ну, как ты там, уличного комитету председатель? Живешь? Прыгаешь? Ты где ж это целый день была?

Тем временем Дарья Осиповна собрала на стол, поставила кружки, тарелки, взялась за чайник, чтобы нести его в кухню на плиту.

— Где я была? — повторила она, и лицо ее словно потемнело.— В театре городском была...

— Нашла время гулять! — поразилась Прасковья Ивановна.

Дарья Осиповна ответила не сразу. И негромко, словно переживая снова все только что увиденное:

— Не играют, Ивановна... Не играют театры... Эшелон большой в ночь прибыл. С Украины. Пока в театре разместили. Горя, милая, горя! На сцене — люди, под сценой — люди, в зале, в коридорах — полно! Дети плачут, матери жизнь клянут...

Дарья Осиповна замолчала. Перед ее глазами встал вдруг увиденный в этот день ужас бездомности — ни крыши над головой не было у этих людей, ни изголовья для детей... Вспомнилось вдруг словно сейчас увиденное: женщина, сидя на полу, кормила грудью ребенка — грудь была пустая, ребенок заливался хриплым, голодным плачем. Девочка, чуть побольше, ползая тут же на полу, теребила эту женщину за юбку, не плача, а надсадно и тупо ныла: «Ы-ы-ы-ы...» «Тебе еще чего?» — вдруг яростно зашлась женщина...

Дарья Осиповна перешла к другим вещам, простым, житейским:

— Ни воды, ни плиты — театр ведь не дом... Больные кашляют, у ребят поносы...

— Топчешься там! — угрюмо укорила Прасковья Ивановна.— Сама не подхвати болезни-тё!

Но Дарьи Осиповны уже не было в комнате. Пройдя в комнату к Варе Наврозовой, она остановилась около ее кровати. Варя спала тем тяжелым сном, каким оглушает человека глубокая физическая усталость. Сон, видно, застиг ее внезапно, едва она вернулась с завода — она не успела укрыться одеялом, ноги были разуты, пимы валялись на полу, одна рука неудобно свисала.

— Как спит-то, господи! — качала головой Дарья Осиповна.

Словно почувствовав ее присутствие, Варя раскрыла ошалелые со сна глаза.

— Дарья Осиповна...— пробормотала она и, спустив ноги, присела на кровати.— Дарья Осиповна...— прильнула она головой к плечу старухи, присевшей рядом с ней на кровать.

Было непонятно, совсем ли она проснулась или еще плутает где-то между сном и явью.

— Сейчас...— шептала Варя.— Сейчас я встану... И пойду на завод...

Дарья Осиповна осторожным и ласковым движением повернула к себе Варино лицо, заглянула ей в глаза:

— Горько тебе, да?

— Дарья Осиповна...— Варя говорила уже твердо и увереннее.— Ведь вы понимаете, да? Человек должен быть либо счастлив, либо занят, правда? А я телефона не дождалась... Всю ночь прождала на

переговорной, и опять очередь до меня не дошла. В который уж раз...— И она всхлипнула.

Дарья Осиповна гладила ее волосы.

— У тебя боль легкая... Один росток — от сердца к мужу. Матерям хуже: к сыновьям, к дочерям ростки тянутся. А у нас, бабушек,— ко внукам ростки, мно-о-ого! И не сосчитать!

Варя прижалась щекой к легкой, сухонькой, старушечьей руке.

— Спасибо вам, бабушка... Родная вы моя!

— Ну, а еще что горько тебе? Говори все, до дна... Я ведь вижу: есть нынче еще что-то... особенное...

Варя открыла глаза широко и беспомощно.

— А еще — день рождения мой сегодня... Двадцать четыре года стукнуло... И все!

И, словно исчерпав все силы в борьбе с одолевавшим ее сном, Варя соскользнула головой на подушку.

— Спит! — удивилась Прасковья Ивановна.— Смотри ты, спит, как мертвая!

— Спит...— прошептала и Дарья Осиповна, заботливо укрывая Варю одеялом.

На цыпочках вышли обе старухи в соседнюю комнату. И тут Дарья Осиповна, словно что-то вспомнив, заторопилась.

— Где тут у ней? — подойдя к стене и водя пальцем по каким-то еле различимым карандашным записям на обоях, искала она.— Где тут у ней записано?

— Да ты чё ищешь-то? — удивилась Прасковья Ивановна.

— У ней тут где-то телефоны записаны... А, вот, вот! И междугородная тоже...— обрадовалась Дарья Осиповна.

— Да не дадут они междугородный на частную квартиру! С самого начала войны перестали давать. Междугородный если, так это на станцию идти надо, а дома нельзя! — терпеливо, как ребенку, втолковывала Прасковья Ивановна.— Не дадут тебе, и не надейся!

— А я вот надеюсь! — упрямо настаивала Дарья Осиповна.— Нельзя, что ль, надеяться-то? Не запрещено!.. Да ты не бойся, я вежливенько...

Несколько секунд в комнате было тихо. Молчала Прасковья Ивановна, не спускавшая с Дарьи Осиповны глаз,— и осуждавших, и восхищенных. Молчала и Дарья Осиповна, напряженно вслушиваясь, ожидая, не ответит ли междугородная.

Наконец послышался голос:

— Междугородная слушает.

Дарья Осиповна попросила дать ей Москву.

Из трубки ответили, что этого они не могут никак! Но Дарья Осиповна продолжала настаивать, и ей предложили позвонить начальнику телефонной станции товарищу Голубеву. Разрешить может только он один, хотя, впрочем, не стоит его беспокоить: не разрешит он.

Дарья Осиповна «вежливенько» поблагодарила и тут же набрала номер товарища Голубева.

— Прошу товарища Голубева... Он самый? Очень приятно! Товарищ Голубев! — проникновенно сказала Дарья Осиповна.— Можете вы человеком быть?

Тут в трубке раздался смех, и молодой голос ответил:

— Человеком? Ох, трудно это... А в чем дело?

— В чем дело? — обрадованно переспросила Дарья Осиповна.— Очень, очень все простенько! Завода нашего инженер, Варя Наврозова, два месяца с Москвой говорить добивается... Нет, дорогой, вы мне этого не говорите, что «нельзя», это я и сама знаю, и она знает, не обижается...

Голос из трубки сказал миролюбиво:

— Ну, раз все мы согласны, значит, и спора нет? В таком случае...

Было ясно: сейчас он поставит точку.

— Одну секундочку еще, дорогой товарищ Голубев,— взмолилась Дарья Осиповна и уже с отчаянием добавила самым добрым, самым задушевным голосом:— У ней сегодня рождение! Милый человек, как мать, прошу: дайте ей Москву — с мужем поговорить... Нет, не дочь она моя, у меня своя внучка под Ленинградом воюет... Сделаете? Правда? Попозднее сегодня? Ох, спасибо, милый вы, голубчик вы мой Голубев! Сами нынче ночью на фронт уходите? Ну, счастливо вам, счастливо, дорогой! Московский телефон — Г1-45-19... А здесь — 32-976... Наврозова... Ну, всего!

И Дарья Осиповна повесила трубку.

— Неужто обещал? — выдохнула Прасковья Ивановна.

— Обещал! — Это Дарья Осиповна выговорила со вздохом облегчения, вздохом полководца, одержавшего трудную победу.— Скоро даст Москву!

Но Прасковье Ивановне все не верилось, что так вот, «простенько-простенько» решаются такие дела!

— Да он тебе знакомый, что ли, Голубев этот?

И на это Дарья Осиповна ответила тоном самого твердого убеждения:

— Человека по-хорошему попросить, он и незнакомый все сделает!

* * *

После разговора с заводскими подростками Павел Иванович Русаков шел домой крупными шагами, размахивая правой рукой, словно грозился кому-то.

— Рассердили...— неодобрительно качая головой, смекал шедший позади его друг, старик Крылов.— Ребята рассердили...

Но он не старался догнать Русакова. Наоборот, он все больше замедлял шаг. Понимал: не надо сейчас лезть Русакову на глаза,— пусть успокоится, поостынет. Дойдет до своего дома, умоется, сядет за стол чай пить, а там Дарья Осиповна «разговорит» его — на это она мастерица,— и порядок! Вот тогда он, дедушка Крылов, и придет к ним как ни в чем не бывало, с шуточкой-прибауточкой. Вечер потечет, как обычно, как ему полагается: послушают последние известия по радио, сразятся в шашки — все чин чином, как у людей. Конечно, немало еще хлопот будет с заводскими подростками, но все-таки ребята — вот, что хотите! — ничего ребята, хорошие. Будет из них толк, помяните мое слово, будет! Думая так, Крылов не торопился, шел медленно. Даже в контору заглянул: может: письма? Может, новости какие-нибудь?

А Павел Иванович, шагая к своему дому, в самом деле слегка отошел. Не настолько, однако, чтобы зоркая Дарья Осиповна не почуяла сразу, что старик чем-то взволнован.

По всему, по тому, как фыркал, умываясь, как отодвинул стул, как выложил на столе широкие, еще крепкие руки, Дарья Осиповна сразу поняла то же, что и Крылов: «Рассердили Павла Иваныча!» Ну, и, конечно, с этой минуты все ее усилия пошли на то, чтобы «разговорить» старика.

Это же слово, «разговорила», пришло на ум и вошедшему в дом старику Крылову.

— А я с чем пришел! С чем пришел! Что принес! — словно поддразнивая, начал он прямо с

порога.— Ну, Дарья Осиповна, ты, молодая, мастерица была плясать... Пляши, душа!

И он выложил на стол серый треугольник письма.

— Ох!..— выдохнула Дарья Осиповна.— Письмо... Кабы от Сонечки! От внучки! Ох, даже в висках застучало... Читай, отец.

Павел Иванович лихорадочно и бестолково рылся в карманах.

— Очки...— бормотал он.— Окаянные... Где они тут? А, вот...

Русаков вскрыл письмо и стал читать его про себя. Чем дальше читал, тем все более недоуменно поднимались его грозные брови...

— Тихо едешь, отец...— жалобно простонала Дарья Осиповна.

Но Павел Иванович уже дочитал письмо и с тем же выражением недоумения положил его на стол.

— Ничего не понять! — выговорил он наконец.

Дарья Осиповна протянула письмо Крылову:

— Прочитай ты, Ваня! Голосом прочитай...

— ...«Дорогой мой сынок Паша! — начал Крылов бодрым, четким голосом.— Пишет тебе отец твой, Иван Русаков...»

— Да какой отец? Чей? — все больше удивлялась Дарья Осиповна.— Его отец да-а-авно помер... Читай, Ваня, может, дальше понятней будет...

— ...«Вот и нашел я тебя через земляков, сынок мой Паша! — продолжал читать Крылов.— И про мать с бабушкой мне рассказали. Я и сейчас в себя не приду от этого горя...»

Крылов читал, а на лицах стариков Русаковых не изглаживалось выражение сильнейшего удивления... Да кто же это пишет? Кому пишет? Непонятно!

...«А я, Паша,— рассказывало письмо,— в госпи-

Дарья Осиповна смотрела на Галю и всем существом переживала то, что можно назвать «чудом спящего ребенка».



тале лежу, имею три ранения. Никогда я тебе не врал и теперь не стану, врачи не обнадеживают...»

— Ох ты, горький какой! — закручинилась Дарья Осиповна.— Да кто же это пишет-то?

Рука старика Русакова, перекрыв на столе сухонькую руку Дарьи Осиповны, еле заметно прижала ее к клеенке. Подожди, мол, послушаем, может, и поймем...

—...«Я, конечно, не сдаюсь...— читал Крылов.— Но если что не по-моему случится, то прими, Паша, мой последний отцовский наказ. Младших береги, помогай врага бить. Чего я фашистам не заплатил — за мать, за бабушку, за всех людей,— тебе завещаю: отплати! Прими мое отцовское благословение, дорогой мой старший сын и дорогие мои младшие Вася и дочурка дорогая Манечка. Целую вас несчетно раз. Ваш отец Иван Русаков...»

Крылов кончил читать. Замолчал. И все молчали.

У всех было в душе и облегчение — хорошо, что не старикам Русаковым письмо! — и вместе с тем ощущение тяжкого горя, упавшего на каких-то других, незнаемых людей.

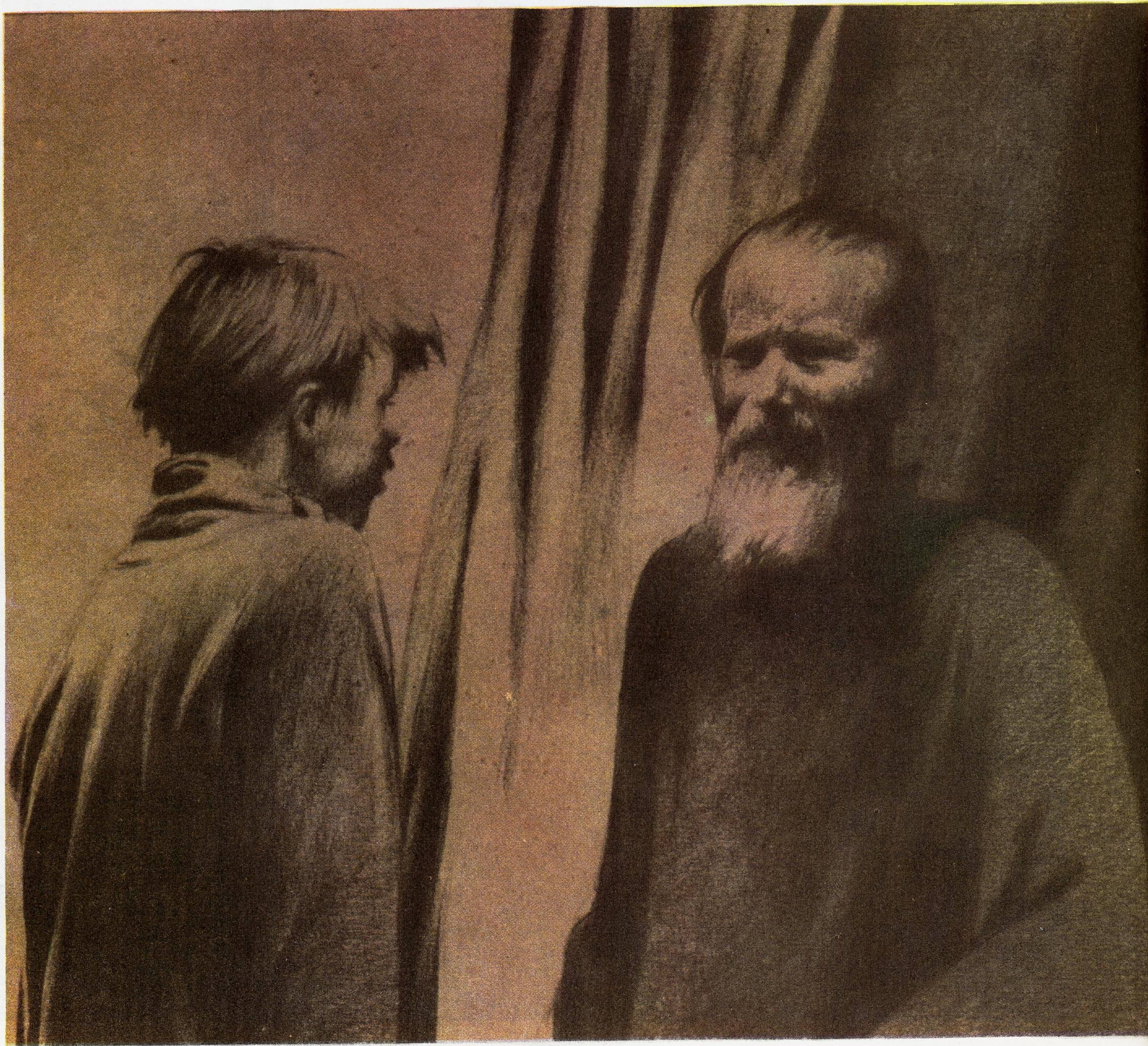
— Не нам, видать, письмо, слава те...— проговорила Дарья Осиповна.— А кому же? Чей же это отец в госпитале смерти ждет?

Молчал, как и остальные, Павел Иванович Русаков. Только машинально разглаживал пальцами злополучное «ничейное» письмо. Потом перевернул его на другую сторону, прочитал вслух адрес:

— ...«ПАВЛУ РУСАКОВУ» ...— И вдруг словно осенило его.— Да это Пашке Русакову письмо!

— Наверно, ему! — подтвердил Крылов.— Мальчишке этому с завода. Однофамильцу твоему.— У него батька на фронте...

Павел Иванович смотрел на растрепанную Пашкину голову... Что же? Так вот и выложить мальчишке: твой отец ранен, может быть, смертельно?



— Вот, вот...— огорчилась Дарья Осиповна.— Раненый лежит отец... в госпитале... Пашке-то этому каково? И еще младшие при нем... Целых трое! Подумать только!

Последние слова Дарья Осиповна произнесла, уже скрывшись за занавеской. Задержалась она там недолго, вышла оттуда одетая, в шубейке, накидывая на голову теплый платок.

Но, как ни коротко было ее отсутствие, Павел Иванович успел за это же время надеть шубу, взял меховую шапку-ушанку и глубокие рукавицы.

Так и стояли старики друг перед другом. Каждый думал свою думу. Павла Ивановича царапала мысль: «Как раз нынче обшпынял я мальчишку!..»

— Ты куда это собралась? — спросил он жену.

— Да я тут вспомнила... А ты куда?

— И я вспомнил... А тебе зачем?

— Я тут... поблизости...— робко оправдывалась она.

— И я недалеко...— отрезал старик. — Да я сейчас... скорехонько ворочусь...

— И я ненадолго... Вместе, что ль, пойдем?

Но тут в дверь постучали, и в комнату вошел тот, кого никто не ожидал: Пашка Русаков.

Да, это был Пашка, он самый, и вместе с тем словно бы и не совсем он! Какая-то была в нем растерянность, неуверенность, что ли... Словно он хотел что-то сделать или сказать, а было это ему трудно, и не решался он...

«Виниться пришел! — подумал старик Русаков, вспоминая давешний разговор с подростками, который так рассердил его.— Нет, неплохой все-таки мальчуган...»

Между тем молчание, которым встретили приход Пашки, продолжалось. Оно было тягостно для



всех, но никто не находил, как и чем прервать его.

Хуже всего было самому Пашке. Утром он получил письмо, адресованное Павлу Ивановичу Русакову. Сообщалось в нем о гибели его внучки Софьи, воевавшей под Ленинградом. А попало письмо по ошибке Пашке, однофамильцу. И вот он пришел с таким страшным делом, принес такую горестную весть... Как скажешь это, когда полна комната людей? А старики и не догадываются, что на них сейчас свалится! От растерянности Пашка стоял на пороге, хоть бы «здрасте» сказал! И он сказал самое нелепое, что можно было придумать.

— Это я...— выдавил он вдруг из себя неестественно громко.

На что Крылов, всегда находчивый, добродушно ответил:

— Догадались мы уже, что это ты... С чем пришел, душа?

— Мне бы вас, товарищ Русаков...— мямлил вконец сконфуженный Пашка.— Да вы уходить собираетесь?

— Нет. Больше не собираюсь...— И Русаков снял с себя шубу.

Крылов простился, ушел.

Старики остались с Пашкой одни. Все сели. Помолчали.

— Радио вечером что?— спросил Павел Иванович для «затравки» в разговоре.

— Ничего нового... Я к вам, товарищ Русаков, по другому делу...— И, секунду помолчав, Пашка добавил совсем робко и тихо: — Очень трудно мне про это сказать...

Дарья Осиповна, до этой минуты только жалостливо смотревшая на мученическое лицо Пашки, тут вдруг не выдержала и ласково погладила его по голове. Хотела ободрить, успокоить его, а вышло вроде как наоборот. На одну мельчайшую часть секунды Пашка прильнул щекой к этой доброй старушечьей руке, словно вспомнив что-то щемяще-милое... Но тут же он выпрямился, насупил темные брови — не хуже, чем это делал сам Павел Иванович Русаков! — и сказал с огорчением:

— А теперь уж и совсем не могу...

Павел Иванович понял, что надо выручать Пашку. Мигнув Дарье Осиповне: отставить, мол, нежности, у нас пойдет тут мужской разговор! — он посмотрел Пашке в глаза и сказал без гнева, но все-таки с укором:

— Ты про утреннее, да? Виниться пришел? Как же это тебя угораздило? Опоздал — раз. Станок импортный повредил — еще того хуже... Это, брат, куда годится?!

— Починил уж я станок. Работает он!

Это Пашка сказал вроде как обрадованно. Да оно и понятно. Хорошую весть — станок починил, все в порядке — всегда приятно принести. А, главное, старик повернул разговор на другую тему! То, что мучило Пашку — необходимость сообщить о гибели их внучки,— как-то отодвинулось. Ненадолго, конечно; сказать все равно придется,— но сейчас, в данную минуту, разговор идет про другое, про Пашкины провинности, а то, тяжелое, откладывается на потом.

Пашка продолжал, и говорить ему уже было гораздо легче:

— А что опоздал я, товарищ Русаков,— так это я через коньки опоздал... Я от завода далеко живу, утром надену коньки, пришвартуюсь крючком к грузовику (крючок я для этого приспособил!) — и поехали! А сегодня Васька, братишка мой, побежал утром в школу и крючок мой с собой унес!

Дарья Осиповна внезапно залилась смехом, как ребенок. Она смеялась с удовольствием, и это тоже в немалой степени было от радости, что разговор отходит в сторону от того страшного и горького, что нависло над Пашкиной головой, и можно еще погодить несколько минут, не сообщать Пашке о ранении отца...

Павел Иванович не смеялся, но глаза его смотрели на Пашку добро, хотя слова и звучали осуждающе:

— Изобретаешь все! Изобретатель... Чем трамвай нехорош?

— Ну-у-у... Трамвай! — пренебрежительно протянул Пашка.— На трамвае всякий дурак может!

— А тебе непременно такое подавай, что не всякий дурак может, да?— поддразнил старик.— Ну, ладно, перекурили... Больше не будешь?

— Не буду, товарищ Русаков! — серьезно обещал Пашка.— Я уж крючок так спрячу, чтоб Ваське его ни за что не найти!

И опять Дарья Осиповна засмеялась. Как все дети — и малые ребята, и старые ребенки,— она любила смех, радовалась смешному. Этому ее, старую, научила жизнь. Добрый смех всегда облегчение, и в жизни он так нужен!

А Павел Иванович уже начинал новую тему.

— Ну, а на станке своем ты что изобретаешь?— спросил он Пашку.

Этому вопросу Пашка обрадовался. Прежде всего всегда радостно, когда тебя спрашивают о том, что тебе всего интереснее. И еще то помнить надо, что до той поры старый рабочий Русаков относился к Пашкиным «изобретательствам» недоверчиво, даже пренебрежительно. «Дано тебе задание — вот отсюда и досюда! Только так, ни на волос иначе!» И к тому, что Пашка, шкет, именно хотел попробовать иначе, Павел Иванович относился до сих пор иронически. От этого Пашке было трудно и невесело.

Поговорить о своих замыслах — а их у него была полная голова! — Пашке было не с кем. Другие подростки, у которых не было этого, скажем прямо, творческого беспокойства или творческого любопытства, могли и не понять Пашку, могли и на смех поднять его... Правда, у него были хорошие товарищи, такие, как Мушка, как Гвоздева, Кузька, Миша, они любили Пашку, верили в него, гордились его успехами и огорчались из-за неудач. Но толку-то от них настоящего не было, у них нечему было учиться, они сами были еще новички в заводской работе. Единственный человек, от которого Пашка видел и интерес к его работе, и желание помочь ему, подсказать то, чего не знал он сам, была Варя Наврозова.

А тут вдруг сам «дед Русаков» заинтересовался его мечтами!

И Пашка ответил старику коротко и не очень смело:

— Да вот... Число оборотов шпинделя в минуту, понимаете... Хочется мне увеличить.

— Ну?— требовательно спросил Павел Иванович.

Старик не смеялся, не ругался. Он хотел понять, хотел знать. Его короткое «ну» означало: «Говори дальше!» Оно требовало подробного рассказа.

И Пашка с упоением ринулся в эту приоткрывшуюся перед ним дверь. Он рассказывал, объяснял, вытащив из кармана бумажку и карандаш, чертил, писал цифры...

А Павел Иванович в самом деле слушал Пашку с интересом. Да что там! Если бы Пашка был хоть чуть постарше, был настоящий рабочий, а не «шкет

из ремесленного», у старика не было бы, пожалуй, никаких возражений.

— Вот и все, товарищ Русаков! — закончил свои объяснения Пашка и для большей убедительности напомнил: — Прорыв у нас по этой детали, сами каждый день говорите: прорыв!

— Прорыв. Это точно...— медленно повторил старик.— Только как же все-таки? Никто этого не умел, а ты вдруг изобретаешь!

— Мало ли что! — с жаром опровергал Пашка.— Никто не умел, а я изобрету.

В этот момент Пашка взглянул на Дарью Осиповну... Таким сочувствием светилась она, такою радостью: ведь Павел Иванович выслушал Пашку, хорошо выслушал, не осадил, не выбранил, значит, Пашка дело говорил.

А Пашка, скользнув глазами по сухонькой ласковой руке Дарьи Осиповны — на миг кольнула мысль о своей бабушке, что осталась лежать там, далеко, под бомбами,— сразу вспомнил, зачем пришел он нынче к старикам Русаковым, какую черную весть принес им... «Не скажу! — пронеслось у него в мыслях.— Сегодня не скажу. В другой раз... Завтра скажу...»

— Братишка у тебя, говоришь? Васька? — неожиданно спросила Дарья Осиповна.

— Васька, да. И еще сестра маленькая...

— А мать? — осторожно выдохнула старуха.

Пашка ответил не сразу:

— Была. Теперь нету... И бабушки тоже нету... Когда мы от фашистов убегали, под бомбежку попали...— И совсем тихо, почти шепотом: — Не надо про это говорить...

— Трудно тебе одному с меньшими? — Павел Иванович спросил это по-мужски — делово, мысленно прикидывая, чем может завод помочь Пашке и его малышам.

Пашка обрадовался этой суровой перебивке.

— Ничего, справляемся,— заверил он.— У меня строго, я порядок завел: кому воду носить, кому уголь, кому картошку печь... Ну, а что потруднее, это уж я один. И еще стираю, утюжу, даже пуговицы пришиваю!..

— Завод поможет,— сказал старик.— В детский дом младших или куда...

Этими словами Павел Иванович попал, сам того не ведая, в самое больное место. Вопрос о детском доме поднимался и до этого, но Пашка решительно отказывался отдавать детей. Был даже случай: за детьми пришли, чтобы забрать их в детдом. Но Пашка воспротивился этому прямо с каким-то остервенением! Малыши жались к Пашке и плакали отчаянно, они явно не хотели разлучаться с ним. А Пашка не плакал, он только кричал, сжимая кулаки:

— Не будет этого! Я отцу слово дал: сам сберегу!

Так и оставили ему младших.

И теперь, после слов старика Русакова о детском доме, Пашка весь натянулся, как струна,— он не кричал, говорил негромко, медленно, трудно:

— Нипочем! Не отдам детей. Я отцу обещал,





— Слушаю вас,— Варя говорила каким-то непроснувшимся голосом.

шутите? Маруську с Васькой в детский сад по утрам отвожу. А насовсем не отдам, не будет этого...— И добавил совсем тихо: — И не надо, пожалуйста, бабушка, меня по голове гладить...

Вконец растроганная, изнемогая от сочувствия к Пашке, а главное, понимая, что плакать при нем — это зверем надо быть, Дарья Осиповна подхватила со стола посуду и помчалась с ней на кухню.

Павел Иванович и Пашка остались одни. У обоих была мысль: «Вот сейчас! Сейчас надо сказать!» И, конечно, надо было, вероятно, кончить с этим и в самом деле сказать правду. Но, чем дольше они молчали, скрывая недобрые вести, чем больше вглядывались друг в друга, тем разговор этот становился все более невозможным.

Павел Иванович смотрел на растрепанную Пашкину голову с весело петушившимся на затылке вихорьком-чубчиком... Только сейчас он услыхал, как живет Пашка, как мужественно несет он тяжелый груз сиротства и заботы о младших... Что же? Так вот и выложить мальчишке: твой отец ранен, тяжело, может быть, смертельно?.. Обрушить эту тяжесть на Пашкину голову с веселым мальчишеским вихорьком на затылке?

— Вот...— начал старик, как всегда, неторопливо,— вот Муха, подружка твоя, говорит: сержусь я на вас... Не сержусь — болею я! Я, Паша, семьдесят лет живу — семьдесят, как одна копейка. Я такую черную жизнь видал, тебе и не приснится. А теперь враг идет на нас,— он нам и того черней несет... Бьется с ним армия наша, отец твой бьется, внучка моя Софья, девчонка еще, и та бьется... Нам бы снаряды подсыпать им да подсыпать, а у нас, сам говоришь, прорыв!

— Внучка на фронте... София...— повторил Пашка и подумал про себя: «Вот теперь и скажи!.. Ну, как скажешь?»

— Да...— подтвердил Павел Иванович.— Одна только и осталась у нас со старухой из всей семьи... Давно что-то не пишет... Ты почему спрашиваешь?

— Просто так.

— А ты от отца письма получаешь?

— Нет. Он и не знает, где мы... Когда на фронт уходил, мы еще там были, дома...

Пашка злился на самого себя. Черт знает что такое! Хотел отдать старикам письмо — не отдал! Торчит битый час, отнимает у них время.

Но только Пашка собрался попрощаться с хозяевами, раздался телефонный звонок.

Дарья Осиповна подняла телефонную трубку.

— Слушаю вас... Москву даете? Наврозовой — Москву? Сейчас, сию минуточку подойдет!

Обе старухи — и Дарья Осиповна, и Прасковья Ивановна,— с перепуганно-счастливыми лицами, заметались, засуетились. Бросились в соседнюю комнату, подняли Варю с постели, подвели ее к телефону. Варя шла, как автомат, плохо соображая, в чем дело, продолжая спать на ходу. С сонным лицом приложила трубку к уху. И заговорила поначалу каким-то непроснувшимся голосом:

— Слушаю вас...

Но тут же, услыхав голос мужа, ахнула.

— Володя,— кричала Варя,— Володя, ты? Ох, невозможно, невозможно!.. Снится это мне... Голос твой слышу, Володя!.. Жива, жива, здорова,— продолжала она, смеясь от радости.— Что у тебя? Что, что? Кто прорвался?.. Не может быть!.. А ты как? Понимаю... Я держусь, Володя... Пиши, пока можно, пока есть связь... И я, Володя... Всегда, всегда! Товарищ, не прерывайте, ради бога, не прерывайте!.. Прервали...— Она повернулась к остальным, не выпуская из рук трубку, пожаловалась, как обиженная девочка:— Я даже не простилась...

Дарья Осиповна осторожно взяла у нее из рук телефонную трубку и положила обратно на рычаг.

— Поговорила все-таки с мужем, да?

Варя обвела всех глазами, словно просыпаясь, словно только сейчас дошел до нее смысл услышанного.

— Он в ополчение идет. Москву защищать будет...

Павел Иванович грузно осел на место. Расстегнул ворот, словно ему внезапно стало трудно дышать. Руки плохо слушались.

— Понимаете? — прохрипел он с усилием.— Понимаете вы, что это значит? Под Москвой... под самой Москвой... фашисты стоят...

* * *

Когда Пашка вернулся домой, Маруська, сестренка его, уже спала, а Васька клевал носом, но ждал его, Пашкиного, возвращения. Увидев брата, Васька так и кинулся к нему, схватил его руки крепко-крепко.

— Пашка! Ты? Ох, Пашка...

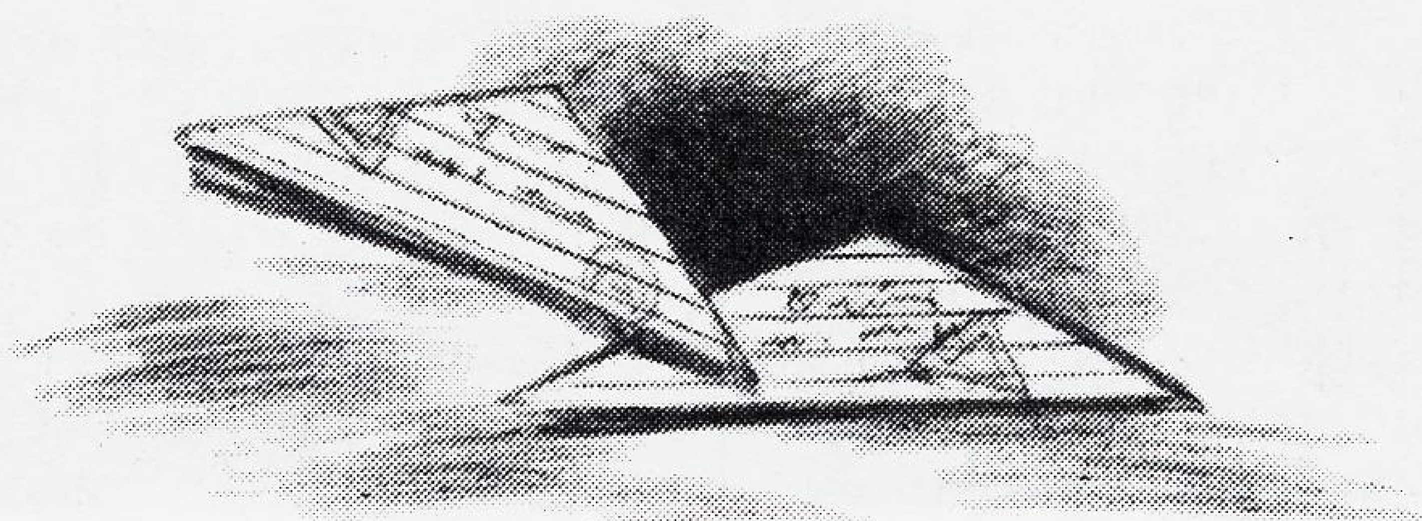
— А ты почему не спишь? — Пашка смотрел на брата строго, сурово сдвинув брови. Этим он хотел скрыть от самого себя резанувшее его внезапное чувство вины перед малышами за то, что задержался.

— Маруська тут все плакала...— говорил Васька.— Все спрашивала: «А Пашка где? Он на войну ушел, да?»

Пашка нагнулся над спящей девочкой. Личико ее было грязное, несчастное. Почувствовав во сне руку Пашки, гладившую ее замурзанное от слез лицо, девочка, не просыпаясь, прильнула щекой к его руке.

— Мам...— тихо выдохнула она, не просыпаясь.— Мам...

И тоненько всхлипнула — тоже во сне.



Международный пионерский клуб «Товарищ»

ПРАЗДНИК ЮНОСТИ, ПРАЗДНИК ДЕТСТВА



XII Всемирный фестиваль в Москве будет не только праздником юности, но и праздником детства планеты. Важной частью XII Всемирного станет детская программа. Что ожидает делегатов и гостей в детской программе? На вопрос нашего корреспондента отвечает руководитель группы детской программы Советского подготовительного комитета фестиваля Татьяна АНДРОСЕНКО.

1957 год. VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Незабываемые дни для посланцев молодежи всех континентов. Незабываемые дни для московских пионеров, для всех советских ребят.

Вся страна готовила VI Всемирный фестиваль. От взрослых не отставали и дети. В пионерских дружинах проходили увлекательные конкурсы на лучший букет — пионеры выращивали цветы делегатам и гостям фестиваля. Юные голубеводы выращивали голубей для открытия фестиваля. Московские пионеры и школьники вместе с делегатами фестиваля разбивали парк Дружбы...

Фестивальные скверы и клумбы, голубиные команды, кружки по изготовлению сувениров, концерты детских художественных коллективов — все это приметы Московского фестиваля 1957 года.

В 1957 году в Москву из двадцати трех стран мира приехали впервые на фестиваль дети. Они были членами своих национальных делегаций. Ребята участвовали в концертах, состязались в спорте, проводили конкурсы.

Идут годы. На всемирных молодежных форумах организуются теперь детские программы, а дети — полноправные участники фестивалей. Вот и на XII Всемирный фестиваль в Москву тоже приедут пионеры — посланцы детских и юношеских организаций, детские художественные коллективы, юные артисты, музыканты, танцоры и техники. Для них создается Международный центр «Друзья детей». В его владения будет передан Московский городской Дворец пионеров на Ленинских горах. В этом центре пройдет международная конференция руководителей детских и юношеских организаций «Мир, права и счастье всем детям планеты!», которая обсудит положение детей на нашей планете и вопросы воспитания подрастающего поколения в духе мира и дружбы.

Один из дней фестиваля будет посвящен детям. В этот день состоится праздник «XII Всемирный фестиваль в гостях у советских детей». Что в программе праздника? Митинг «Мир детям планеты!» и парад детских духовых оркестров, выступление ансамблей и концерты художественной самодеятельности, конкурсы рисунков на асфальте «Пусть всегда будет солнце!», политического рисунка и плаката, лотерея солидарности, соревнования юных картингистов.

На фестивале будут также организованы выставки: победителей международного конкурса детского рисунка «Я вижу мир» и Всесоюзная выставка детского прикладного творчества «Дети — это мир, творчество, радость».

В адрес Советского подготовительного комитета поступают письма и телеграммы от пионеров и комсомольцев. В них рапорты о трудовых делах в Фонд фестиваля, добрые пожелания работе нашего комитета, предложения и готовность помочь. Так, учащиеся Петрозаводского музыкального училища имени Карла Раутио поставили своими силами оперетту Ю. Милютина «Поцелуй Чаниты». Весь сбор от спектакля, сообщают они, передан в Фонд фестиваля. А вот письмо кидовцев средней школы № 52 города Ярославля. «В нашей школе,— пишут пионеры,— стало традицией проводить ежегодные смотры политической песни, политического плаката и рисунка на асфальте. Средства от ярмарок и конкурсов солидарности мы перечисляем в Фонд мира. В Фонд XII Всемирного фестиваля мы перечислили 115 рублей. 1 сентября наш КИД провел акцию «Голубь мира». Мы сделали огромный макет голубя мира, на котором лучшие пионеры дружины написали свои пожелания участникам XII Всемирного. Мы желаем Советскому подготовительному комитету успехов в работе и заверяем: все свои силы, всю свою энергию и пионерский задор отдадим во имя благородных идей XII Всемирного!»

Думаю, мысли и чувства ярославских кидовцев разделяют все советские пионеры и комсомольцы. В этом — залог успеха XII Всемирного.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»



Шандор МОЛНАРИ,
Генеральный секретарь Международного комитета детских и юношеских организаций (СИМЕА)

ДОБРОГО ПУТИ, ФЕСТИВАЛЬ!

Мы живем в сложное время. Империалисты раздули неслыханную гонку вооружений, стремясь обострить ситуацию в мире. В этой обстановке исключительно важной стала инициатива советской молодежи о проведении XII Всемирного фестиваля.

СИМЕА одной из первых международных организаций одобрила идею провести фестиваль в Москве. Детские и юношеские организации многих стран мира активно включились в работу Международного подготовительного комитета фестиваля. Главная наша задача — подготовить интересную и разнообразную детскую программу фестиваля. Впервые в 1957 году на VI Всемирном фестивале в Москве состоялась встреча руководителей детских и юношеских организаций. С тех пор на молодежных форумах организуются детские программы. Думаю, детская программа XII фестиваля продолжит традиции предыдущих. Но вместе с тем станет еще более яркой, красочной, интересной.

В последнее время СИМЕА провела ряд интересных международных акций: «Игрушку — каждому никарагуанскому ребенку», сбор



Рисунок Д. БАРАБАША.

средств на постройку пионерского лагеря в Манагуа и общежития для пионеров в Ханое, массовые манифестации солидарности с борющимися народами Латинской Америки, Марши мира в Западной Европе, конкурс рисунков и политических плакатов в защиту мира. В августе 1984 года в «Артеке» стартовала международная эстафета «Дети имеют право на счастливое детство», которая завершится в Москве на фестивале. Таким образом, детская программа фестиваля будет как бы продолжением тех мероприятий, которые проходили по инициативе СИМЕА.

На митингах и манифестациях в Москве с новой силой прозвучат слова о праве всех детей планеты на счастливую жизнь. А детская программа фестиваля выразит стремление детей жить в мире, ибо только в мире ребенок может быть по-настоящему счастлив.

Летом 1984 года я побывал в «Артеке». Я был приятно удивлен, увидев, что советские пионеры уже в то время готовились к фестивалю. И что особенно порадовало — идеи фестивального движения они старались передать своим зарубежным друзьям. Я много раз замечал, с каким вниманием ребята из Анголы или Венесуэлы, Лаоса или Вьетнама слушали рассказы советских пионеров об истории фестивального движения, о Москве, столице предстоящего фестиваля, о том, как в дружинах и отрядах пионеры собираются проводить свои, «малые» фестивали.

Безусловно, XII Всемирный фестиваль станет грандиозным праздником юности всей планеты.

Доброго же пути тебе, фестиваль! Добрых дел вам, советские пионеры, во имя мира, дружбы и солидарности!

БЕЛАЯ ПТИЦА В ЧИСТОМ НЕБЕ

Москва умеет принимать гостей. Московские праздники запоминаются на всю жизнь.

...Чистые, просторные улицы, приветливые улыбки москвичей, стадионы и площади с фейерверком праздничных сюрпризов. Такой помнят Москву все те, кто побывал здесь на различных фестивалях, на Олимпиаде-80.

А впереди еще один праздник — XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

Молодые представители планеты съедутся в нашу столицу. Съедутся, чтобы говорить о мире, о том, как хорошо жить на земле, как прекрасно радоваться солнцу. Забота о мире — главная забота всех людей нашей планеты. Молодых особенно: им жить в будущем.

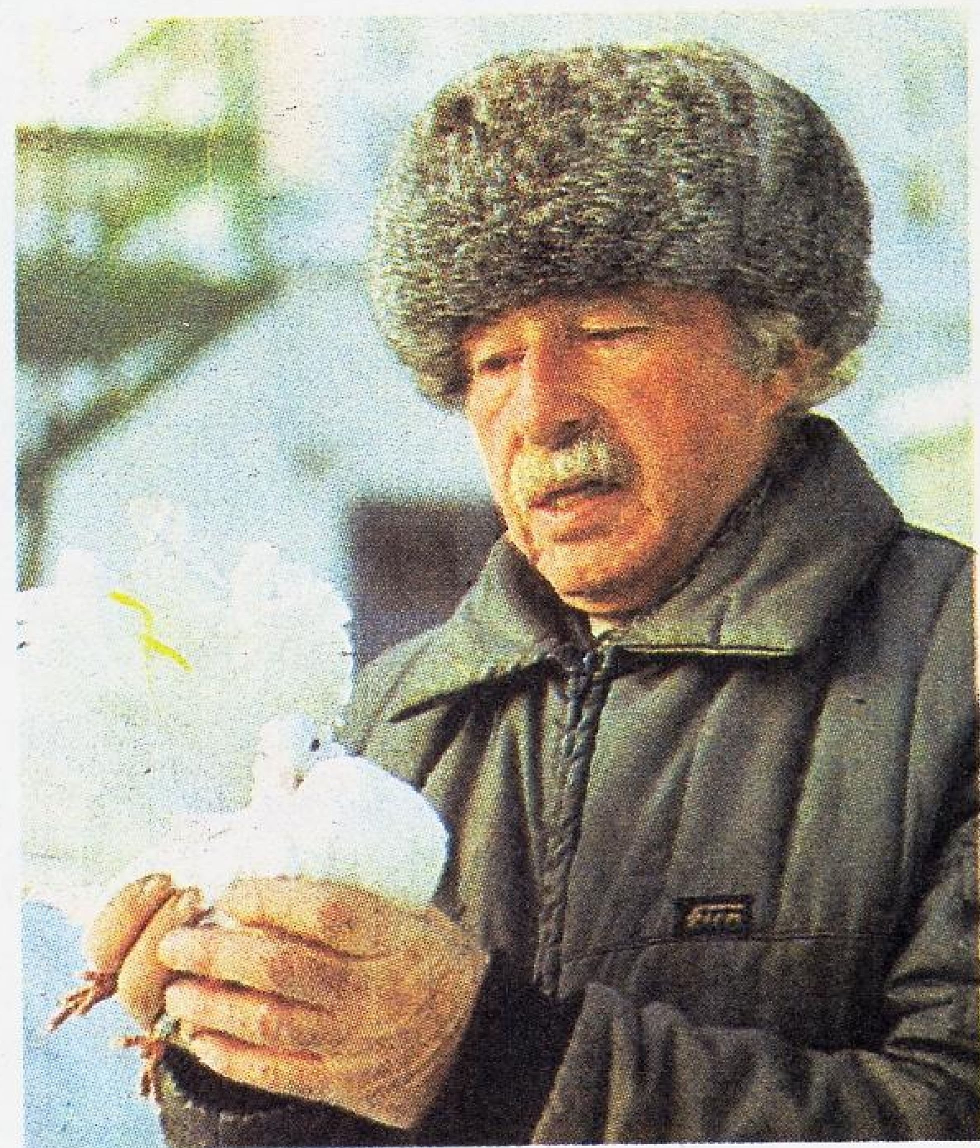
XII Всемирный... Зазвучат на московских улицах песни, смех. Молодые люди будут знакомиться, делиться своими надеждами, мыслями, а потом и расставаться. Но обязательно друзьями. Их всех объединит Москва.

Но сначала состоится открытие XII Всемирного на Большой спортивной арене стадиона имени В. И. Ленина.

К открытию этому готовится много людей — артисты, музыканты, спортсмены. А также... голубеводы.

Виктор Маркович Каган, председатель объединения голубеводов-спортсменов при Всесоюзном орнитологическом обществе АН СССР, рассказывает:

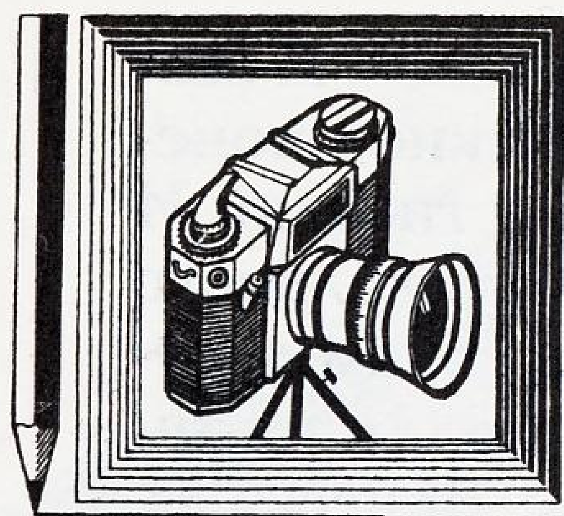
— В мае мы проводим ответственную репетицию: над Большой спортивной ареной стадиона имени В. И. Ленина выпустим около двух тысяч голубей. То есть ровно столько, сколько и в день открытия фестиваля. Открою маленькую тайну: не все фестивальные голуби будут белыми, только сотня. Остальные — сизые почтари. Дело в том, что белые декоративные голуби летают только в пределах своего двора и легко заблудятся, если их выпустить уже за два квартала от родного дома. А вот почтари безошибочно отыщут свой дом и за полторы тысячи километров. И ничего, что почтари сизые. У них светлое подкрылье, и, поднявшись высоко в воздух, они будут смотреться белым пятном... На репетиции нам, голубеводам, важно, чтобы это белое пятно получилось, чтобы голуби красиво покружились над стадионом и благополучно вернулись домой.



...Скоро праздник. Скоро молодые люди планеты съедутся в Москву. И будет прекрасное открытие прекрасного праздника. И белые птицы появятся в чистом небе. А стадион, глядя на них, будет скандировать: «Да здравствует мир!»

И. АЛЕКСЕЕВА

Фотография С. ГУРАРИЯ.



МОСКВА

Парадом на Красной площади отмечает наша Родина годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Парад на Красной площади — традиция. Но есть парады, которые занимают особое место в истории Советской страны...

7 ноября 1941 года прямо с Красной площади войска уходили на фронт, на битву, в которой решалась участь не только Москвы, но и всего государства. На защиту столицы встала вся страна. Впереди в бою и работе были москвичи. Под дождем и снегом возводили они оборонительные сооружения, создавали батальоны местной противовоздушной обороны, специальные пожарные команды. Формировались дивизии народного ополчения, партизанские отряды.

Единство народа и армии, воля к победе, к освобождению Родины, воинское мастерство помогали советским людям выигрывать все сражения Великой Отечественной. А первым из таких выигранных сражений была битва за Москву.

Потом до самого конца войны Москва была одним из главных арсеналов фронта. Заводы столицы дали армии 16 тысяч боевых самолетов, несколько тысяч танков и самоходных установок, 130 тысяч минометов, 3,5 миллиона автоматов, 3745 ракетных установок, 287 миллионов тонн боеприпасов. Из Москвы на фронт ушли свыше 850 тысяч человек. А те, кто оставался в городе, вставали на их место к станкам, собирали и отправляли на фронт обмундирование и подарки. 340 тысяч москвичей были донорами, и их кровь спасла многих раненых советских бойцов.

Летом 1943 года столица впервые осветилась не тревожным огнем минометов или зениток, а огнем праздничного салюта. Но самый главный, самый прекрасный салют осветил Москву 9 мая 1945 года — в день великой Победы.

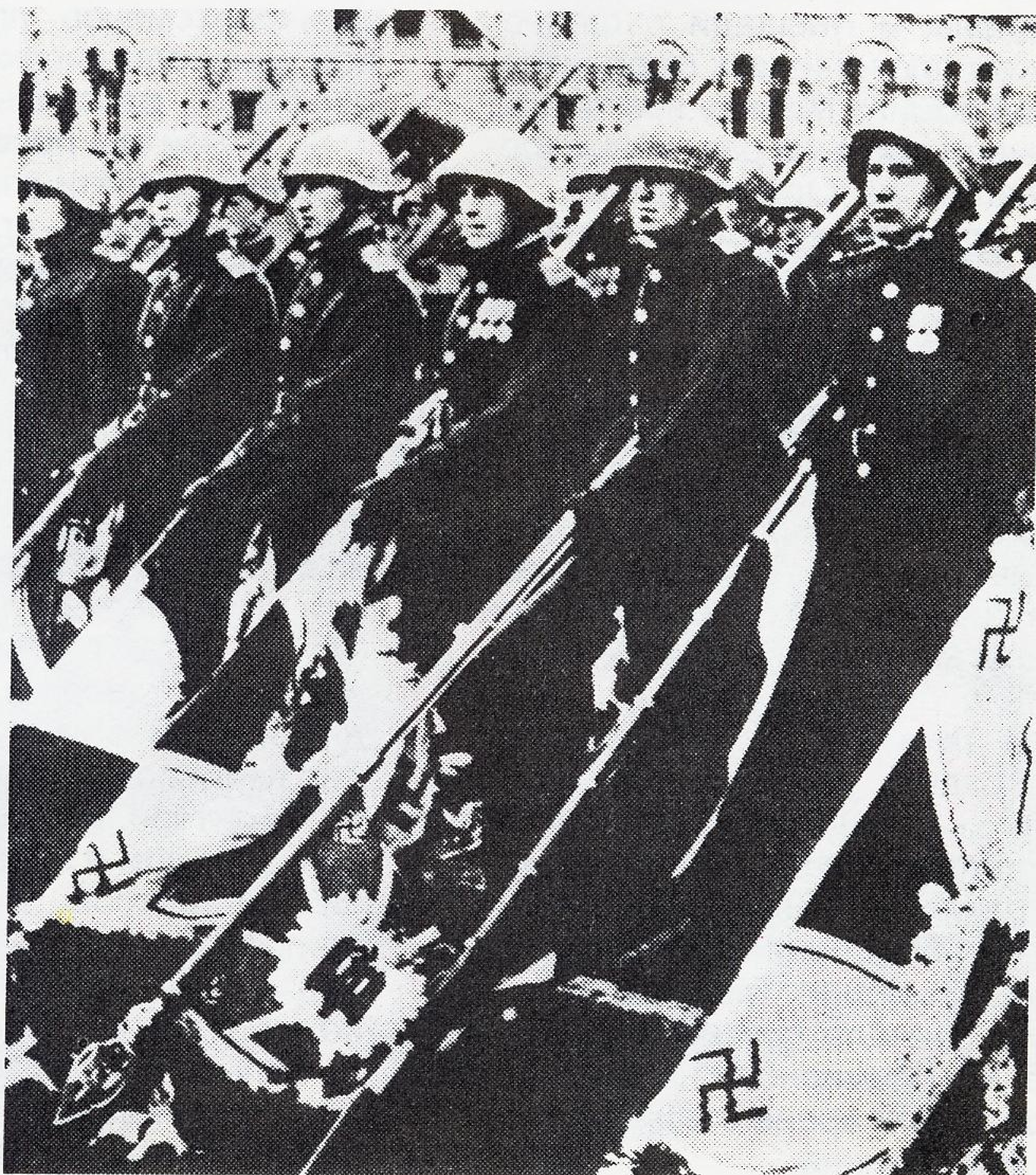
24 июня 1945 года вновь прошли по Красной площади части Советской Армии. Парад Победы, как и парад сурового 41-го, — в нашей памяти.

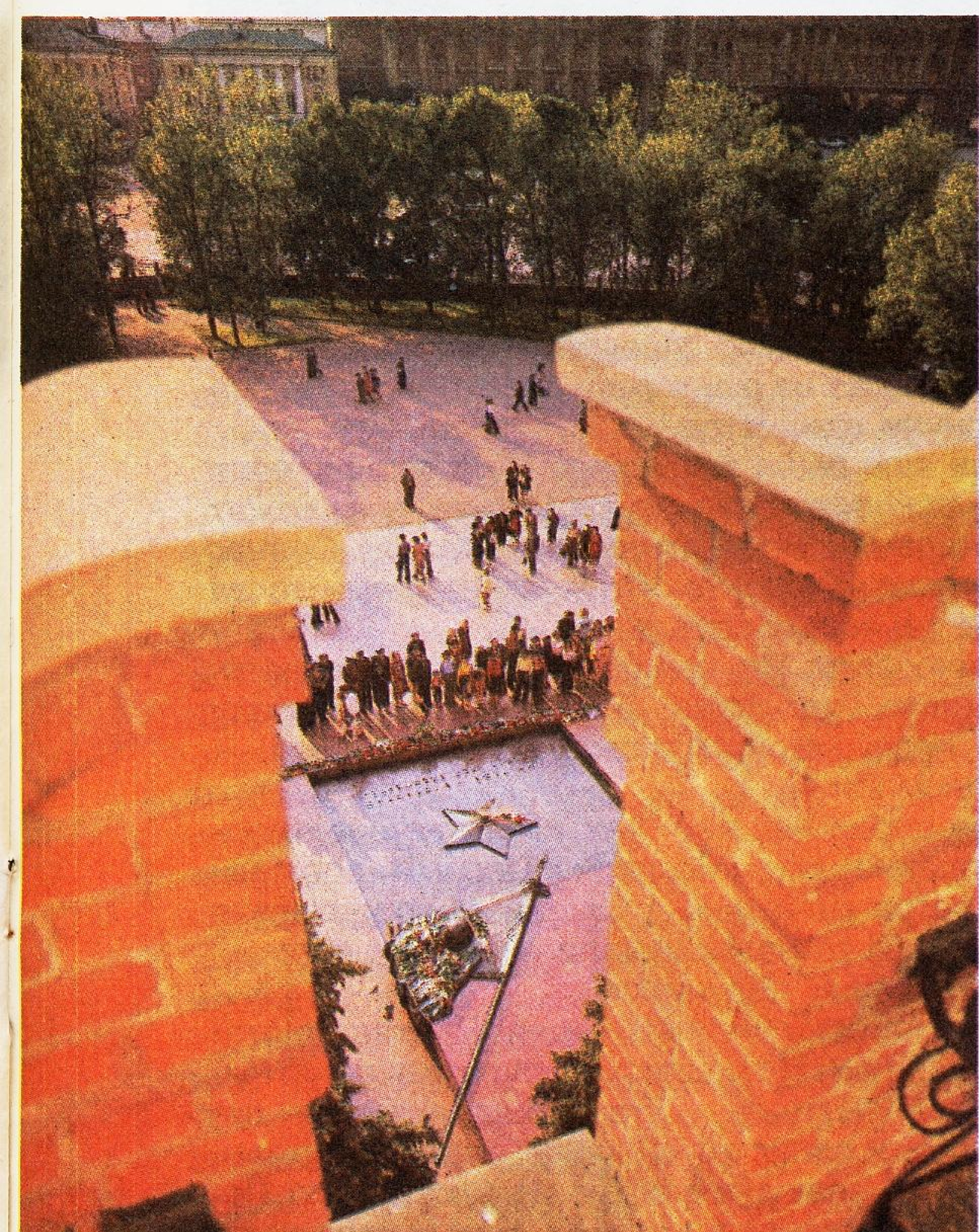
Фотографии Н. РАХМАНОВА.





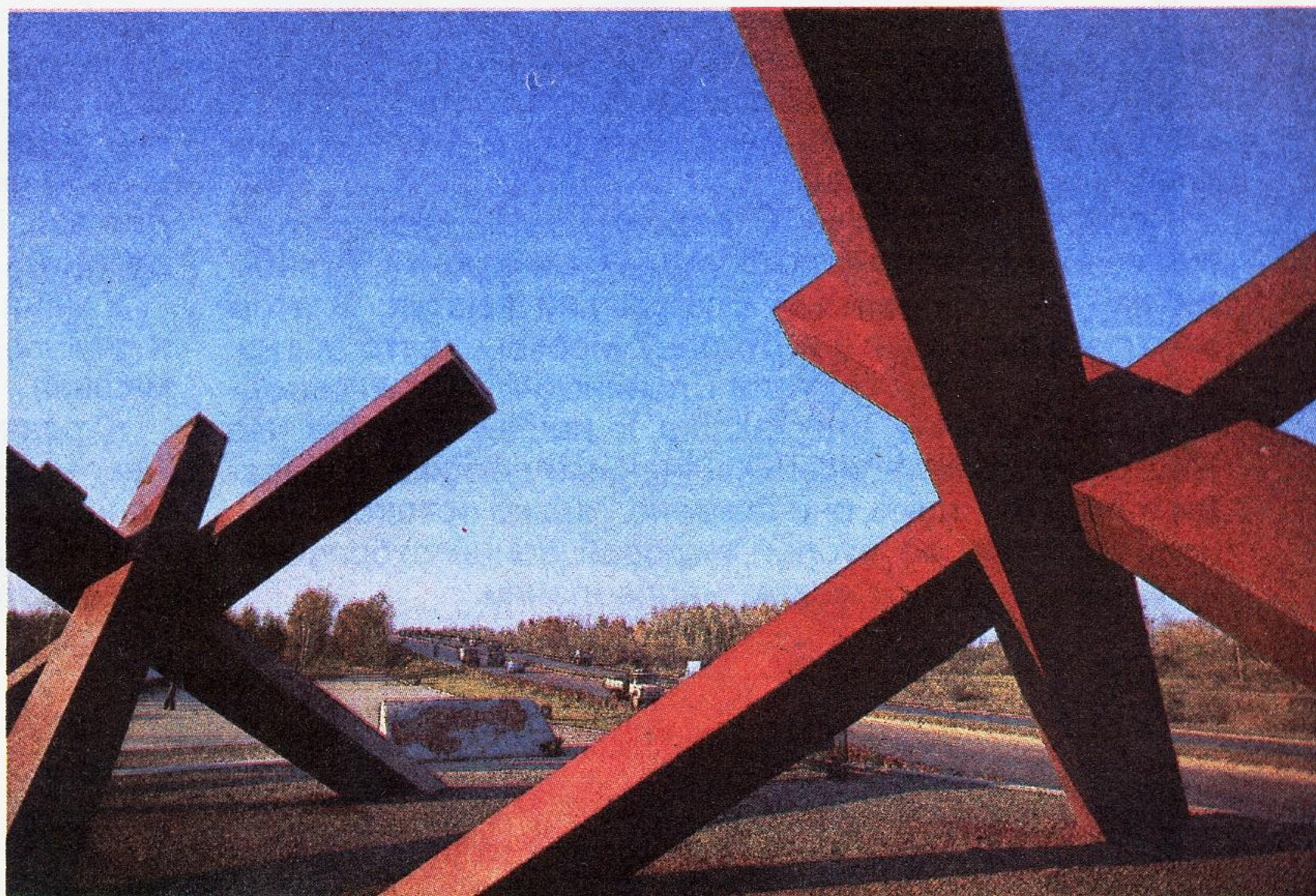
Вместе со всей страной несла Москва тяжесть четырех военных лет. Москвичи сражались на фронтах, москвичи ковали победу в заводских цехах. И вместе со всей страной торжественно встретила Москва великий день Победы.







Весеннее солнце озаряет
нашу прекрасную столицу.
Мирное небо синеет над Москвой.
И вечной памятью сияет огонь
на могиле Неизвестного солдата
у Кремлевской стены,
вечной славой стоят обелиски.





НА САМОМ ОСТРИЕ

Беседа с дважды Героем Советского Союза, генералом армии, командующим Всесоюзной военно-спортивной игрой «Зарница», лауреатом знака А. П. Гайдара ЦК ВЛКСМ Иосифом Ираклиевичем ГУСАКОВСКИМ.

В начале тридцатых годов в Рабоче-Крестьянской Красной Армии приступили к формированию танковых частей. В числе лучших командиров — их называли тогда краскомами — пересел на стального коня и кавалерист Иосиф Гусаковский. Переживал он эту перемену болезненно и первое время, отправляясь на танцы — дело-то молодое, — надевал старую свою буденовку с синей матерчатой звездой (их носили конники) и шпоры с серебряными колесиками, которые отзывались на каждый шаг особым, малиновым перезвоном.

Пройдут годы. И не одно поколение танкистов, ставшее в строй после Великой Отечественной войны, будет воспитано на примерах дерзких рейдов по вражеским тылам бригады под командованием Гусаковского.

— Это у меня от кавалерии осталась тактика такая, — смеется генерал. — Конники — парни лихие. Шашку над головой, ур-ра и марш-марш вперед!.. А если серьезно, то давно известно: побеждают не числом, а умением. Инициативу надо стремиться в свои руки брать.

— Иосиф Ираклиевич, где вас застала война?

— Знаете, утро было чудесное. Ясное, солнечное. Да еще и воскресенье!

Я был начальником штаба танкового полка, служба выходными особо не баловала. Но тот день решил все же с семьей провести. Собрались с женой на базар.

Только вышли из дома — красноармеец бежит навстречу. И лицо такое, что у меня мурашки по коже: «Товарищ капитан, война». Да, воскресенье это солнечное для всего народа черным стало. И горя, и муки хлебнули с избытком.

Полк наш стоял в Ставрополе. Погрузились на железнодорожные платформы — и к фронту. Прибыли на так называемый Ельнинский выступ. В этом месте линия фронта в сторону Москвы круто выгнулась. Гитлеровцы считали Ельнинский выступ выгодным плацдармом для броска к нашей столице. Но жестоко просчитались. Опьяненные легкими победами в Европе, здесь они были не только остановлены, но и впервые во второй мировой войне отброшены назад на стратегическом направлении.



И. И. Гусаковский среди участников финала Всесоюзной пионерской игры «Зарница».

Бои шли жесточайшие. За каждый метр земли насмерть стояли. Но и гитлеровцы еще были ой как сильны. Помню деревню Ушаково севернее Ельни. Так она восемь раз из рук в руки переходила. Но все же вышвырнули фашистов.

А впереди еще была вся война. В начале октября 1941 года Гусаковского вызовут в Москву, предложат учиться в академии. Но он откажется наотрез. Сейчас его место только на фронте. Что ж, ответят ему, тогда формируйте танковый батальон.

— Сформировали. И снова бои. Под Тулой встретились с вояками Гудериана. Его танки всю Европу гусеницами перепахали. А здесь мы ему стальные клыки пообломали.

В декабре сорок первого, как известно, началось контрнаступление под Москвой. Первый военный Новый год встречал я уже в Калуге. И представьте себе, в ночь с 31-го на 1-е пошли немцы на прорыв. Такой вот праздник получился...

А сразу после боя почту принесли. Протягивают и мне небольшой пакет с надписью крупными печатными буквами: «Командиру». Развернул бумагу — леденцов горстка и записка: «Дорогой товарищ командир. Мы — дети, эвакуированные из блокадного Ленинграда. Живем сейчас в детдоме. Нам иногда дают вместо сахара леденцы. Но мы их не ели, а сохраняли для вас. Пейте чай с конфетами и бейте, пожалуйста, проклятых фашистов».

У меня слезы закипели на глазах... Всю войну берег я эти леденцы. А вот в Берлине сгорела штабная машина. И леденцы тоже сгорели.

Курская битва, освобождение Правобережной и Левобережной Украины, Польши. На штабных картах направления ударов обозначают стрелами. Так вот, 44-я гвардейская шестиорденоносная танковая бригада, которой к тому времени командовал И. И. Гуса-

ковский, всегда находилась на самом острие. В числе первых вышла она на советско-румынскую границу. Первой вошла в Польшу, форсировав Западный Буг и прокладывая дорогу всей танковой армии. Форсировала Вислу и в кровопролитных боях удерживала Сандомирский плацдарм. Участвовала в Висло-Одерской операции.

Перед ее началом маршал Жуков собрал командующих армиями, командиров корпусов и передовых отрядов. Перед нами была поставлена задача: не ввязываясь в бои, выйти как можно быстрее к реке Пилица, форсировать ее и любой ценой удерживать плацдарм до подхода основных сил.

От Вислы до Пилицы бригада дошла за сутки. Вошли в прорыв и — вперед. Постоянный марш на высоких скоростях. Вышли к реке ночью. Фашисты на другом берегу особого беспокойства не проявили: приняли, видно, за своих. Никто и предположить не мог, что здесь, глубоко во вражеском тылу, окажутся советские танки. Был январь месяц. Река замерзла. Но лед недостаточно прочный — тяжелые машины не выдержит. Оставалось одно — пустить вперед пехоту, а затем взорвать лед и переправляться на танках вброд. Тем более мои разведчики привели поляка, местного жителя, который уверял, что брод есть.

Это современные танки могут передвигаться и под водой, а Т-34 для этого не приспособлены. Но ждать было нельзя. Пехота по льду перешла на другой берег и завязала бой. А мы паклей да суриком щели на танках заделываем. Саперы лед взрывают.

Пошли «тридцатьчетверки» в черную воду, расталкивая льдины. У механиков-водителей руки от холода сводит. Две машины утонули. Остальные выползли на противоположный берег и с ходу в бой.

За форсирование реки Пилица и овладение городом Лович гвардии полковнику Гусаковскому была вручена вторая Золотая Звезда Героя Советского Союза. Первую он получил за участие в Львовско-Сандомирской операции.

— Иосиф Ираклиевич, танкистам тяжелее других на войне приходилось?

— На фронте нет мест трудных и легких. Подняться в атаку под пулеметным огнем — это легко? Или вступить в воздушный бой против втрое превосходящих сил противника — это легко? Но все же танковая служба была из самых тяжелых. Машина-то большая. Двигатель, пушка, два пулемета, рация. За всем следить надо, в порядке содержать. А экипаж всего четыре человека. Марши, бои. Но чуть выдалась свободная минута — механик-водитель к двигателю, заряжающий к орудию. Я сейчас удивляюсь, когда мы вообще спали...

Погибло танкистов в годы войны очень много. У них, как правило, легких ранений не было.

Отчаянно немцы сопротивлялись и в последние дни войны. В Берлине каждую улицу, каждый дом с боем брали. Много наших товарищей нескольких дней до Победы не дожили. Уличные бои для танкиста всегда очень тяжелы. Завалы, мины, «фаустники», противотанковые орудия в упор бьют.

Не довелось и мне на рейхстаге расписаться, метров восемьсот не дошел до него. Был тяжело ранен.

— И как вы узнали о Победе?

— Лежал я в госпитале в одном из пригородов Берлина. Вдруг поднялась стрельба. Неужели немцы прорвались? Кричу адъютанту: «Ремизов, где оружие?!» И в это время двери в палату распахнулись, врач вбегает: «Победа!»

— Товарищ генерал, вы уже давно являетесь командующим Всесоюзной пионерской военно-спортивной игрой «Зарница». Что бы вы пожелали своей многочисленной юной армии?

— Я хочу, чтобы, когда нынешние ребята станут взрослыми, их сыновья уже не играли в войну. Чтобы вообще не было больше такого слова — «война».

Мы за мир. Но не имеем права забывать, что живем в неспокойное время, что бряцает оружием международный империализм во главе с США. Я думаю об этом, когда вижу мальчишек, штурмующих под знаменем «Зарницы» снежные крепости. Придет время, и мальчишки станут в солдатский строй. Не для того, чтобы нападать, а чтобы защищать. Свою страну. Мир и счастье планеты.

Берегите мир! Сохраните его. Помните, чем сильнее будете вы, тем надежнее будет мир.

Беседу вел В. КИСЕЛЕВ.



Рисунок В. МОЧАЛОВА.

Марина МОСКВИНА

ШАР

РАССКАЗ

На уроке географии нам объясняли погоду. Ну и географ Борис Матвеевич спрашивает:

— Кто знает, с помощью чего определяется высота облаков и сила ветра?

Я говорю:

— С помощью шара-пилота!

— Молодец, Шишкина! — говорит Борис Матвеевич.— А кстати, откуда тебе это известно?

Я говорю:

— Мне сказал мамин друг Тит Акимыч. Он полярник. Дрейфует на льдине и запускает шары.

Наши зашевелились.

— Из Арктики? Или Антарктиды? — спрашивает Борис Матвеевич.

— Северный полюс! — говорю я.

— Арктика! «Кухня погоды»! — воскликнул Борис Матвеевич.— Вот бы такого человека позвать к нам на урок.

— Нет,— говорю.— Тит Акимыч был в отпуске и жил у нас дома. А теперь улетел. В Карское море на остров Большевик!

И тут Прохорова со второй парты говорит:

— Ну и врать ты здорова! Никакой у них полярник не жил!

Наши зашумели.

— Что вы, Шишкину не знаете? — сказала Прохорова.— Она всю жизнь врет.

...Он ЖИЛ у нас, ЖИЛ! Он ПРАВДА прилетал с островов Северной Земли!

Мы к его приезду готовились целый день! Мама испекла пирог с яблоками. Бабушка шашлыки готовила, а меня послали за арбузом.

Возвращаюсь — Тит Акимыч приехал. На вешалке меховая куртка, а у двери унты с рюкзаком. А как он обрадовался, когда увидел арбуз!

— Шесть лет,— говорит,— арбуза не едал!

Мы тогда Титу Акимычу весь арбуз отдали! Он его ложкой ел. Загорелый такой, бородатый, и рубашка у него в розовую капусту. Мама еще сказала:

— Тит чем-то похож на Фритьофа Нансена.

Хотя нос у Тита Акимыча гораздо толще, чем у Нансена. Но ведь дело не в носе!

Главное, что Тит Акимыч избороздил на льдинах весь Ледовитый океан. А как он привез торосы!

— Торосы-то мои,— говорит,— не прокисли? Принеси, Лен. В правом кармане на вешалке.

В кармане?! Торосы?! Да это же ледяные глыбы! Смотрю — из Тит Акимычевой куртки торчит бутылка с наклейкой: «Торосы Карского моря». А в этой бутылке растаявшие глыбы — голубая вода.

Я вытащила пробку и отхлебнула торосов. На вкус они теплые, чуточку солоноватые. Даже как вспомню — сразу во рту торосный привкус!..

Я пришла из школы и написала письмо. На Север! На дрейфующую полярную станцию «СП-23»! Я написала:

«Тит Акимович! Рассказала про вас в классе. А Прохорова сказала, что я вру. Если б вы забыли торосы в морозилке! Если б не отдали их в институт! Я бы отнесла эту бутылку в школу! И доказала бы этой Прохоровой! Им всем бы! А что теперь?

С приветом —

Лена Шишкина».

Ответа я начала ждать с завтрашнего дня. Понятно, конечно, далеко! Пурга! Бураны! Ледовитый океан! Но кто-кто, а Тит Акимыч должен был ответить! И он ответил. Он прислал бандероль — черный ненадутый шар-пилот. И три записки:

«Лена, торос в бутылке — не доказательство. Прохорова скажет, что это вода из-под крана. Другое дело шар-пилот.

Доедешь до м. «Тушинская» и две ост. автобусом. На метеостанции аэродрома шар надуют водородом. Запустите всем классом. Привет маме, папе, бабушке —

Тит Акимович».

Вторая записка — «Метеорологу Тушинского аэродрома».

«Уважаемый коллега! Наша честь в ваших руках. Надуйте шар! Надо позарез. Заранее благодарен —

метеоролог полярной станции «СП-23»

Тит Шурупов».

Третья записка — Прохоровой.

Тушинский аэродром был обнесен дощатым забором. В брезентовых масках стояли за забором вертолеты. На толстые дырявые лопухи сыпались коричневые листья. Они хрупали под ногами, как сухая картошка в пакетике.

Войдя в ворота, я очутилась перед розовым домом. На нем другой дом, круглый, с полосатым колпаком и вертушкой.

В комнате метеорологов на деревянной лесенке стояла женщина в вязаном платке. Через увеличительное стекло она разглядывала барометр:

— Девятьсот восемьдесят четыре и две десятых миллибара...

Зазвонил телефон.

— Да? Это Маргарита. Парашютистам никаких прыжков! Мы дали штормовой ветер.

Метеоролог Маргарита положила трубку и обернулась. Я протянула ей записку.

...Вместе с Маргаритой мы поднялись к серебряной изгороди. Проволоки, столбы, теодолит, будка с градусниками, железные кубы под замком — все было серебряного цвета.

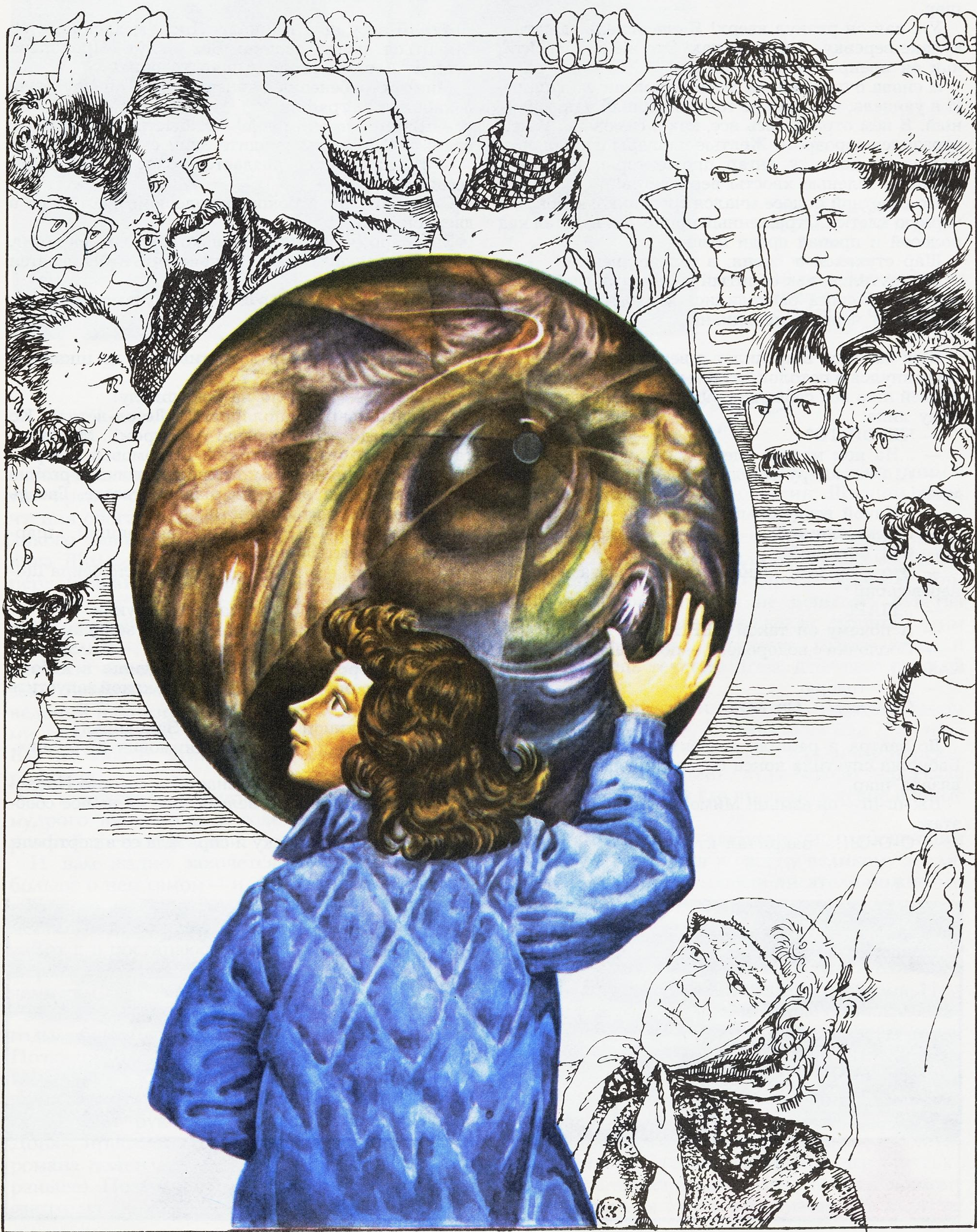
— Смотри,— Маргарита показала на верхушку

флюгера.— Верхнюю флюгарку сбила, а теперь сидит!

С раскуроченного флюгера на нас глядела ворона. Над ней целиком и клочьями проносились тучи. Солнце то появлялось, то исчезало. На доме ошалело крутилась вертушка. Будто бы «кухня погоды» — не Арктика, а Тушино!

— Сюда, — сказала Маргарита, и я спустилась за ней в каменный колодец.

Внизу было водородохранилище с травой на крыше, листьями и астрами. Холодные и зеленые, толпились в хранилище баллоны. И тут что-то зашипело! От этого шипения у меня сразу заложило правое ухо.



Рисунки А. ДУГИНА.

В руках у Маргариты раздувался черный полярный шар.

Он рос дулей, с одного боку! Разбух на все водородохранилище! Он вытолкнул меня в дверь. И уже сквозь шар я видела, как Маргарита сняла его со шланга и сказала:

— Бери веревку! Завязывай «аппендикс».

Голос Маргариты был как из трубы.

— Держи,— сказала Маргарита и отдала мне шар.

Ух, как он рванул вверх! Я еле успела зажать в кулаке веревку. А как он пах! Это же с ума сойти, как он прекрасно пах резиной!

Я снова очутилась на холме. Выглянуло солнце. И я увидела, что шар не только черный и прозрачный. В нем отражалось все, как в самоваре! В нем отразился аэродром! Желтые планеры с крыльями в красную полоску, ангар, прожекторы, пожарная машина, зеленые хвосты вертолетов!..

По взлетной полосе мчался грузовик с кузовом в черную клетку. Отраженный шаром, он взлетел над полосой и пропал среди птиц.

Шар стукался о меня, в голове звенело!

Он крутился, как облитый чернилами глобус! Из верхнего полюса расходились и сходились в «аппендиксе» черные меридианы.

Был час пик. Шар-пилот я везла домой в метро. Он уткнулся в потолок битком набитого вагона. Под землей шар вел себя тихо. Он отражал поднятые к нему лица.

— ЧЕГОЙ-ТО?..

— ...На нем можно улететь?..

— А! Это камеру надули! Камеру от футбольного мяча!

— ...Какой воздушный!

— ...Немыслимый!..

— Фу! Вонючий!..

— Это еще что! Одни сиамского кота в метро перевозили!

— ...ШАР!..

— А почему он такой ЧЕРНЫЙ?!!

— Оболочка с водородом? — понимающе спросил майор.

— Да,— говорю.

— Садитесь! — Он встал и уступил мне место.

До завтра я решила устроить шар на балконе. Бабушка спустила конец бельевой веревки, я привязала шар.

Вж-ш-ш — он взмыл! Мимо бабушки — на третий этаж.

— О-О-О!!! — закричал кто-то.

Это был дядя Миша Айзберг с третьего этажа. Он как раз собирался с балкона тряхнуть половиком.

Поздно вечером шар стал похож на елочный. В нем зажглись фонари и гасли окна соседних домов. Мне снилось, будто я с шаром дрейфую на льдине. А мимо проплывает дядя Миша Айзберг.

— Лен! — кричит.— Почем арбуз брала?

Смотрю — над моей головой громадный арбуз на веревке.

Утром несу шар в школу. Я иду медленно, чтоб заявиться после звонка. Все ахнут. Прохорова лопнет. А я — я выпущу шар из окна!

Мимо остолбеневшей нянечки тети Тани шествую в кабинет географии.

— Внимание-внимание! — Я быстро распахиваю дверь.— Сейчас вы увидите один сюрприз!

— Ну-ка, ну-ка,— раздается голос Бориса Матвеевича.

Сжимаю шар с боков и коленкой пихаю его в дверной проем.

За шаром — тишина. Только он сам скрипит, когда я его подпихиваю. Он почти что втискивается в класс.

— Маэстро, туш! — вопит кто-то по ту сторону шара.

— Урра! — заорали наши.

Правым боком шар дотрагивается до шкафа у двери...

— Б-бах! — грохнуло на всю школу!

...Воздушный! Заполярный! Летел-летел! Ко мне! Из Ледовитого океана! Аэродром!.. Маргарита!.. Флюгер без флюгарки... Штормовой ветер!..

Осталось только облако талька и длинная резина с веревкой. Она висит на ржавом гвозде. Гвоздь торчит острием из шкафа.

— Шар-пилот! Это был настоящий шар-пилот! — сказал Борис Матвеевич.

— А может, его можно склеить? — спросила Щеголева.

— Конец пузырю! — сказал Тарабукин.

Я подхожу и даю Прохоровой записку. Она читает вслух:

— «Прохорова! Я ЕСТЬ! Со льдины в небо я запускаю шары-пилоты. Такие же, какой запустите сейчас вы.

Друг Шишкиной, метеоролог Заполярья —

Тит Акимович Шурупов».

— Что вы, Шишкину не знаете? — говорит Прохорова.— Сказать ничего нельзя. Все на полюс сообщает.

Она свернула записку и спрятала ее в портфель.





Эту фотографию сделал в 1932 году В. Темин. В тот день Михаил Александрович впервые взял с собой на охоту старшего сына — Сашу.

Ваш будущий друг

Завидую вам, дорогие ребята: быстро пролетит время, станете вы старше, и круг вашего чтения обогатится замечательными книгами великого нашего писателя Михаила Александровича Шолохова. Вас ожидает большая радость первого знакомства с ними! Уверен, что каждого захватят события и судьбы людей, о которых ведется речь в романах «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Они сражались за Родину», в рассказе «Судьба человека», в «Донских рассказах». Встретитесь вы на страницах этих произведений и со взрослыми их героями, и с ребятами чуть постарше вас, и с вашими сверстниками. Вы полюбите этих людей, они станут вам родными.

А в писателе найдете друга на всю жизнь, мудрого наставника и советчика, человека огромной и чуткой души.

И вам жадно захочется узнать как можно больше о нем самом — и как о художнике слова, и просто как о человеке, о его характере, о местах, где он жил, узнать, что он любил.

Вот я и постараюсь хотя бы немного показать вам его с этой стороны. Буду говорить о том, чему сам был свидетелем.

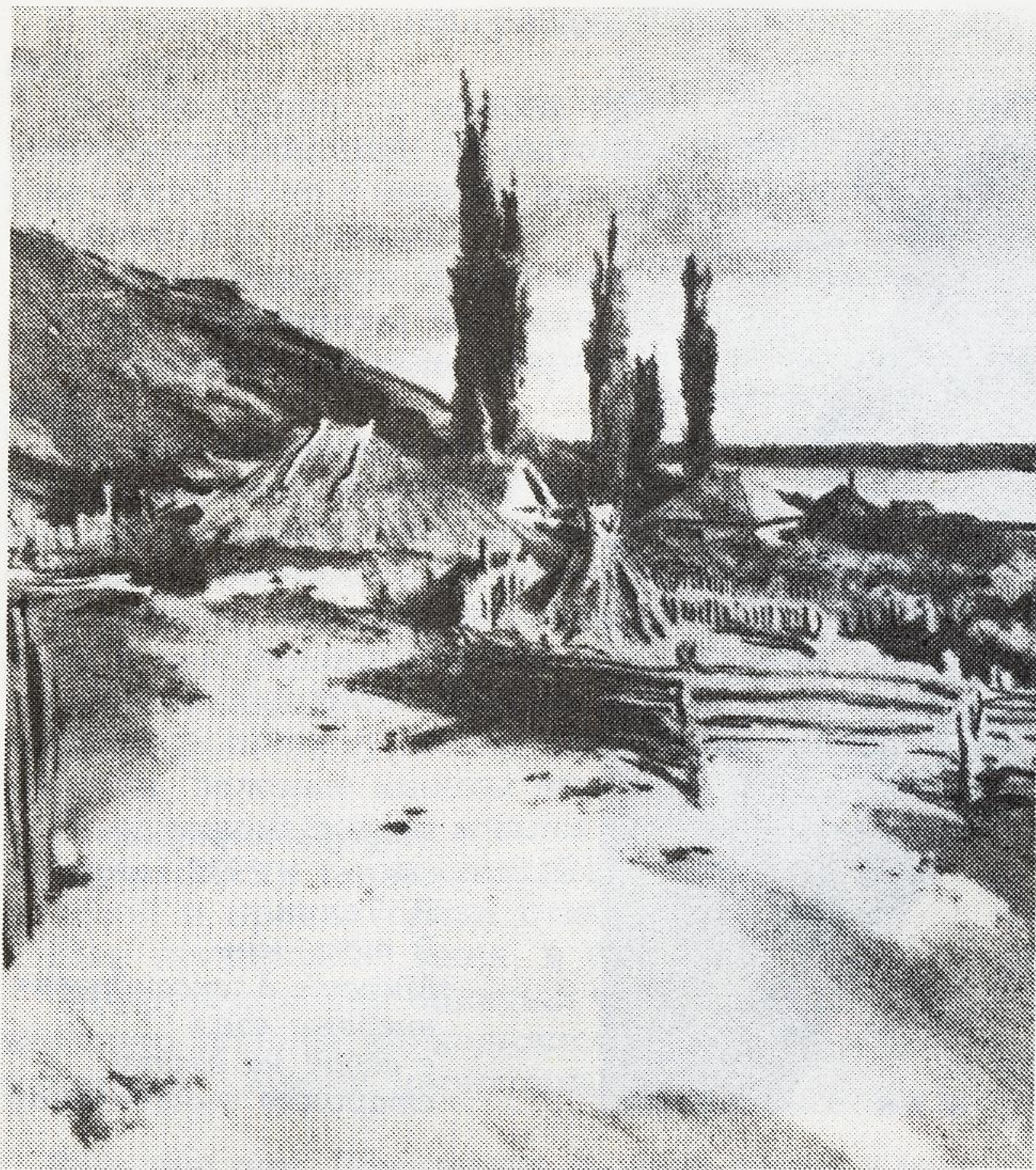
Я благодарен судьбе, подарившей мне долгие годы общения с Михаилом Александровичем. Познакомиться с ним довелось в 1932 году. Началось с того, что издательство, где я работал редактором, поручило мне подготовить к выпуску в свет рукопись третьей книги «Тихого Дона», присланную автором (две первые книги романа появились в журнале четырьмя годами раньше). Позже я ездил в станицу Вешенскую к писателю за очередными главами романа, встречались мы и в Москве. Случалось бывать с ним и в разных странах — Финляндии, Швеции, Японии...

Необычайной силы впечатления оставили поездки на Дон, в родные для Шолохова места. Он так мастерски, так живо описал природу донской степи, что нельзя не испытать чувства внутреннего потрясения, когда дышишь этим степным воздухом, слышишь голоса птиц и ветра, видишь течение Дона, песенной русской реки...

Люди сохранили в хуторе Кружилинском скромный домишко, в котором 24 мая 1905 года родился будущий писатель, а в станице Каргинской — такой же домик, куда вскоре переехала семья Шолоховых и где прошли детские и юные его годы.

Жители Дона с любовью и глубочайшим уважением относятся к своему великому земляку. Да только ли о земляках писателя можно это сказать!

Жарким летним днем (еще до войны) сидели мы за чаем на веранде шолоховского дома в Вешенской. Была там вся семья писателя — его мать Анастасия Даниловна, жена Мария Петровна, дочери Светлана и Маша, сыновья Александр и Михаил. Михаилу Александровичу сказали, что пришел какой-то старик, спрашивает его. Михаил Александрович попросил пригласить старого человека к столу. Ему ответили, что уже звали, но пришелец отказывается, сидит в кухне, объясняет, что хотел «тильки побачить» (по-украински: только повидать, взглянуть)... Михаил Александрович ушел к незнакомому гостю. Вернулся очень смущенный. До этого не





Иллюстрации Ю. Реброва к роману М. Шолохова «Тихий Дон».

приходилось видеть его таким. Стали расспрашивать, о чем был разговор. Михаил Александрович отмалчивался, переводил беседу на другое. С тем большей настойчивостью его донимали вопросами. Тогда тот, кто выходил с ним вместе, рассказал: старик пришел с Украины, пришел пешком. В свое время вот так же «тильки побачить» ходил пешком в Ясную Поляну, ко Льву Николаевичу Толстому. Сказав, что теперь «побачил» (повидал) Шолохова, поднялся, распрощался и отправился в обратный путь. Можно вообразить, какие чувства смешались в душе писателя...

Михаил Александрович был редкостно метким стрелком, и охота была его страстным увлечением. Другая страсть — рыбалка. Сколько радостей доставляли нам поездки на приток Дона Хопер, сваренная тут же, а потому свежайшая уха, ночевки у костра на берегу! Любого гостя, приехавшего откуда бы то ни было, из какой угодно страны, Шолохов — радушный хозяин — угощал красотою любимых своих рек, вольным степным воздухом, разжигающим аппетит дымком костра, вкуснейшей, прославленной донской ухой.

А в станице да и в самом шолоховском доме гости нередко слушали хоровое пение. Пели старики и молодежь, певал и сам Михаил Александрович. Пел он высоким тенорком («дишканил», как говорят на Дону). Он всегда готов был заслушаться, когда звучала старинная казачья, пронесенная народом сквозь века песня. Многие из них походные. Чтобы почувствовать их как следует, надо представить себе движущийся по дальней, зачастую неведомой пыльной дороге конный строй казаков, покинувших родные места, не знающих, что ждет их впереди, несущих, как сказал об этом писатель, «лишечко свое — песню»...

Доставляло Михаилу Александровичу порою удовольствие умело «разыграть», поддразнить кого-нибудь из друзей. Делал он это всегда добродушно, с искренним весельем. Хохотал вместе со всеми, если не больше всех. Вообще веселье, юмор, шутку, острое слово он ценил очень. Вы убедитесь в этом, когда попадут вам в руки отдельные страницы серьезных, даже трагических произведений, страницы, посвященные таким потешным персонажам, как Прохор Зыков в «Тихом Доне», как один из любимейших героев «Поднятой целины» — дед Щукарь.

Рассказываю все это, чтобы показать, каким живым, умеющим всем своим существом радоваться жизни человеком был он, какой атмосферой радости умел окружать все вокруг.

Михаил Александрович был выдающимся общественным деятелем, членом Центрального Комитета партии, депутатом Верховного Совета, горячим борцом за мир во всем мире. В годы Великой Отечественной войны он был военным корреспондентом центральных газет. Наша страна удостоила его самых высоких званий и премий. Наивысшими знаками признания было отмечено его творчество и за рубежом. Михаил Шолохов — лауреат Нобелевской премии. Все и перечислить трудно. Подробный разговор обо всем этом для вас впереди. Как и знакомство с его бессмертными книгами.

Пока вы всего-навсего как бы вдохнули глоток донского воздуха, того воздуха, которым этот изумительный человек дышал полной грудью.

Юрий ЛУКИН

С. БОГАТЫРЕВА

Как хорошо уметь читать!..

Как хорошо уметь читать!
Не надо к маме приставать,
Не надо к бабушке идти:
— Прочти, пожалуйста! Прочти!
Не надо умолять сестрицу:
— Ну, почитай еще страницу!
Не надо звать.
Не надо ждать.
А можно взять
И почитать!

Валентин Берестов

Ануш пулей влетела в дом и закричала с порога:

— Мама! Белый фартук! Завтра! Идем! Все! — Тут голос у нее оборвался, Ануш перевела дух и закончила потише: — В библиотеку.

Должно быть, получилось совсем тихо, потому что и мама, и брат переспросили:

— Куда?

Мама спросила просто потому, что не расслышала. А брат Рубик — тот протянул ехидно и насмешливо, как закудахтал:

— Ку-у-у-да?

Рубик, конечно, не хуже других братьев: всегда защищает Ануш во дворе, а дома никогда не ябедничает. Только больно любит красоваться и показывать свою ученость. Он прочел целую кучу книг, знает все на свете, и в школе ему иногда ставят по литературе и по истории невиданную отметку «пять с плюсом». Ануш сама не прочь прихвастнуть ученостью брата, но терпеть не может, когда он выставляется перед нею. Рубику только волю дай! Завел самым своим обидным, «учительским» тоном:

— Да ты хоть знаешь, что такое библиотека? — Рубик поднял вверх длинный тощий палец и произнес торжественно и нараспев: — Биб-ли-о-те-ка. — Отложил книгу, которую читал, снял с полки другую, толстую с золотыми буквами по корешку, раскрыл и продекламировал: — «Библиотека — место для хранения книг и самое их собрание; книгохранилище». А ты хоть одну книгу прочла в своей жизни?

Нет, не прочла. И Рубик отлично знал это. Он посмотрел сверху вниз на сестру, убедился, что она готова заплакать, и закончил скучным голосом:

— Ты и читать не умеешь.

Это был давний спор. Ануш считала, что умеет читать, и была права: она знала все буквы — русские и армянские, а на уроках отвечала по «Букварю», что задали. Разбирала вывески на улицах. И книжки она любила — листать, картинки разглядывать. Ей даже нравилось складывать буквы в слова, только терпения не хватало продираться сквозь их частокол, да и любопытство подталкивало: скорей, скорей, что там будет дальше?.. Ануш — девочка быстрая, ей надо, чтобы все было прямо сейчас, немедленно. А если «прямо сейчас» не получается, то и делать ничего неохота. Ануш подхватывала книжку и бежала с нею к маме, папе или Рубику: «Почитай, пожалуйста». Ни разу не удалось ей осилить страницу до конца. Так что Рубик был тоже прав, когда говорил, что читать она не умеет.

Когда на следующий день Ануш в белом фартуке, с белыми бантами в тугих черных косичках подходила к зданию знаменитой детской библиотеки имени Хнко Апера, она изрядно робела. Само

В этом прекрасном доме расположилась Ереванская детская библиотека имени Хнко Апера.





здание внушало почтение: тяжелое, громоздкое, но благородных форм, оно сразу настраивало на серьезный лад. Прямо со двора уходила вверх широкая лестница. «До самого неба», — подумалось Ануш. Она поставила ногу на нижнюю ступеньку и почувствовала себя совсем маленькой и очень глупой. Ждала: вот сейчас кто-нибудь голосом Рубика спросит: «Да ты хоть одну книгу прочла в своей жизни?»

Но никто ее не спросил. Первоклассников провели в просторную, нарядную комнату, больше похожую на комнату для игр, чем для чтения: на полках среди книг прочно, словно хозяева, сидели плюшевый мишка, тряпочная обезьянка и пушистая собака. В их обществе ребята почувствовали себя увереннее, тем более что со стен на них смотрели старые друзья Кот в сапогах, Золотая рыбка, Буратино и Бибигон. А в самом центре комнаты возвышался шатер, весь... Впрочем, Ануш не успела его рассмотреть, потому что к ребятам подошла строгая на вид девушка-библиотекарь, рассадила их вокруг шатра; кому достались табуретки, кому — подушки, остальные устроились прямо на ковре. Немного погодя внутри шатра, словно на сцене театра, появилась нарядная, в красивом армянском костюме, в длинном цветастом платке бабушка-сказочница. Бабушка обратилась к ребятам, спросила, какие стихи им нравятся, знают ли они буквы, любят ли сказки. Заиграла тихая музыка. Легко перебирая спицами, завела бабушка сказку про двух мальчиков, что жили далеко-далеко, за морями и океанами... Потом показала книжку и сказала, что историю мальчиков можно прочитать здесь, что книгу разрешается брать домой, только с условием: обращаться бережно, прочесть без посторонней помощи и непременно до конца.

Ануш совсем осмелела. Пока играла музыка, она исподволь огляделась по сторонам и залюбовалась лестницей. Лестница начиналась почти у ног Ануш, красиво изгибалась и исчезала в потолке. Стоило бабушке уйти из шатра, как Ануш взбежала наверх.

Лестница привела ее в просторный зал. Вот он-то уж выглядел так, как, по мнению Ануш, должна выглядеть библиотека, книгохранилище. Никаких теремов, игрушек, только книжные шкафы до потолка да маленькие столики с уютными лампами. Особая «книжная» тишина окутала Ануш. Девочка вообразила себя за одним из столиков: будто она сидит тут с книгой и сама — ну конечно, сама! — ЧИТАЕТ. Осталось протянуть руку, взять с полки книжку в яркой обложке и... начать ЧИТАТЬ.

В серьезной тишине читального зала Ануш сделала для себя открытие: не следует спешить, жадничать, хватать глазами много слов сразу. Их надо «щелкать» по одному, как орешки,— тогда смысл каждого и всех вместе дойдет до тебя.

Книжка попалась ей тоненькая — три страницы крупными буквами с целой кучей картинок,— рассказ Виталия Бианки «Аришка-трусишка». Ануш одолела ее за раз. Хотела положить книгу на место и вздрогнула от удивления: на нее смотрела давешняя строгая девушка-библиотекарь. Ануш и не заметила, когда та вошла в читальный зал.

— Ты хочешь записаться в библиотеку? — Девушка улыбнулась и сразу показалась не такой уж строгой. Ануш вгляделась в ее лицо и... узнала бабушку-сказочницу из терема!

— Конечно, хочу,— весело ответила Ануш и прибавила: — Спасибо, «бабушка»!

Строгая девушка заговорщицки понизила голос.

— Я библиотекарь, хранитель книг,— сказала она.— Мне хочется, чтобы все ребята прочли и полюбили наши книжки.

Театр полюбить легче. Вот мы и становимся ненадолго артистами, помогаем ребятам и книжкам познакомиться друг с другом поближе. Ты выбрала, что возьмешь домой? «Аришку-трусишку»?

— Нет,— небрежно сказала Ануш.— «Аришку» я прочитала.

Она прислушалась, как звучат слова «я прочитала». Звучали они превосходно!

В таком победном настроении уйти из библиотеки было бы просто глупо. Ануш вышла из зала для самых младших и отправилась осматривать книжный дом. Оглядела витрины, где лежали разные



чудесные вещи: игрушечные инструменты, наряды для кукол — подарки ребят своей библиотеке. Полюбовалась зверушками из шишек и прутиков, в которых узнала героев народных сказок,— их на каникулах смастерили читатели... Заглянула в фонотеку и подивилась, зачем читатели сидят в наушниках,— она не знала еще, что в музыкальном зале не книги читают, а слушают пластинки. Обнаружила, что все окна в библиотеке круглые, словно огромные иллюминаторы огромного корабля, а все залы двухэтажные. Промчалась по множеству лестниц, поднимаясь словно с палубы на палубу, пока не добралась до самого верха. Толкнула тяжелую дверь...

Свежестью и прохладой пахнуло в лицо. Яркий дневной свет на мгновение ослепил Ануш. Она зажмурилась, и представилось ей, что под ногами палуба корабля, что плывет он один-одинешенек, покачиваясь на волнах, под синим куполом неба. Ануш вдохнула, словно зачерпнула свежести и голубизны, распахнула глаза.

Палубы под ногами не было. Но синий купол над головою был. И свежесть ветра трогала лицо и руки. На просторной открытой площадке стояла Ануш и видела: вверху небо, внизу чудесный город, прямо перед собой красивого мальчика, что с толстой книжкой в руках устроился на краю площадки, откуда видны были горы и куда не доставало солнце.

— Привет, Ануш! — сказал мальчик и поднялся ей навстречу.

Волшебство исчезло. Перед Ануш стоял ее родной брат Рубик, внизу расстилался ее родной город Ереван. Она выбралась на крышу библиотеки, которая летом служит читальным залом для любителей свежего воздуха.

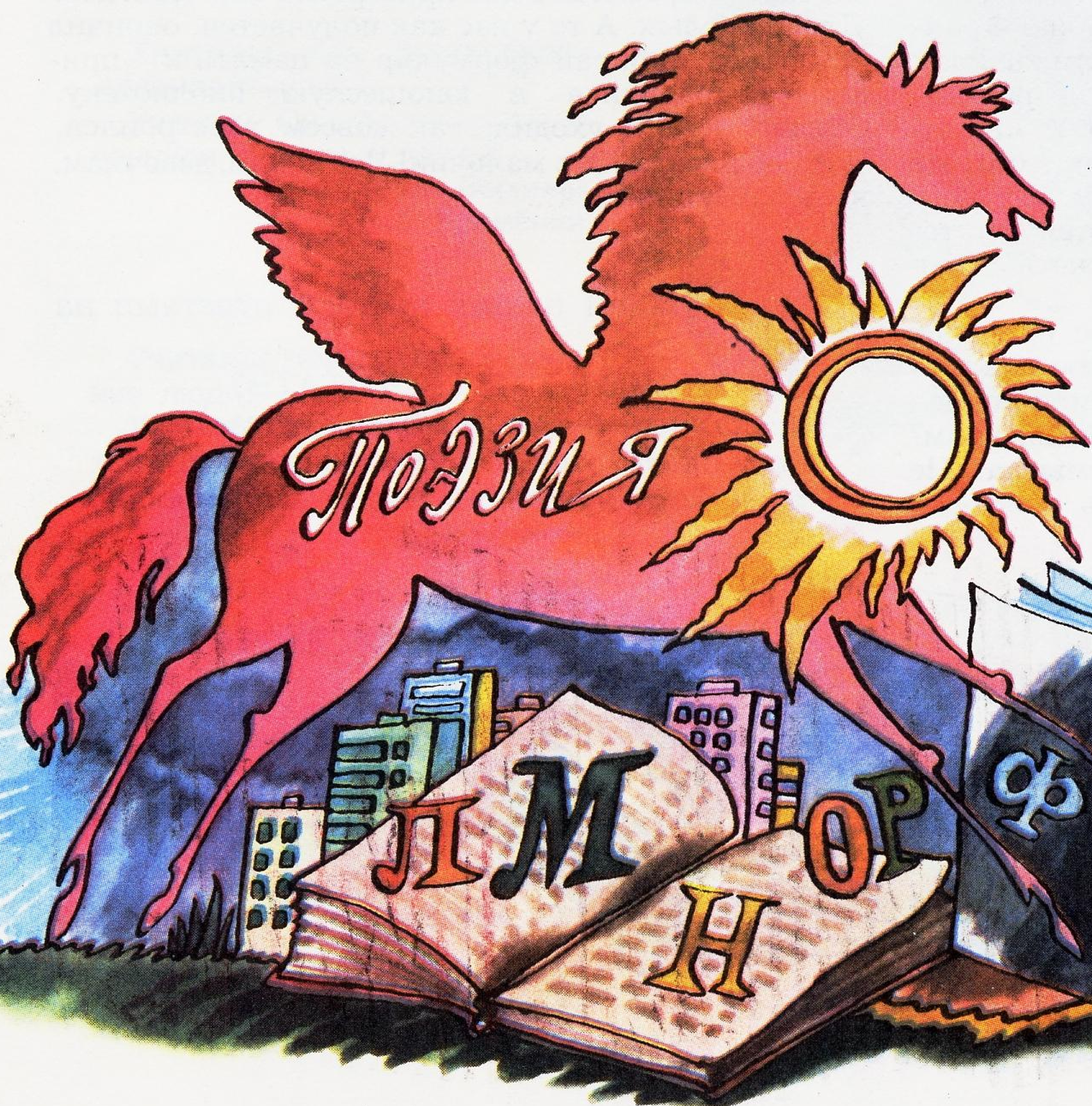
На этой площадке мы с нею и познакомились. Сейчас Ануш — уже не малышка, она высокая симпатичная девочка, у нее черные-пречерные косы и черные — зрачка не отличишь — глаза. Она держится уверенно, говорит свободно и, пожалуй, кажется старше своих 13 лет. Мне трудно представить Ануш испуганной и любопытной первоклашкой, но она так здорово, «в лицах», изображает себя маленькую, что я начинаю видеть словно бы сквозь нее и в этой почти взрослой, почти девушке различаю черты смешной отчаянной девчушки. «Только,— думаю,— не присочиняет ли Ануш? Может ли человек помнить до мелочей день, который был пять лет тому назад?..»

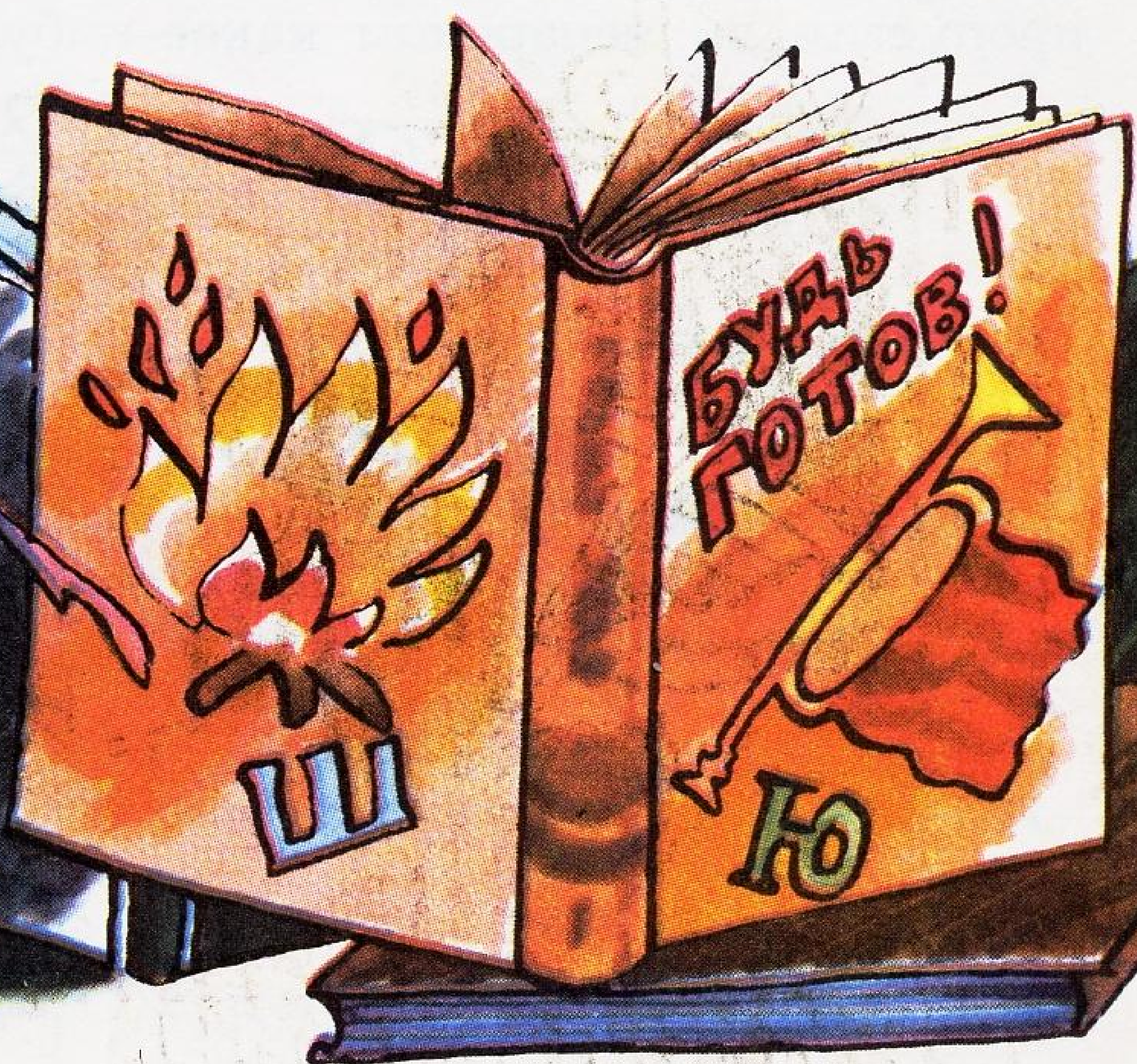
А впрочем, наверное, все зависит от дня — какой он был. Минуту, когда впервые устоял на коньках, или когда лег на воду и поплыл, или когда обуздал увертливый велосипед, не забудешь: каждая победа над своей неумелостью, неловкостью, страхом — новая веха в жизни, и ты бережно хранишь память о ней. Овладел еще одним умением — значит, мир раскрыл перед тобою новые богатства. (Наверное, так радовался Алладин, когда шел с волшебной лампой подземным коридором и за каждым поворотом ждали его новые сокровища...)



Ануш рассказала мне об очень важном дне в ее жизни, о дне, когда она стала читателем. Умением этим не всегда легко овладеть, но разучиться читать нельзя, как невозможно разучиться плавать или ездить на велосипеде. Те, кто работает в библиотеке, помогли ей: протянули ниточку от детских игр, от дошкольных увлечений к книге. Для того посадили плюшевого мишку среди книг, для того юная библиотекарша превратилась в бабушку-сказочницу...

Это был только первый урок — может быть, самый важный — урок любви. Ануш потянулась к книге, но ей предстояло еще многому научиться. Уметь читать — высокое искусство, читатель читателю рознь.





Один «глотает» книгу, чтобы узнать, «чем кончилось». Другой не спешит: вдумывается в каждую строку, примеряет на себя поступки героев: «А я бы сумел?», «А я не струсил бы?» Третий сравнивает новую книгу с теми, что читал раньше, размышляет о творчестве писателя.

Сейчас Ануш с улыбкой превосходства вспоминает детский спор с братом о том, что значит «уметь читать». На самом деле вопрос этот очень даже серьезный, как всякий вопрос о том, что человек умеет. За вопросом «ЧТО ты умеешь делать» следует продолжение «КАК ты это делаешь».

Припомни. Радость «сам стою на коньках» очень скоро сменилась желанием не просто стоять, а бегать! Выучился бегать — тут как тут новая забота: обогнать всех в классе или хоть Петьку, постоянного твоего соперника во всем. Догнал Петьку — опять нет радости: хочется крутить «пистолетик», как незнакомый парень из 8-го «А». Ничего дурного тут нет, это не зависть в тебе говорит. Желание делать все как можно лучше, постоянно учиться, стремиться к совершенству — прекрасное свойство человека. Но чтобы достичь мастерства, каждому нужен учитель, тренер, наставник. Не обойтись без наставника и хорошему читателю: в книжном море немудрено заблудиться без лоцмана.

Библиотека не только книгохранилище, но и книгам училище. Особенно **детская** библиотека — вот такая, как библиотека имени Хнко Апера в Ереване, где книгу вплетают в ребячью жизнь, как ленту в косичку. Сначала заманивают тебя в читатели, привораживают, а потом помогают стать читателем высокого класса. Как? Да тебя же узнавая, через твои же увлечения, раздувая искорку интереса в веселый костер.

В читальном зале для шестых — восьмых классов рассказали мне случай. Пришел мальчик и сказал, что хотел бы читать книги по истории, особенно по истории Франции. Ему предложили «Наполеона» Тарле — серьезное, но увлекательное произведение, написанное для взрослых. Парень полистал — вернул: нет, мол, не пойдет, скучно. Оказалось, он только что прочитал «Трех мушкетеров» и в библиотеку пришел взять продолжение. Историю Франции же ввернул исключительно для престижа. Дали ему «Двадцать лет спустя», дали другие романы Дюма, а потом приучили постепенно к книгам потруднее. Через год с небольшим он того же «Наполеона» Тарле читал с увлечением.

Со ступеньки на ступеньку поднимаются читатели библиотеки: от книг легких, остросюжетных — к взрослым, требующим умения читать.

«Умею ли я читать?» — такой вопрос время от времени должен, наверное, задавать себе каждый из нас. Закрыл книгу — подумай: все ли ты сумел взять у нее? Не осталось ли что-нибудь непонятым? Не прошли ли мимо тебя оттенки смысла? Не пропустил ли ненароком какое-нибудь описание, может быть, не слишком увлекательное, но важное для того, чтобы правильно понять замысел автора...

УМЕТЬ ЧИТАТЬ — это значит и уметь перечитывать, возвращаясь к самым любимым, самым твоим, словно для тебя одного написанным книгам, каждый раз обнаруживая в них новую глубину.

УМЕТЬ ЧИТАТЬ — это значит пользоваться каталогом, без труда находить нужную книгу, разбираться в библиографии. В библиотеке имени Хнко Апера малыши приучаются искать книги по «игрушечному» каталогу, где вместо названий — картинки из книг, а старшие соревнуются в библиотечных навыках, в знании «библиотечных» слов (титульный лист, суперобложка, экслибрис)...

УМЕТЬ ЧИТАТЬ — это и знать тех, кто пишет для тебя и твоих ровесников. В библиотеке бывают чудесные вечера-встречи с детскими писателями. Один из таких вечеров — встреча с Варткесом Петросяном — стал событием для всего города.

УМЕТЬ ЧИТАТЬ — это значит в обыденном видеть поэзию, угадать сказку в будничной жизни. Младшие ребята привыкли приносить в свою библиотеку разные лесные чудеса — замысловатые корни, древесные грибы, мохнатые шишки, чтобы потом вместе фантазировать: из какой они книжки, на кого из любимых героев похожи.

— Когда я стану директором библиотеки...— говорит Ануш и смотрит на меня подозрительно: не смеюсь ли? Я не смеюсь. Я спрашиваю осторожно:

— Ты сразу станешь директором?

— Зачем сразу? Со ступеньки на ступеньку! Сначала, пока молодая, буду «бабушкой», поработаю с дошкольниками и первоклашками. Потом год — в зале для 2—3-х классов. Потом — в какой-нибудь зале для средних классов. Когда выучу побольше языков, пойду в зал иностранной литературы: там — представляете? — книги на сорока восьми языках! Потом — в фонотеку: там надо лекции читать по музыке, концерты устраивать. Потом пусть меня назначат заместителем директора — буду придумывать разные интересные вечера, конкурсы, встречи... А стану директором, все оставлю как есть, только велю пристроить еще один дом. Для взрослых. А то у нас как получается: окончил 8 классов, забирай формуляр на память и — привет! — отправляйся в юношескую библиотеку. Обидно. Рубик уходил, так совсем расстроился. Чуть не плакал. Это мальчик! Что ж нам, девочкам, в слезах утопиться?..

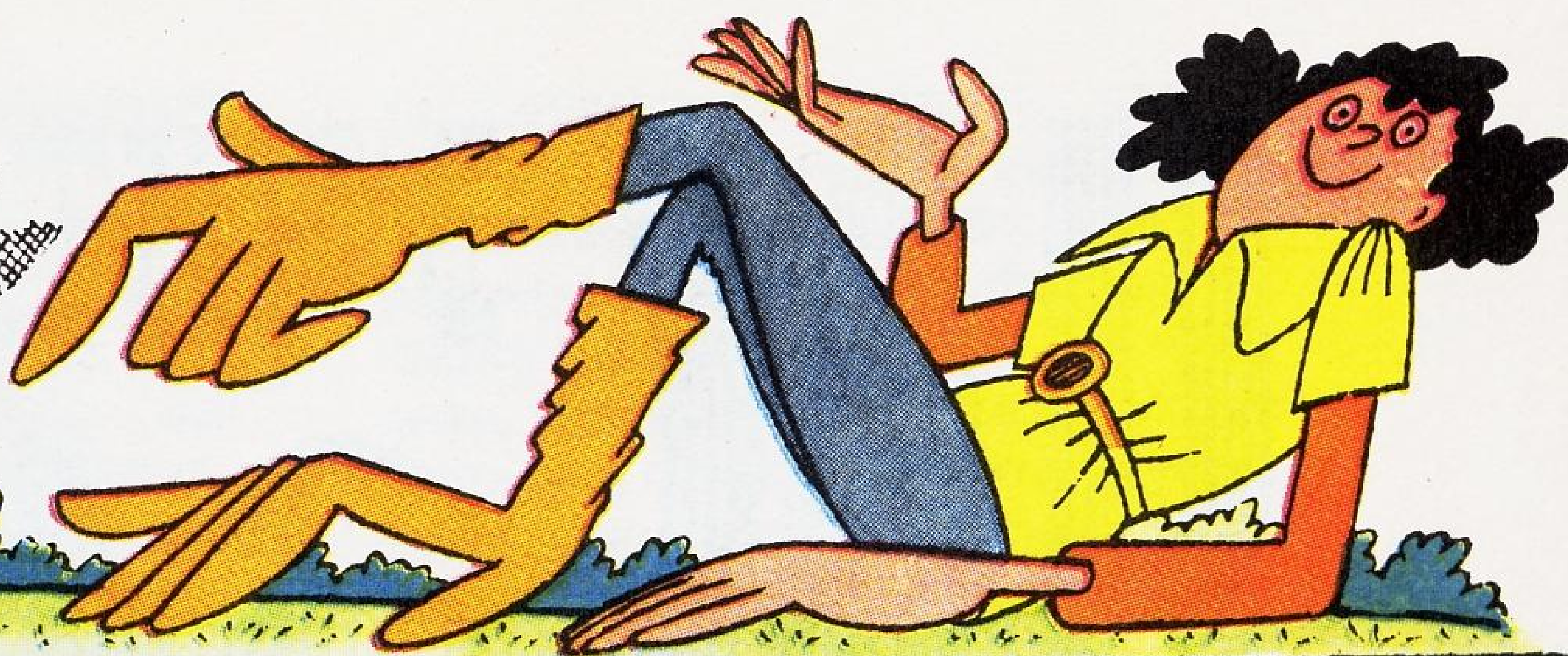
Ребята! Ждем ваших писем с ответами на вопрос:

ЧТО ЗНАЧИТ УМЕТЬ ЧИТАТЬ?
Расскажите о том, ***КАК*** *вы читаете.*
Расскажите о своих любимых книгах.
Расскажите о клубах юных книголюбов.



Рисунки А. БОРИСОВА.

ПЕРЕМЕНКА



«ПЕРЕМЕНКА» подводит итоги своего постоянно действующего конкурса «Невыдуманные диалоги» за 1983/84 учебный год.

Авторитетное жюри, куда входят признанные мастера юмора и выдающиеся знатоки улыбок, назвало имена победителей. Вот они: Н. Терехова — дер. Падерино, Кировская обл., Ира Ватбольская — пос. Ударный, Мордовская АССР, Костя Киселев — г. Новокузнецк, Виктория Адамова — г. Донецк, Оксана Юркова — пос. Тугач, Красноярский край.

«Переменка» поздравляет победителей, благодарит всех ребят, активно участвовавших в конкурсе, И НАПОМИНАЕТ:

КОНКУРС ПРОДОЛЖАЕТСЯ!!!

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель: Что обозначают качественные прилагательные?

Ученик: Они обозначают, что данное прилагательное — качественное, без дефекта!

Наташа Унжанова,
Восточно-Казахстанская обл.

НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Учитель: Кто такой Ганнибал?

Ученик: Ганнибал — прораб Петра Великого!

Светлана Григорьева,
г. Ленинград.

* * *

Учитель: Как были одеты древние рыцари?

Ученик: Они были одеты в панцири, шлемы и ласты!

Дима Воронин,
пос. Кремёнки.

* * *

Учитель: Чем питались древние люди?

Ученик: Охотились на мамонтов, ощипывали их и съедали!

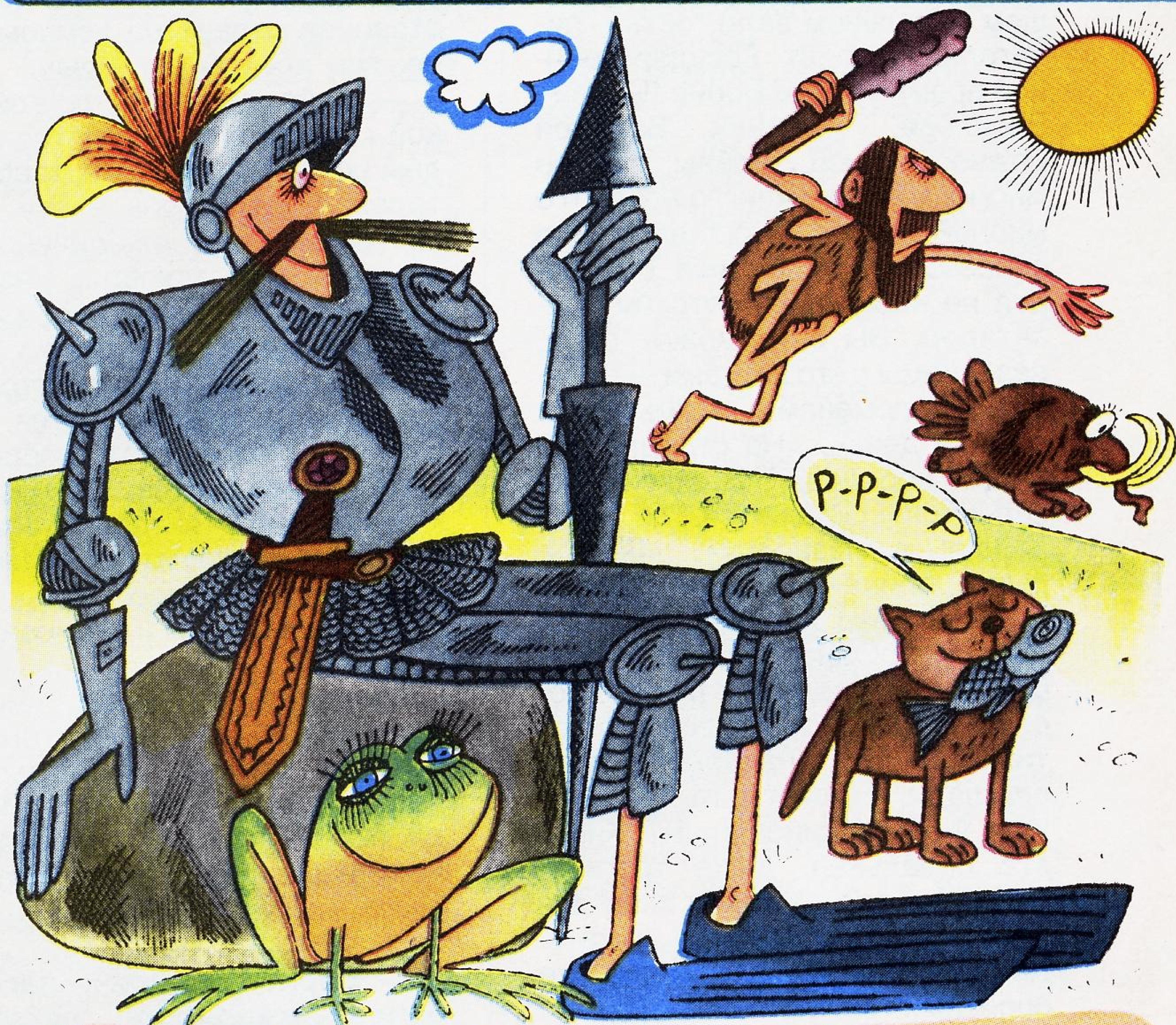
Люда Цветкова,
г. Боровичи.

НА УРОКЕ ЗООЛОГИИ

Учитель: Как устроены лапы у водоплавающих птиц?

Ученик: У них между пальцами имеются барабанные перепонки!

Света Бузина,
Московская обл.



Из школьных сочинений

«Петя устал и упал на кровать без задних ног».

«У петуха были куриные ножки».

«Мою старшую сестру зовут Надя, она младше меня на четыре года».

«Кот ел рыбу и от удовольствия тявкал».

«У лягушки были большие глаза с длинными ресницами».

«В мастерской шумно пахло машинным маслом».

«На ней были длинные лайковые перчатки — почти до колен».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменках» отвечает Вит. АЛЕНИН.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

ЧАС В ЧИТАЛЬНОМ ЗАЛЕ

Когда не могу не писать

Дорогие друзья, сегодня в нашем читальном зале гость — писатель, лауреат Государственной премии СССР Борис Львович Васильев, участник Великой Отечественной войны, автор многих хороших книг: о войне и о мирной жизни, о прошлом и о современности. Бориса Васильева не называют «детским» писателем. Вы еще, может быть, незнакомы с его книгами — повестями и романами: «Самый последний день», «Не стреляйте в белых лебедей», «В списках не значился», «Кажется, со мной пойдут в разведку», «Завтра была война»,— судьба героев Б. Васильева волнует читателя постарше. Однако о самом известном произведении нашего гостя — о повести «А зори здесь тихие...» — вы наверняка уже слышали. А может быть, читали? Или видели кинофильм? Книга эта печальная, даже трагическая, она растревожит вашу душу, заставит о многом думать. Но без нее вам в жизни не обойтись.

Борис Львович любит молодость, любит юность, а про детство говорит, что «это единственная страна на земном шаре, где все талантливы».

— Действительно, другой такой страны нет. В детстве каждый искренен, правдив, требователен. Сама жизнь в эту пору заставляет нас ежедневно открывать мир заново... Бездарных детей не бывает. Но удивительное дело: отсюда, из этой прекрасной, загадочной страны, все почему-то бегут, рвутся, спешат уйти. Хотят стать взрослыми. Скорее. Завтра. Сейчас же. Немедленно... Не торопитесь. Не теряйте способности каждый день видеть новое, без конца задавать вопросы и сомневаться в ответах...

Сохраните в себе умение удивляться — удивительное детское умение удивляться и верить в свое удивление. И тогда, может быть, из вас вырастут настоящие художники, актеры, ученые. Люди, способные творить. Изобретатели...

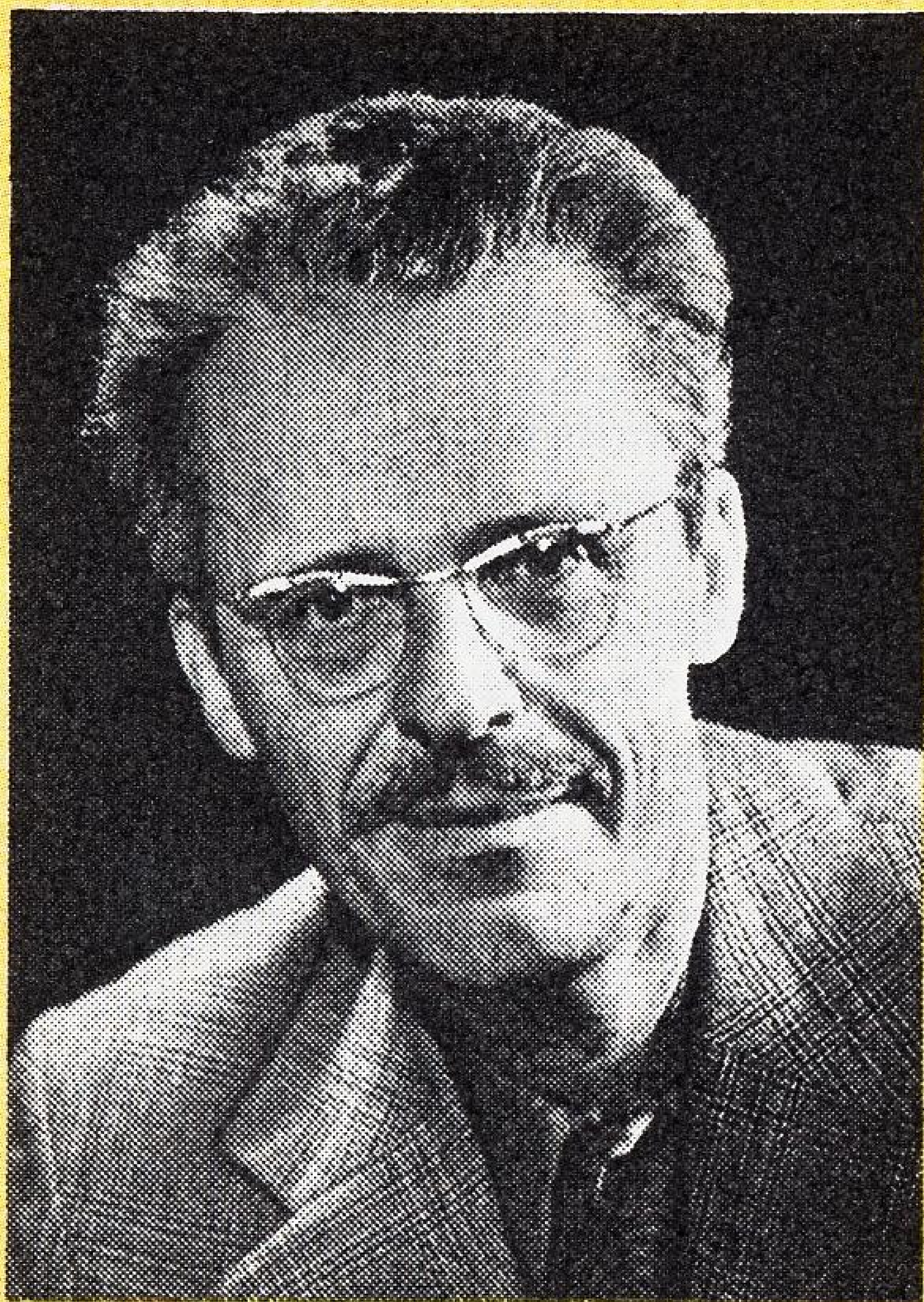
— Борис Львович, расскажите, пожалуйста, ребятам, как складывалась ваша писательская судьба, какие жизненные обстоятельства сильно на вас повлияли?

— Я думаю, тут в первую очередь надо говорить не об обстоятельствах моей именно жизни, не о моей личной судьбе, а о судьбе поколения, к которому я принадлежу. Мы, родившиеся сразу после гражданской войны, минуя всякую молодость и всякую юность, шагнули прямо из детства на фронты Отечественной. С этого началась для меня военная тема. Я был и кавалеристом, и пехотинцем, и десантником, и пулеметчиком, и танкистом... Воевал я недолго, но увидел и пережил многое. Не написать о войне я не мог: у меня был долг перед теми, кто погиб, кто остался там... Этот долг существует, никуда от него не денешься, когда принадлежишь к «поколению легших под танки». Главное для меня в этой теме — бесчеловечность войны. Ее тупая бесчеловечность. Понимаете, когда на фронте гибнут мужчины, это больно, горько, страшно, что хотите, но это естественно. Долг мужчины издревле — защищать свою родину ценою собственной жизни. Это долг. Но когда погибают девушки — это уже не война. Это убийство. Повесть «А зори здесь тихие...» написана об убийцах. Это главная мысль.

— Что вы вкладываете в понятие «любовь к Родине»?

— Дело в том, что любовь к Родине — это не слова. Слишком часто мы стали об этом толковать по поводу и без повода. А ведь ее не проверить — ни словами, ни клятвами. Любовь к Родине — это как данность. Никому же не придет в голову спросить другого: «Ты маму любишь?» «Конечно, люблю». Но мы же не клянемся каждый день, что мы любим маму, правда? Так к чему же без конца говорить, что мы любим Родину? Ну, любим, и знаем все, что любим, и все любят свою Родину. Урод только может ее не любить... В войну был единый





Борис Васильев.

порыв, одна была боль, одна была трагедия, одно было горе. ...И мы поняли тогда, что Родина — это совсем не территория: это общее дело, общая судьба. Понимаете, поменьше надо о Родине говорить и побольше для нее делать.

— Как вы считаете, может прочитанная книга что-то изменить в человеке, отразиться на его поступках, характере, личности?

— Все книги вместе, добрые, хорошие книги, наверное, способны сделать человека добрее и лучше. Бывают в истории случаи, когда книга оказывает огромное влияние — и даже не на одного человека, а на многих, на общество в целом. Для поколения чуть старше моего, скажем, такой книгой был роман Николая Островского. Это было особое время, и особая судьба была у нашей страны — и Павел Корчагин в полной мере выразил эту «особость»: времени, страны, человеческих судеб.

— В чем, на ваш взгляд, смысл художественного творчества? Для чего пишутся книги?

— Начну издалека. Ребенку кажется, что мир вокруг него огромен. А это всего лишь его комната. Потом он выйдет во двор — вновь удивится огромности этого мира. А это двор. И так до той поры, пока он не станет взрослым. Тогда, случается, мир перестает его удивлять: вот дом, вот семья, вот автобус, вот институт или завод, его работа. Все. Весь мир. А он же огромный... Нужно учиться чувствовать его, нужно уметь его понимать. Чтобы помочь в этом человеку, и существует искусство.

Истинная цель любого искусства — показать человеку, что мир его безграничен, что все люди — не только он — кричат от боли, смеются от радости, рыдают от горя. Искусство раздвигает стены, помогает видеть больше.

— Скажите, как возникает идея написать ту или иную книгу? И есть ли у вас «любимая тема», «любимый герой»?

— Знаете, у меня лично есть такое правило: я пишу тогда, когда не могу не писать. Вот если я увижу что-нибудь, с чем я не согласен, что возмущает, выводит меня из себя, тогда я начинаю злиться. И пишу. Понимаете, писатель должен быть самим собой. Какой он есть. Он не должен никем прикидываться.

А герои мои почти все молодые. Я люблю независимость юности, задор молодой, неприятие лжи — все эти свойства молодости мне крайне близки, и поэтому своих героев я всегда хочу видеть молодыми. А что касается темы, то она приходит как-то сама по себе, не уследишь даже: сегодня — одна, завтра — другая.

— Многие ваши книги экранизированы. Как живется вашим героям на киноэкранах?

— Что касается меня, моих книг, моих героев, то скажу честно: я очень люблю, когда меня экранизируют. Потому что я прекрасно понимаю, как занят современный человек, как он разрывается: работа, быт, масса информации — за всем не поспеть. Не всякий прочтет книгу, и потому я с радостью отношусь к возможности высказываться на языке массового искусства.

Печально другое. Многие школьники, сберегая свое время, пишут сочинения о великих произведениях литературы, не читая их, а посмотрев фильм. Значит, знакомство с писателем не состоялось. Вы не читали его книгу — вам ее пересказали.

Лучше всего будет, если вы посмотрите кинокартину или телевизионный спектакль и вам захочется прочитать книгу.

— Если б вы вернулись вдруг в свое детство, какую книгу вы перечитали бы прежде всего?

— Для того, чтобы ответить на этот вопрос, вовсе не надо становиться моложе. Я и сейчас, во взрослом своем состоянии, вновь и вновь перечитываю любимого с детства Диккенса. И, сколько бы я ни читал этого наивного, светлого, удивительно доброго человека, всякий раз я открываю его заново. Потому что это поразительный писатель. Как и все они, великие. Никогда не нужно забывать о том, что существует классика.

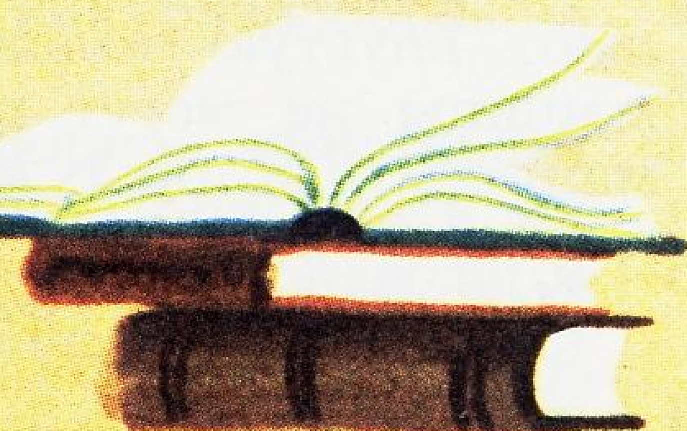
Но великая книга появляется не часто, может быть, раз в сто лет. Просто же хороших, даже очень хороших книжек, много. Читайте побольше. Разные книги. Хорошие — перечитывайте.!

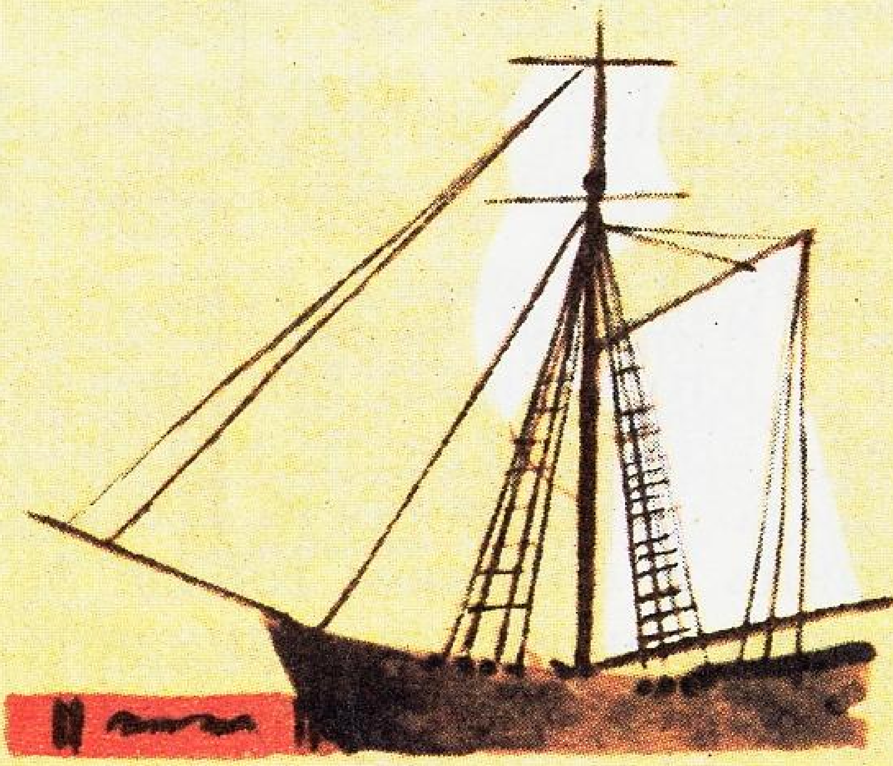
— Борис Львович, мы благодарим вас за интересный разговор. От всей души поздравляем вас с нашим общим праздником — 40-летием Победы. Желаем вам написать еще очень много книг — обо всем, о чем вы не писать не можете.

Беседу вели Е. ВЕЛИКАНОВА и Ю. ПЯСКОВСКИЙ.

Фотография Н. КОЧНЕВА.









Михаил КРИВИЧ



Зверь выходит на прогулку

На паркетном полу на шести столбиках-ножках стоит непонятный аппарат. Прибор не прибор, машина не машина. Металлические рейки с отверстиями — как в детском конструкторе, колесики, ящички, провода...

Неподалеку человек в белом халате. В руках у него небольшая коробочка с кнопками, а от нее тянутся к странной конструкции провода. Как будто человек выводит на прогулку неведомого зверя. Прогулка и впрямь начинается. Человек нажимает пальцем на кнопку — слышится жужжание, хрустят металлические суставы, и «зверь» неуклюже и медленно переступает по полу...

Фотографию этого странного аппарата печатали в научных журналах, о нем рассказывали на конференциях, о нем писали газеты. Отчего к нему такое внимание, почему такой интерес? Вот почему: это одна из нескольких созданных в мире моделей шагающей машины.

О колесе, лошади и таракане

Тысячи лет назад люди придумали колесо. И оно, колесо, оказалось гениальным изобретением. Была бы хорошая дорога — и на колесах можно домчаться куда угодно. А если дорога похуже, выручат колеса с шинами высокой проходимости. А если никакой дороги нет — пересаживайся на гусеничную машину. Но ведь гусеница — она тоже на колесах.

Так зачем же тогда шагающие машины? Прежде чем ответить на этот непростой вопрос, давайте поговорим немного о лошади.

«Гляжу — поднимается медленно в гору лошадка, везущая хворосту воз...» Кто не знает этих некрасовских строк! Их учат в школе даже те, кто сроду не видал ни лошадки, ни воза, ни хвороста. В самом деле, часто ли встретишь в большом городе лошадь? Неудивительно, что машинами занимаются ученые в сотнях научно-исследовательских и проектных институтов, а наукой о лошадях — иппологией — только в одном.

Всесоюзный научно-исследовательский институт коневодства изучает разные породы лошадей, планирует, как эти породы улучшить, как увеличить запасы кормов. Но при чем тут машины? Вот при чем. Ученые из института коневодства проводят исследования не только на ипподромах, не только на цирковых и спортивных манежах, но и в колхозах и совхозах. И вот что они узнали. Оказывается, в хозяйствах, где много автомобилей, тракторов, комбайнов — и лошадей много, чем больше и лучше работают машины, тем больше дел для лошади. Странную вещь обнаружили ученые, не правда ли?

А если вдуматься, ничего странного тут нет. Так и должно быть. Прислушайтесь к такой вот фразе: гляжу — поднимается медленно в гору трактор, везущий хворосту воз. Правда, звучит нелепо? А еще нелепей гонять могучую машину и жечь дорогое горючее, когда с делом может управиться обычная лошадка.

«Знаете что,— сказал мне доктор технических наук Николай Владимирович Умнов, один из ученых, которые создают сегодня шагающие машины,— ведь нам-то в конечном счете и нужна механическая лошадь...»

Наша страна осваивает труднодоступные районы — на Севере, в пустынях, в горах. Там богатейшие кладовые полезных ископаемых — газа, угля, железной руды, алмазов. А горы — сколько они таят природных богатств!

Спустимся с гор на обычное поле — с пшеницей или хлопчатником. Когда убирают урожай, комбайн ходит из конца в конец, а на краю поля разворачивается. Для разворота нужно место, и это место оставляют невозделанным, незасеянным. Какие огромные площади плодородной земли пропадают впустую только из-за того, что обычные машины не могут разворачиваться на месте. А машины, у которых есть ноги, могут. Шаг в сторону и — кру-гом!

Мы стремимся сберечь природу. А колеса и гусеницы ее потихоньку разрушают. Они оставля-

ют на земле колеи, которые месяцами, годами не затягиваются, утрамбовывают почву на полях, нарушают ее структуру. Растениям становится труднее дышать, расти, и урожаи от этого падают. Вот если бы по лесу, по лугу, по тундре, по полю машины не ездили, а аккуратно шагали.

Видимо, механическая лошадь и впрямь нужна. А еще нужен — не удивляйтесь! — механический жук или таракан. Если надеть на ноги шагающей машины электромагнитные башмаки или резиновые присоски, как на мыльнице для ванной, то такая машина сможет, подобно насекомым, разгуливать по вертикальной стене и даже по потолку. Трудно перечислить все дела, которые она сможет переделать. И покрасить стены, и починить плотину, и разгрузить корабельные трюмы, и даже вымыть снаружи окна высоченного небоскреба...

Довольно. Наверное, даже самый недоверчивый читатель уже понял: без шагающих машин не обойтись. А раз не обойтись, то их нужно придумывать и строить. Но зачем изобретать велосипед? Шагающие машины давным-давно работают. Например, шагающий экскаватор.

А почему гигант-экскаватор, который добывает руду и уголь в открытых карьерах, передвигается на ногах? Представьте, какие нужны колеса или гусеницы, чтобы выдержать такую махину. И никакие колеса, никакие гусеницы не пройдут под огромным весом на неровном, мягком грунте. И никакие колеса, никакие гусеницы не позволят машине шагнуть чуть в сторону, чтобы переменить рабочее место.

Шагающие машины работают быстро и споро, а ходят медленно. В общем, даже не ходят, а ползают. Потому что никогда не отрывают корпуса от земли. Один шаг занимает порой две-три минуты, а за час машина не пройдет и двухсот метров. Но спешить им некуда, так что конструкторов такой способ передвижения вполне устраивает. Но мы-то сейчас ведем речь о совсем других шагающих машинах. Нам нужна механическая лошадь, а для более тяжелой работы — механический слон, нам нужны механические тараканы — юркие, подвижные, легко управляемые.

Умеет ли конь летать?

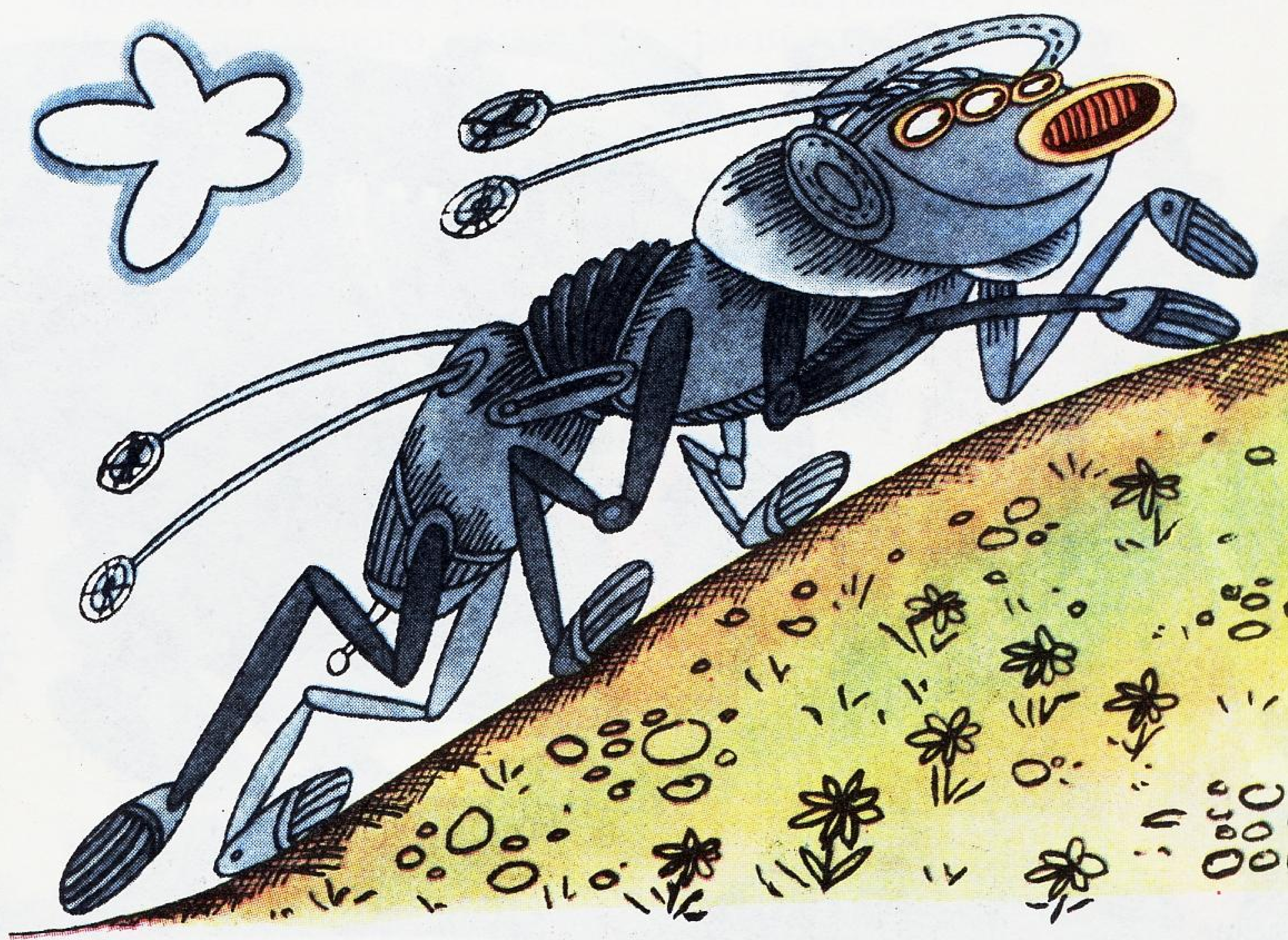
Чтобы сконструировать механическую лошадь и механического таракана, надо прежде всего разобраться, как бегают, ходят, ползают живые модели. Конструкторы шагающих машин так и решили поступить.

До чего красив бег лошади! А бег гепарда, самого быстрого среди живых существ! В погоне за добычей он развивает скорость до 110 километров в час — как легковой автомобиль на скоростной автостраде. Удивительно грациозны движения бегущей жирафы, прыжки кенгуру и зайца, иноходь верблюда. Есть своя красота и в тяжеловесной походке слона. Да что гепарды, слоны и жирафы! Понаблюдайте за своей кошкой, за простой собакой, которая носится по вашему двору. Насколько сложны и совершенны их движения, как неуловимо быстро «переключают» они скорости, как разнообразны походки.

Люди тысячелетиями наблюдали за животными и лишь недавно научились точно описывать их походки. Еще сто тридцать лет назад коневоды и зоологи спорили, умеет ли лошадь летать. Одни утверждали, что на бегу она то и дело отрывается от земли. Другие с этим не соглашались: при любом аллюре одна-две лошадиные ноги обязательно касаются земли, говорили они. Разрешить этот спор простыми наблюдениями никак не удавалось. Лишь когда были сделаны фотоснимки каждого шага лошади на бегу, все сомнения отпали. Во время ходьбы лошадь двумя или даже тремя ногами опирается на дорогу, а во время рыси или галопа бывают мгновения, когда все четыре ноги от нее оторваны. Выходит, что лошадь летает!

Если столько споров было о четвероногом ходоке, представьте, как трудно изучать походки шестиногих тараканов или восьминогих пауков. Меняя порядок перестановки ног, шестиногое существо может в принципе ходить более чем тысячью разных походок.

Зоологи и специалисты по насекомым — энтомологи — внимательно изучали походки сотен живых



существ. От хомячка до слона. От кузнечика до сороконожки. Они снимали ходоков на кинопленку, подобно сыщикам, измеряли и фотографировали следы, прикрепляли к лапам и ножкам датчики, заставляли животных прыгать через барьеры, изучали устройство мышц и костей, от которых зависит походка.

И вот когда ученым — механикам и машиноведам — понадобилось узнать, как ходят животные, чтобы по их образу и подобию построить шагающую машину, все эти поистине бесценные сведения оказались, что называется, под рукой. Но воспользоваться ими было совсем не просто.

Есть такая поговорка: конь о четырех ногах, да спотыкается. Вообще-то это вовсе не о конях, а о том, что всякий может сделать ошибку. Но и в самом прямом смысле поговорка верная: и при спокойной ходьбе лошадь через каждые три-четыре шага опирается всего на две ноги, расположенные с одной стороны. Такое положение неустойчиво. Для устойчивости, мы это знаем из школьной физики, необходимо, чтобы проекция центра тяжести тела не выходила за площадь опоры.

Машине спотыкаться никак нельзя — будет авария. Вот почему конструкторы с самого начала

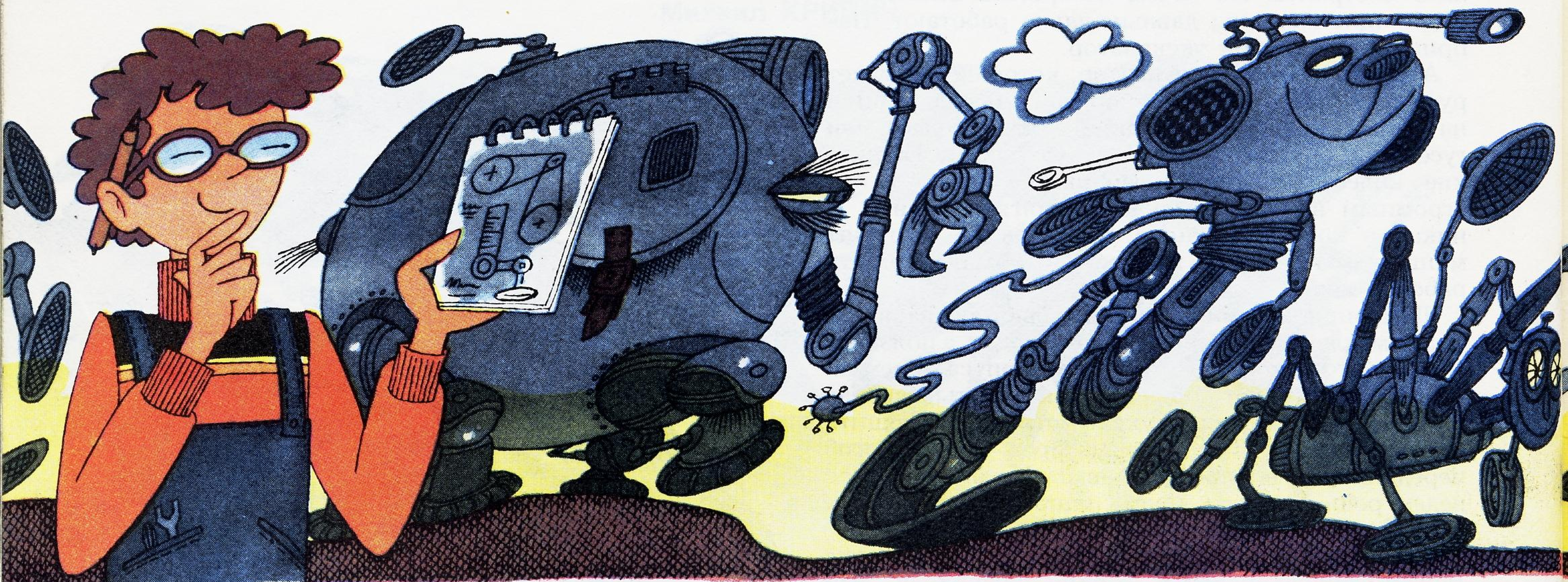
решили разрабатывать и строить неспотыкающуюся машину. У нее должно быть не две ноги, как у нас с вами, не четыре, как у лошади, собаки и слона, а целых шесть, как у жука или таракана. Почему шесть? Да потому, что походка у шестиногих самая устойчивая. У них всегда по меньшей мере три ноги опираются на землю: недаром так трудно бывает перевернуть на спинку жука, недаром фотоаппараты ставят на треножники.

Как будто главная задача решена. Конструкторы внимательно пригляделись к миру животных и выбрали в качестве образца жука. Дальше, как говорится, дело техники. Надо сконструировать тележку с мотором — бензиновым или электрическим — это для начала не так уж важно. Надо придумать приводы от мотора к лапам. Хитроумная наука механика решала задачи и посложнее.

рать обеими руками, обеими ногами, как цирковой жонглер-эквилибрист.

Мы шагаем по асфальту или по лесной тропинке, беседуем друг с другом, думаем о своем. Но никто из нас не подает себе — ни вслух, ни мысленно — таких команд: опереться на правую ногу, выставить вперед левую, перешагнуть через камень, и так далее. Мы просто выбираем нужную нам дорогу, и ноги сами собой следуют ей. Сами собой? Конечно, нет!

Тысячи «датчиков» нашего организма непрерывно собирают информацию об окружающем нас мире, сотни тысяч нервных волокон передают все эти сведения о дороге, о положении нашего тела, об усилиях в мышцах, о нагрузках — в «вычислительные машины» нервной системы, в мозг. «Машина» перерабатывает информацию и посылает команды мышцам. Вот такую бы автоматику механическому жуку!



Отчего устал водитель

Как говорится, сказано — сделано. Шестиногую машину построили. Водитель занял свое место, включил мотор, потянул за один рычаг, за другой — машина тронулась с места, поползла. Сначала ноги-лапы ритмично сгибались и разгибались, крепко упирались в землю, решительно переступали с места на место. Но прошло не больше минуты, как началось что-то непонятное. Ноги неожиданно сбились с ритма, стали со скрежетом сталкиваться друг с другом, заплетаться. Машина зашаталась и, как слепой котенок, неуверенно закружилась на месте. Наконец ее ноги окончательно запутались, она беспомощно накренилась и застыла.

Водитель выключил мотор и в изнеможении откинулся на спинку сиденья. Что произошло? И мотор, и приводы, и лапы — все работало исправно. Не выдержал человек, не справился с управлением опытный, хорошо подготовленный водитель-испытатель. Да и как он мог справиться, если ему надо было управлять шестью ногами машины, не забывая порядок их перестановки, то есть походку, и при этом еще следить за дорогой. И у обычного шофера работа не из легких. А водитель шестиногой машины вынужден был непрерывно переби-

А почему бы и нет? На шестиногую тележку, на которой уже стоят и двигатель, и водительское кресло, надо теперь поставить еще и небольшую электронную вычислительную машину — компьютер. И возложить на нее все, с чем не справлялся человек. А водитель? Пусть занимается своим делом: держит направление и скорость.

Легко сказать «пусть компьютер сделает и то, и это». Все перечисленные обязанности электронного «мозга» требуют огромного количества математических операций, и «мозг» поэтому требуется огромный — его никакая машина уже не увезет. Вот какой получается заколдованный круг. Есть ли выход из него?

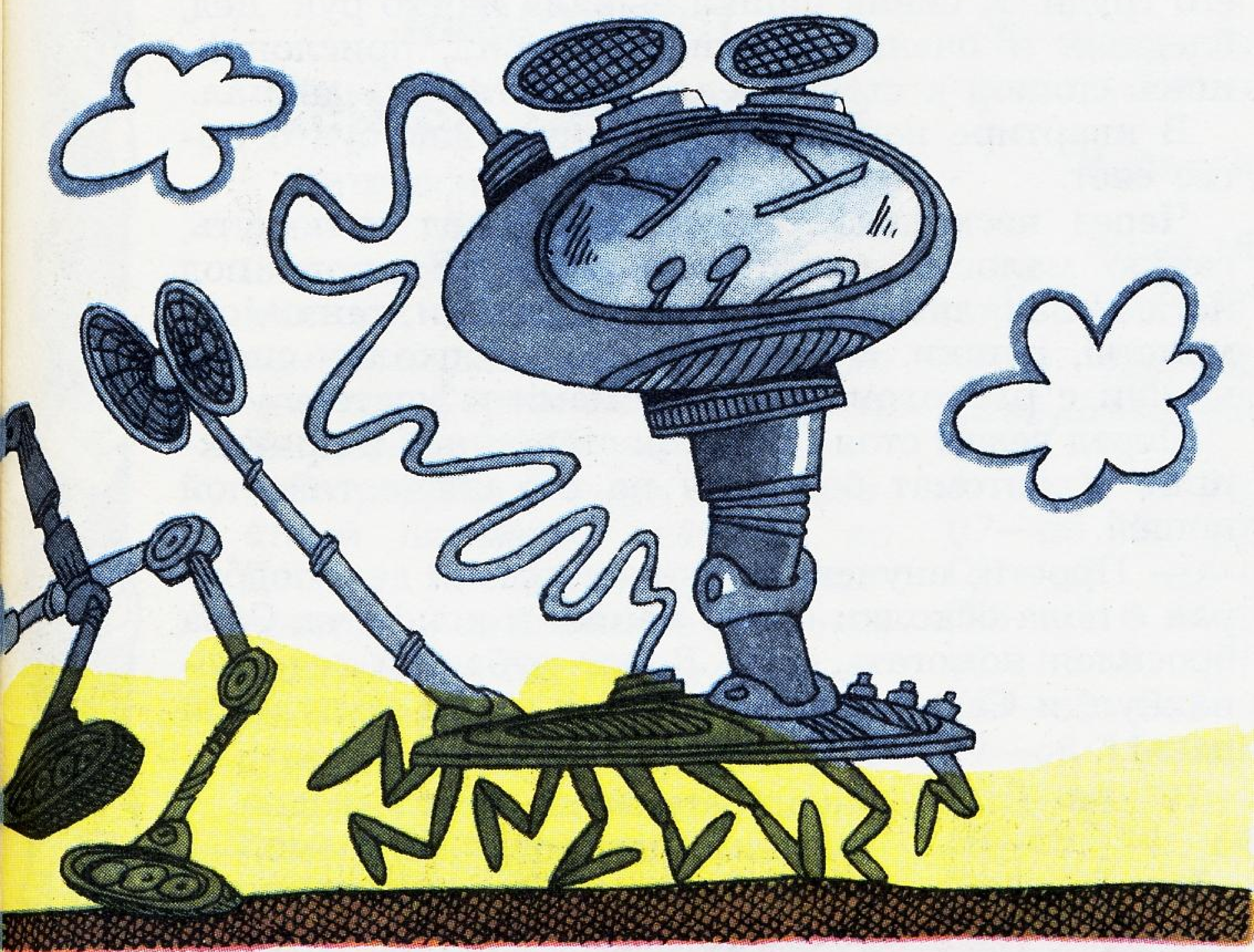
Есть. Надо хотя бы немного разгрузить электронный «мозг», не взваливать на него всю «умственную» работу. Например, совсем не обязательно, чтобы компьютер следил за давлением грунта на ноги. Для этого конструкторы предложили гидравлический привод. Вот что это такое. Каждая нога состоит из нескольких суставов-труб: внутри суставов машинное масло. Когда нога опускается на препятствие и давление на нее возрастает, последний сустав поднимается, как поршень в цилиндре. И нога укорачивается настолько, насколько нужно.

Сейчас в нашей стране и за рубежом разрабаты-

вают несколько моделей шестиногих ходоков — с двигателями и компьютерами на борту. Недавно в одном из авиационных журналов появилось такое сообщение: для работы на космических кораблях и на других планетах построен шестиногий робот, который ползает со скоростью 3 километра в час и преодолевает крутые подъемы. На испытаниях он забрался даже в кузов грузовика, а потом сам спустился на землю.

Хорошо ходит Шура

Шестиногие машины как бы скопированы с жуков и тараканов. Поэтому их называют инсектоморфными, проще говоря — насекомоподобными. Но так ли уж обязательно точно копировать природу? Тем более что скопировать ее абсолютно точно невозможно. Слишком сложна природа. Но дело не только в этом.



Кому доводилось ездить верхом, тот на всю жизнь запомнил тряску на рыси. Недаром всадник должен в такт бегу лошади подниматься и опускаться в стременах. Понятно, что тряске на рыси подражать совсем не стоит. А может быть, и не нужно повторять сложнейшие движения животных? Надо лишь взять главное — умение передвигать ноги и перешагивать через препятствия. И тогда шагающая машина станет проще. Такую машину и построили в Институте машиноведения. Один из ее создателей, Н. В. Умнов, назвал ее «механической лошадью». С рассказа об этой машине мы и начали наш разговор.

Все просто. Каждая нога может ходить вперед-назад и вверх-вниз. Вот она поднялась до предела, до предела продвинулась вперед и опустилась, тоже до предела — до земли. Все ноги могут перешагнуть таким образом препятствие выше сорока сантиметров — три с половиной кирпича высотой.

За походкой следят автоматические реле. Так что у водителя забот не очень много: выбор направления и скорости.

Кажется, что машина ползет довольно неуклюже. Но она развивает скорость пешехода. И идет при этом исключительно ровно. За это в лаборатории ее величают ровноходом. А строгое ее техническое название: Шагающее Устройство — Релейный Автомат, поэтому иногда ее ласково называют Шурой.

Почему же шагающие машины, которые так нужны, шагают пока что только по лабораториям и лишь изредка выползают на испытательные прогулки в поле? Потому что осталась еще масса нерешенных задач.

Куда доскачет нога?

Шагающие машины должны проходить по болотам, по грязи, по талому снегу, по глубокому песку. Как сделать, чтобы железные ноги не увязали? Может быть, опять стоит оглянуться по сторонам и поискать готовое решение? Ну, например, у слона — прекрасного ходока по грязи и болотам. Под тяжестью огромного тела мышцы стопы, толстая подошвенная мозоль и копыто сжимаются и будто расплываются по поверхности, как старый, разношенный валенок. При этом площадь опоры увеличивается и слон глубоко в грязь не проваливается. Когда же слоновья нога отрывается от земли и разгружается, она «худеет», приобретает свою обычную форму и при этом сбрасывает налипшую грязь. Вот это конструкция!

А сколько других задач — сложных, неожиданных, прежде никогда не встречавшихся изобретателям! Неудивительно — ведь шагающими машинами никому прежде заниматься не приходилось. А раз так, то наверняка должны быть какие-то совершенно неожиданные решения. Надо их только поискать.

А что если взять за образец не жука, не таракана, не паука, а кенгуру или зайца?

Невероятная идея. Но вот уже прыгает по полу одной лаборатории смешная шустрая одноногая машинка. Прыгает на одной ноге и не падает, не спотыкается, потому что датчики все время измеряют нагрузку на единственную ступню, определяют положение корпуса, а маленький компьютер следит за равновесием. Вот машинка-нога подскакивает к препятствию, подобно легкоатлету-прыгуну, подгадывает шаг, чтобы вовремя оттолкнуться. Вот уже за шаг до барьера компьютер командует ноге собраться, напрячься что есть мочи. Пружины и сжатый воздух подбрасывают машинку вверх, и нога, чтобы не задеть препятствие, втягивается, поджимается. Высота взята, нога снова удлинилась и пружинисто коснулась пола. Машинка скачет себе дальше.

Может быть, прыгающая нога останется забавной лабораторной игрушкой, а может быть, поможет ученым глубже понять секреты равновесия: почему мы, двуногие, все-таки спотыкаемся нечасто? А может быть, наблюдения за машинкой-ногой позволят ученым и конструкторам создать машину-зайца, машину-кенгуру. Может быть, удастся построить и автомобиль-лошадь, который сможет и ходить, и бегать — рысью, галопом, карьером, — и прыгать через барьеры, и даже выполнять сложные элементы высшей школы верховой езды — всякие там пассажи и пиаффе.

Трудно сказать, куда доскачет прыгающая нога. Все впереди. Ведь машины только учатся ползать, ходить и прыгать.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Творческая биография Роберта Завеновича Баблояна, которому исполнилось 50 лет, связана с пионерской организацией. Он выступал в детских изданиях Армении, «Пионерской правде», «Юном натуралисте», в пионерских журналах союзных республик. Семь лет Р. Баблоян проработал в «Пионере», где печатались его рассказы и очерки. Одну из своих книг, «Дом в ладонях», он посвятил нашему журналу. Редакция «Пионера» поздравляет юбиляра и желает ему новых творческих удач.

Роберт БАБЛОЯН

ОСКОЛКИ СИНЕЙ ЧАШКИ

День рождения Савы в этом году пришелся на воскресенье, и его не надо было переносить. Сава хорошие дела не любил откладывать. Другое — поход к зубному врачу: это можно отложить и на завтра, и на послезавтра... да и на следующий год!

— Мама, а ты дедушку Павла позвала? — спросил Сава.

— Позвала, позвала, ты лучше пойди уберись в своей комнате,— ответила мама.

Сава быстро заправил свою постель, накрыл ее шелковой накидкой и занялся игрушками. На полу их было «целое море». Юлу, гуттаперчевого ослика, Буратино, красного коня он положил в большую коробку и затолкал ее под кровать. А свои «вооруженные силы» выстроил в боевой порядок. Впереди — танки, за ними — артиллерия и ракеты, чуть дальше — пехота: зеленые солдатики. И рядом — кони. Потом Сава занялся автоматом, который утром подарила ему мама. Он стрелял как настоящий: громко, и дуло извергало красный огонь. «Спрячу-ка я его за дверью,— решил Сава,— и когда войдет дед Павел...»

Дед Павел с бабушкой Клавой жили в новом районе, где универмагов не было. К тому же был выходной день, и за подарком внуку пришлось идти в продовольственный магазин. В будничный день дед, конечно, тут же съездил бы в «Детский мир» и купил Саве санки — «готовь сани летом». Или прогулялся бы до «Дома игрушек» — купил заводного Чиполлино! Но теперь, в воскресенье, об этом поздно было думать. И дед Павел зашел в кондитерскую. «Может, купить шоколадный торт? — подумал он.— Но, дочка наверняка испекла для праздника домашний пирог с яблочным вареньем. Может, купить сушки? Целую связку сушек?.. Но она напоминает патронташ, который носили моряки...» И вдруг видит дед: в «чайном отделе» на полках стоят красивые чашки — синие, зеленые, белые. Они наполнены конфетами и завязаны красивыми шелковыми бантами.

— Доченька, покажите, пожалуйста, вон ту, зеленую.

Продавщица подала деду зеленую чашку. Дед покрутил ее в руках, посмотрел на яркие цветы и вернул обратно.

— Спасибо, но у меня не внучка, а внук, Савелий. Ему, пожалуй, больше понравится синяя. На ней, кажется, нарисованы дом и мост какой-то?..

Продавщица сняла с полки синюю чашку...

Прежде чем нажать кнопку в квартиру дочери и внука, дед Павел осторожно переложил подарок в левую руку, выпрямился и приготовился к торжественному приветствию.

Вопреки его ожиданиям дверь открыл не внук, а дочка.

— Здравствуй,— сказал дед.— Поздравляю тебя. А где же наш именинник? Са-ва, где ты?

И вдруг:

— Та-та-та-та-та!!!

В ушах зазвучала автоматная очередь. Шквал огня обрушился на старого солдата. Дед Павел вздрогнул, покачнулся. Боевые ордена зазвенели на его груди. И синяя чашка выпала из его рук. Дед, бледный и очень старенький, стоял, прислонившись спиной к стене, медленно и тяжело дышал. В квартире воцарилась тишина, как будто погас свет.

Через несколько секунд дед Павел чуть-чуть, самую малость, приоткрыл глаза. На полу под ногами валялись оловянные солдатики, танки, самолеты, пушки, а рядом с ними — осколки синей чашки с расколовшимися домами и мостом.

Перед дедом стоял Сава, растерянный и притихший. И автомат болтался на его плече тяжелой ношей.

— Прости, внучек,— наконец сказал дед, подбирая с пола осколки синей чашки и конфеты. Сава бросился помогать деду. Ворот рубашки дед распахнул, и Сава увидел глубокий шрам от пулевой раны...





Мемориал Сергея Белавенца

Интересное соревнование провел Дворец пионеров и школьников Бауманского района Москвы. Оно было посвящено памяти выдающегося советского мастера Сергея Всеволодовича Белавенца (1910—1941 гг.).

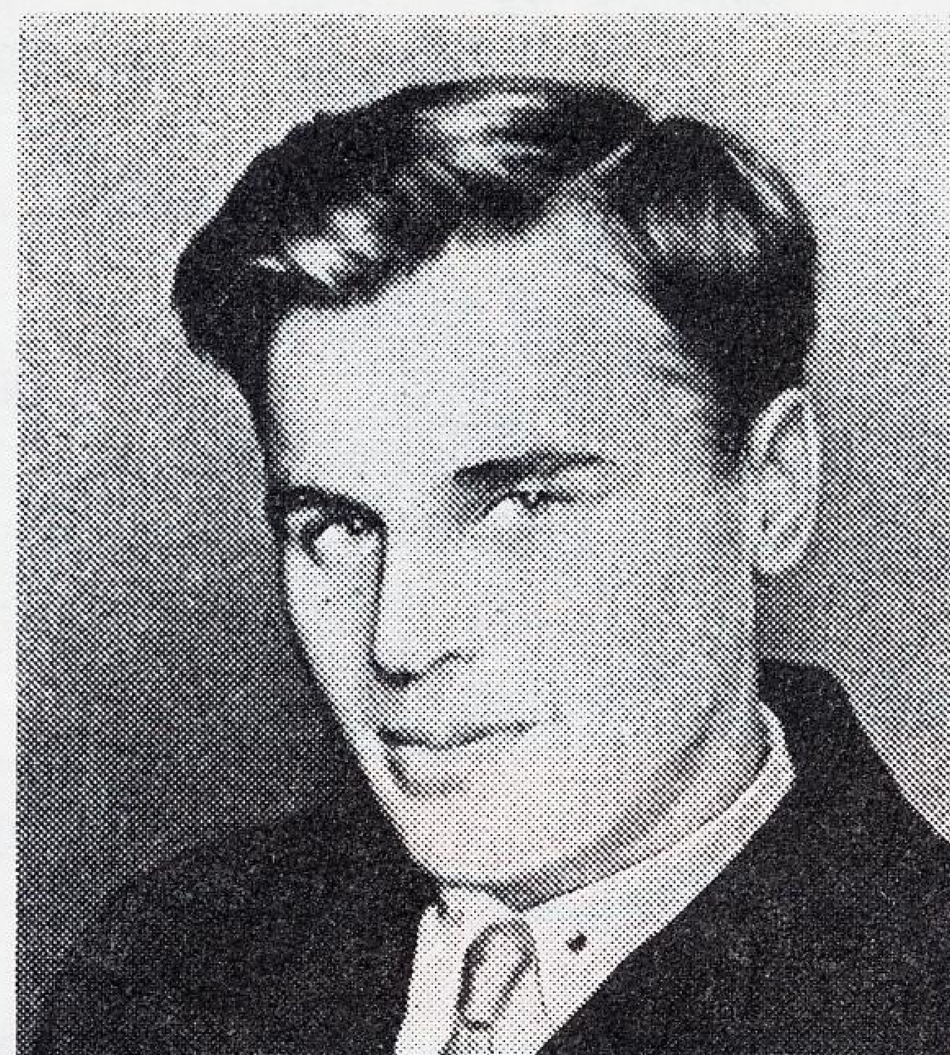
В тридцатых годах этот известный шахматист работал во Дворце пионеров, учил московских школьников тайнам стратегии и тактики мудрой игры. Началась Великая Отечественная война, и Сергей Всеволодович ушел защищать Родину. Командуя подразделением минометчиков, Белавенец погиб смертью храбрых в одном из ожесточенных боев на Калининском фронте.

Памятный приз имени Белавенца оспаривали 16 пионерских команд из различных районов столицы, подмосковных городов Загорска, Фрязино, Химок.

Заслуженную победу одержала дружная команда шахматного клуба Стадиона юных пионеров города Москвы. Тренером этой команды является дочь С. Белавенца международный мастер Л. Белавенец.

На соревновании было сыграно много красивых, хорошо проведенных партий. За лучшие личные результаты судейская коллегия наградила почетными грамотами Женю Ткачева (Бабушкинский район), Андрея Абрамкина (Стадион юных пионеров), Андрея Лагутина (Тимирязевский район) и ряд других мальчиков.

Среди девочек отличилась Настя Сулицкая (г. Химки), одержавшая семь побед в семи проведенных встречах.



Сергей Всеволодович Белавенец (1910—1941 гг.).

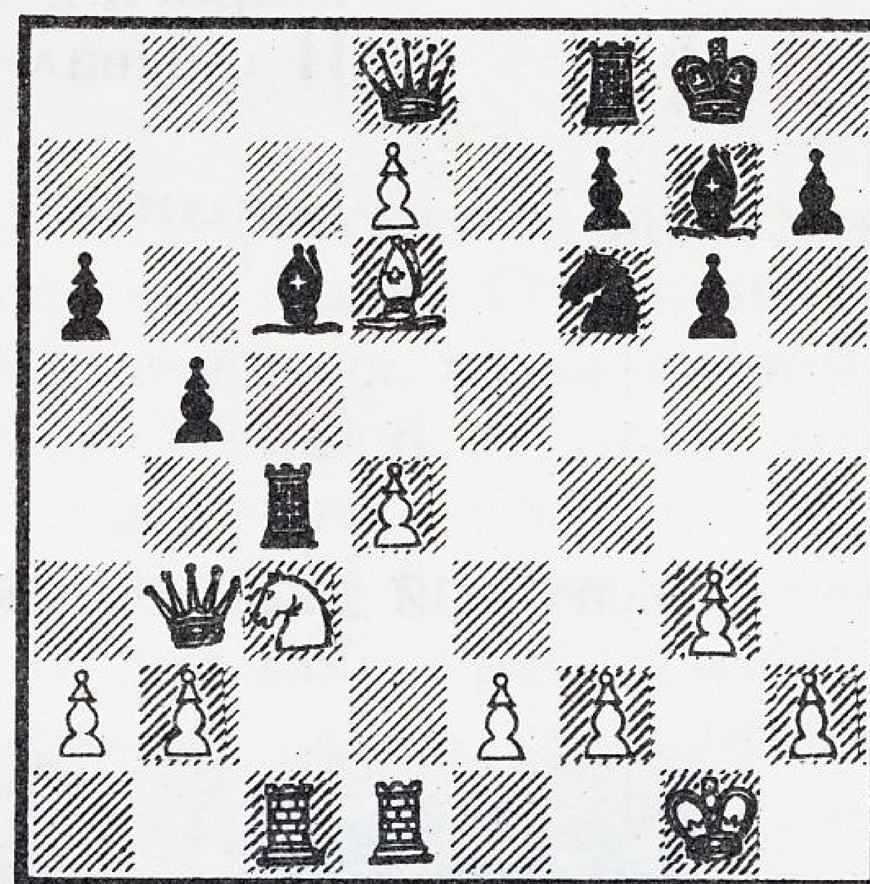
Приводим два примера творчества участников мемориала.

Индийская защита

Женя ЧЕРНЯКОВ
(Стадион юных пионеров)

Коля БАКУШИН
(Бабушкинский Дом пионеров)

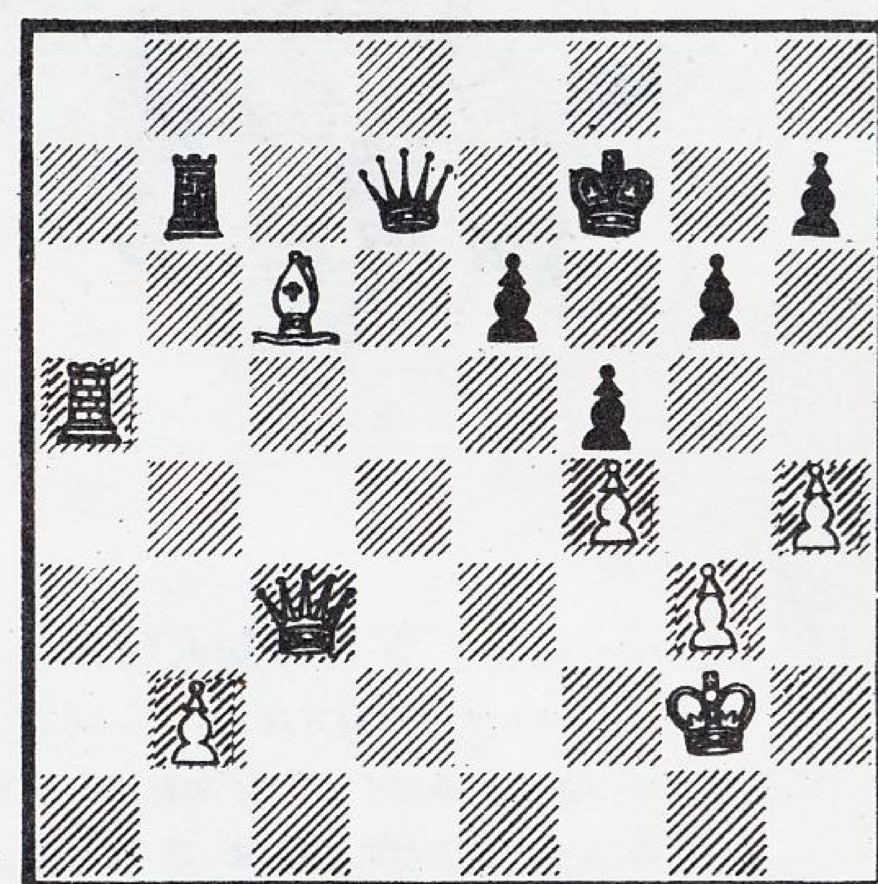
1. Kg1—f3 Kg8—f6 2. c2—c4 g7—g6 3. g2—g3 c7—c6 4. Cf1—g2 d7—d5 5. d2—d4 Cf8—g7 6. 0—0 0—0 7. Kb1—c3 b7—b6 8. Cc1—f4 Kb8—d7 9. Kf3—e5 Cc8—b7 10. Фd1—b3 e7—e6 11. Лa1—c1 Лa8—c8 12. Фb3—a4 a7—a6 13. Лf1—d1 c6—c5 14. c4:d5 b6—b5 15. Фa4—b3 c5—c4 16. Ke5:c4 Лc8:c4 17. d5:e6 Cb7:g2 18. e6:d7 Cg2—c6 19. Cf4—d6.



19. ... Фd8:d7 20. Cd6:f8 Фd7—h3 21. e2—e4 Kf6—g4 22. Лc1—c2 Kg4:h2 23. Лd1—d3 Лc4:d4 24. Kc3—d5 Kh2—f3+ 25. Лd3:f3 Лd4—d1. Мат.

Первое задание нашей пионерской шахматной школы. Надо составить примечания к этой поучительной партии. Найти ошибки, которые привели к поражению Колю Бакушина, указать, как следовало ему играть.

Правильное выполнение этого задания даст вам, ребята, высокую оценку — 5 очков. Как обычно, ответы надо отсылать не позднее чем через месяц после получения журнала.



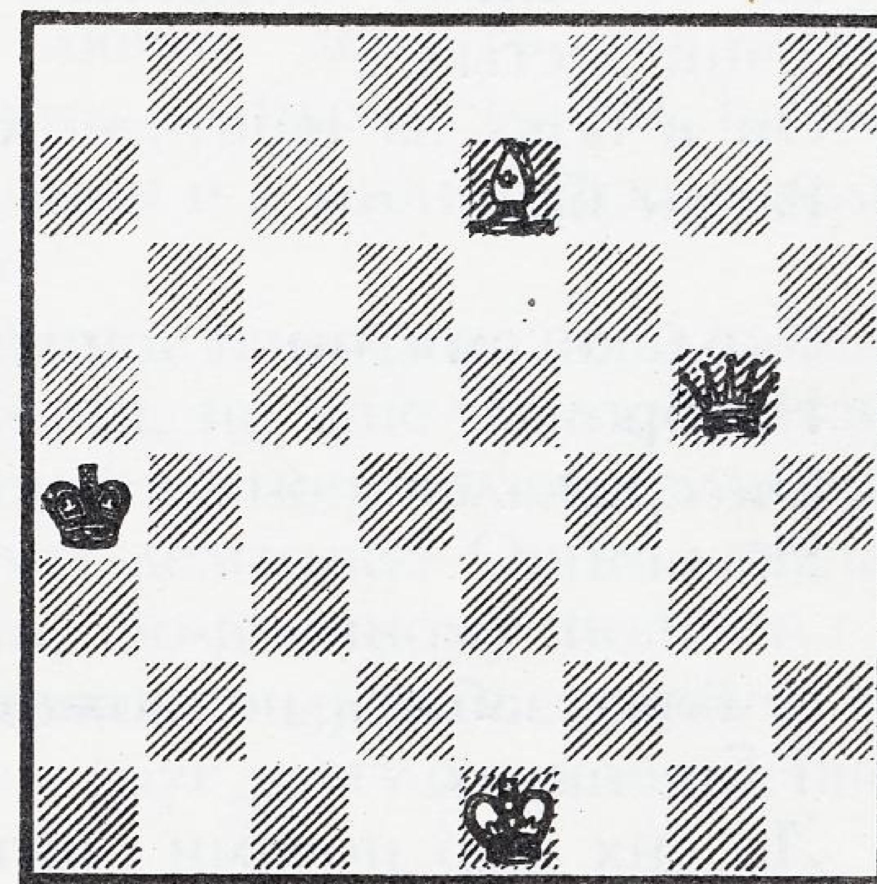
А к этому положению пришла партия, в которой сражались Антон Семливановский (Стадион юных пионеров) и Андрей Лагутин (Дом пионеров Тимирязевского района).

Казалось бы, дела белых неплохи, но Андрей смелой атакой опроверг замысел противника.

Далее было: 45. ... Лb7:b2+! 46. Фc3:b2 Фd7:c6+ 47. Kpg2—f2 Лd1—f1+! 48. Kpf2:f1 Фc6—h1+. Черные выигрывают теперь ферзя, и через несколько ходов белые сдались.

Пионерская шахматная школа

В задания нашей школы включена и следующая старинная задача, которой от роду почти сто лет.



3 очка каждый из вас сможет получить, если найдет, как белые, начиная игру, дают мат в три хода.



Светлана КЛИМЕНКО написала эти стихи в 6-м классе. Сейчас она семиклассница. Живет Светлана в Сибири, в городе Надым Тюменской области.

Первое мая

Праздник дружбы,
Праздник света
Наша празднует страна.
В этот день шумит планета,
Мира требует она.
Нет — войне!
И бомбе — нет!
Пусть зажжется яркий свет!
Пусть всегда на всей планете
Будут счастливы все дети!
Люди не хотят войны!
Людям бомбы не нужны!



Стихи Ивана БАРДИНА из города Новокуйбышевска.

Танк-герой

На бетонном пьедестале
Танк застыл.
Он в боях за нашу землю
Ранен был.

Сколько вмятин и царапин
На броне!
Он сражался по-геройски
На войне.

О боях забыть не может
Танк никак.
До сих пор ночами снится
Шум атак.

Я ладошкою поглажу
По броне.
Пусть немножко он забудет
О войне.

Заре ПОГОСЯН 14 лет. Живет она в Ереване, учится в 8-м классе.

У окна

Посвящается фильму «Белорусский вокзал».

Я стою у окна,
Дождь моросит,
Сердце бьется
Сильно в груди.
По щеке у меня
Течет слеза
Согревает меня, как у костра.
Я стою и дрожу,
Я реву и кричу,
Я не знаю, что делать,
как быть?

Дождь моросит,
А я у окна
И не знаю, как дальше
мне быть.

А в ушах у меня
Звон мелодий войны,
И слова заставляют дрожать,
И песня меня заставляет кричать,
Но душою кричать,
не орать.

Я стою у окна,
Дождь моросит,
А слеза греет меня.
Я дрожу по-прежнему,
И не надо огня —
Я боюсь вечно
Слышать звон мелодий войны
И хочу, чтоб дождь
Моросил, моросил.
И смывал с земли все
капли слез,
Пролитые мною и всеми
людьми.



«МОРСКОЙ ДЕСАНТ». *Петя Гусев, 10 лет.*



Денис КОТЕЛЬНИКОВ, 14 лет.

Должен каждый гражданин

Когда-то в армии служить
И нам придет пора.
Мы по-другому станем жить,
Закончится игра.

Кто будет танком управлять,
А кто ходить пешком,
Кто будет по небу летать,
А кто-то — моряком.

Но должен каждый гражданин —
Коль час придет такой —
И весь народ наш, как один,
Стальною встать стеной

Перед захватчиком-врагом
И должен отстоять
Свою страну — родной свой дом,
Детей, сестер и мать.



«Живу в городе Москве. Кроме обычной школы, уже несколько лет хожу в детскую спортивную школу, занимаюсь классической борьбой. В свободное время люблю читать. Из поэтов XIX века люблю Жуковского, Лермонтова, Пушкина. Из более современных — Есенина. Вот, пожалуй, и все, что могу рассказать о себе». Сережа СОКОЛОВ, ученик 5-го класса школы № 799.

Одуванчик

Тоненькому мальчику
В шапке золотой
Не скакать вприпрыжку
В зелени густой.
Мать-земля не хочет
Сына отпустить
По траве попрыгать,
Друга навестить.
Но пора настала:
Время не стоит!
Мальчик-одуванчик
Смело ввысь летит!
Над землей несется
Нежное «прости»,
Мать-земля вздохнула:
«Доброго пути!»



«ПРАЗДНИЧНЫЙ САЛЮТ». *Рисунок Лены Куриленко, 6 лет.*



Вахтанг БАТАШВИЛИ. Село Курья, Алтайский край.

Мой дедушка

Я хочу рассказать вам о моем дедушке, которого очень люблю. Зовут его Арчил Отарович Баташвили. Он живет в Тбилиси. И сойдя с поезда, я с огромной радостью еду в Варазисхеви — это район Тбилиси. Я знаю, что увижу моего дедушку, увижу его веселые глаза, усы, за которые любил дергать, когда был маленький. И конечно, услышу много разных историй. Больше всего дед любит рассказывать о Грузии и о милицейских делах. Очень он любит свою профессию.

Еще мой дедушка любит петь. Он поет песни о своей земле, о своем городе. Любит и русские песни, но еще больше грузинские — «Надури», «Дилео». Дед отлично играет на саламури.

А видели вы, как мой дед танцует лезгинку? Он не уступает двадцатилетнему джигиту. Строен, по-военному подтянут. У дедушки есть сад, где летом собираются друзья, родные. Все вместе мы поем песни, рассказываем друг другу о жизни. В такие дни мне очень радостно.

Мой дед и бабушка — гостеприимные люди. Они рады гостю, будь он грузин, русский, украинец, маленький или большой. Всегда угостят спелым виноградом, грушами и ароматным грузинским чаем.

Приезжайте к моему деду и убедитесь сами. Он будет очень рад! Мшвидоба, до свидания, друзья!



Раздел ведет В. НИКИТИНА.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Где мы были, что мы видели

ВЕЛИКАН-АТОМОХОД

Великан-атомоход
Грудью падает на лед.
Дует ветер фордевинд,
Крошит лед могучий винт.
И открытая вода
Оттесняет кромку льда.
Великан-атомоход
За собой суда ведет.

Александр СУХАНОВ

Мы застыли, потрясенные. Хотя заранее были готовы увидеть не просто корабль, а корабль-гигант. Атомный ледокол «Сибирь» стоял в сухом доке на ремонте. Огромный корабль был вытащен из воды и виден сразу весь, от киля до клотика. Носовая часть судна горой нависала над нами, выше в небе парил многоярусный дом надстроек, и уж совсем в голубую высь уходили мачты и антенны. Чтобы подняться на борт атомохода, нам пришлось войти в лифт, сделанный в стене дока, и нажать кнопку одиннадцатого этажа.

«Сибирь» — один из самых больших ледоколов в мире. Размеры его примерно с футбольный стадион. Весит эта махина 23 тысячи тонн. А движется она благодаря могучему атомному двигателю быстро, скорость ее 21 узел, то есть до 40 километров в час.

Но главная особенность атомохода, конечно, не в размерах и не в скорости. «Сибирь» — ледокол, и, значит, главное его дело — колоть лед и проводить за собой другие суда.

Большинство морей, окружающих нашу страну, зимой замерзает. А Северный Ледовитый океан покрыт льдом круглый год. Но северные и восточные края нашей Родины таят огромные богатства: руду, алмазы, лес, пушнину. Добывают их тысячи людей. В порты, расположенные вдоль побережья от Мурманска до Берингова пролива, приходят корабли с продовольствием, одеждой, машинами, а уходят оттуда, груженные богатствами Севера. И этим судам надо проложить путь среди льдов.

Только непосвященный может думать, что лед в море везде одинаков. На самом деле он очень разный. Там, где вода летом полностью освобождается ото льда, например, в Баренцевом море, или очищается хотя бы в прибрежной зоне, как в море Лаптевых или в Карском море, ледовый покров успевает за зиму дорасти метров до полутора в толщину. Такой однолетний лед самый легкий для ледоколов.

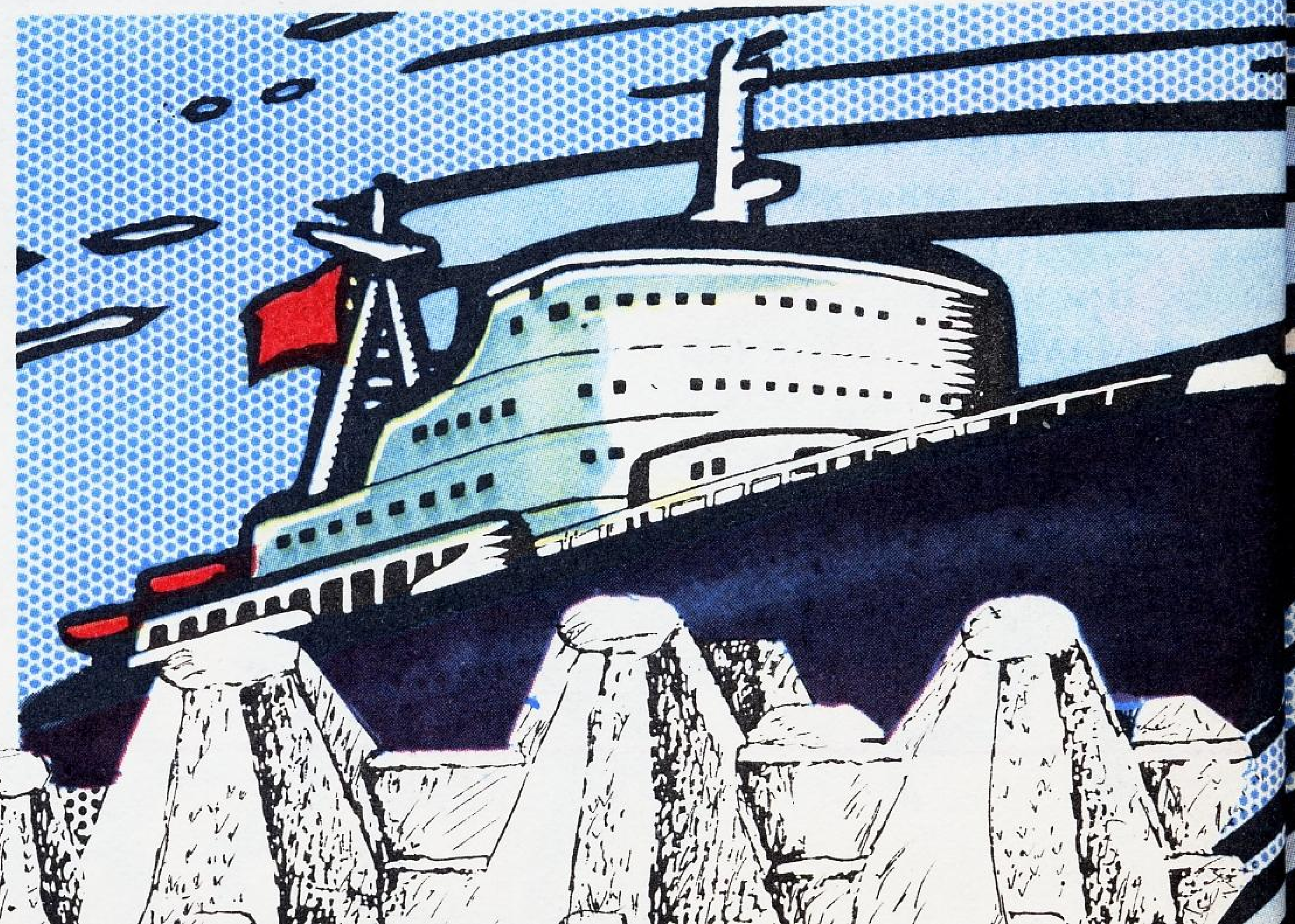
А вот в Восточно-Сибирском море ледяной панцирь за лето до конца растаять не успевает. С каждым годом толщина его все прибывает и доходит порой до четырех-пяти метров. Это противник уже серьезней.

Когда в Арктике бушуют ураганные ветры, то льдины, перемещаясь, сталкиваются, налезают на скалы у островов и берегов. При этом лед ломается, обломки громоздятся друг на друга, встают на ребро. Когда ветер затихает и ударяет мороз, все это хаотическое нагромождение льдин смерзается, и возникает торосистый лед неравномерной толщины — местами до 15 метров. Такая преграда практически непреодолима для ледоколов.

Первый в мире ледокол, способный плавать во льдах Ледовитого океана, был построен в России в 1899 году. Он назывался «Ермак». В 1932 году ледокольному пароходу «Сибирякову» впервые удалось пройти весь Северный морской путь за одно лето. С тех пор суда стали плавать по этому маршруту регулярно. Но навигация была короткой — всего несколько теплых месяцев, когда лед у берегов тонкий. А потом наступали холода, и на пути судов вставали непреодолимые ледовые поля.

В 1959 году вышел в плавание первый в мире атомный ледокол «Ленин». Его могучая машина мощностью в 44 тысячи лошадиных сил позволила справляться со льдом и весной, и осенью. И все-таки, когда северный ветер пригонял к берегу многолетние льды, навигация прекращалась.

Для борьбы с такими льдами были построены богатыри-атомоходы «Леонид Брежнев» и «Сибирь».



Мощность каждого — по 75 тысяч лошадиных сил. С их появлением навигация в Арктике стала возможной практически круглый год.

Говорить, что ледокол колет лед, не совсем точно. На самом деле он его давит. Вот как это происходит. Корабль разгоняется в чистой воде и на полном ходу вползает носом на кромку льда. Для этого его днищу в носовой части придана пологая форма. Когда тысячетонная махина выдвигается достаточно далеко на лед, тот не выдерживает чудовищной тяжести и ломается. Корабль плюхается в воду, дает задний ход, отходит метров на 300 назад и, разогнавшись, опять обрушивается на белую преграду.

Но лед, даже и сломанный, остается опасным противником. Обломки его скользят вдоль днища и бортов судна, сдирают краску, пытаются продырявить корпус. Следы таких атак явственно читались на обшивке ледокола «Сибирь», стоявшего в мурманском доке.

Изнутри атомоход показался нам еще больше, чем снаружи. Мы ходили по бесконечным коридорам, будто гуляли по улицам большого города. Спускались с этажа на этаж, как в чреве небоскреба. В этом городе для моряков есть все: клуб, библиотека, кинотеатр, даже плавательный бассейн.

Мы побывали в рулевой рубке, на самом верхнем этаже ледового «небоскреба». Рубка — небольшой зал со сплошными окнами вдоль стен. Окна наклонены вниз, чтобы удобнее было следить за поведением льда. А часть окон обращена назад, что кажется поначалу необычным. Но тут же вспоминаешь, что ледокол ведет за собой другой корабль, а то и караван судов. Задние окна как раз и нужны, чтобы наблюдать за ними.

Наконец, мы спускаемся к источнику исполинской мощи ледокола. Глубоко внизу, у самого днища корабля, размещено атомное сердце гиганта — ядерные реакторы. На «Сибири» их два. В каждом реакторе запасено особое горючее — уран. В ядрах этого вещества заключена колоссальная энергия. В одном грамме урана ее столько же, сколько в двух тысячах литров бензина. Вот почему, загрузив однажды урановые реакторы, ледокол может плавать без дозаправки два-три года.

Энергия выделяется из урана при распаде его ядер. Этот процесс подчинен строгому контролю, течет медленно и спокойно, без взрывов. Автоматы следят за скоростью распада ядерного горючего, тщательно контролируют выделение атомной энергии.

Сами атомные реакторы мы увидели через толстое смотровое стекло. Выглядят они на удивление скромно. Это цилиндры диаметром всего несколько метров. Внутри них находятся запаянные трубки с ураном. Трубки сделаны из нержавеющей стали. Выделяющаяся ядерная энергия раскаляет трубки докрасна, трубки омываются водой, вода от нагрева превращается в пар. Пар вращает турбину, турбина — электрогенератор. Электроэнергия приводит в движение атомоход...

В реакторном зале нет людей. При работе реактора возникает мощное излучение. Поэтому следят за работой реактора автоматы. Отсек с реактором надежно изолирован от других помещений. Реактор со всех сторон окружен слоем воды, которая не пропускает радиоактивное излучение. Воды этой много, целых 3 тысячи тонн. Защита надежная.

Первые годы работы атомных ледоколов-гигантов создали впечатление, что Арктика наконец-то сдалась человеку и его могучей технике. Чувство торжества усилилось, когда ледокол «Леонид Брежнев» совершил в 1977 году знаменитый поход к Северному полюсу, а «Сибирь» провела караван судов через Айонский ледовый массив, который раньше считался непроходимым.

Но осень 1983 года показала, что природа только затаила грозную силу. В том году северный ветер пригнал к побережью Чукотки многолетний лед толщиной четыре-пять метров. В тисках ледового плена оказались 35 кораблей. И хотя среди них было несколько ледоколов средней мощности, справиться с такими льдами они не могли. Не выдержав давления сжимающихся льдов, один корабль, «Нина Сагайдак», затонул. Экипаж сняли на другие суда, но и тем угрожала опасность. Тогда-то и поспели на помощь атомоходы-богатыри «Сибирь» и «Леонид Брежнев».

При первом же столкновении со льдом «Сибирь» положило на бок, да так, что выплеснулась вода из плавательного бассейна. Ледокол будто врезался в бетонную стенку, так крепок был лед. Но корабль выпрямился, отступил немного и снова пошел на приступ. И стихия поддалась. С пушечным гулом раскололся ледяной массив. Снова и снова шли на штурм ледяных торосов атомоходы. Лед повредил лопасти у «Леонида Брежнева», ледоколу пришлось отступить для ремонта. «Сибирь» продолжала сражение. Один за другим все корабли были освобождены из ледяного плена.

Мы видели «Сибирь» в доке на ремонте. Был разгар лета, и с подтаявшим льдом могли справиться и менее мощные ледоколы. Чудо-богатырь готовился прийти к ним на помощь позднее, когда ледовая обстановка станет особенно сложной.

Г. ВОРОНОВ, В. ЧЕРНИКОВА

Знаешь?

Солнце светит ярче, когда на нем меньше пятен.

* * *

В межзвездном пространстве обнаружены молекулы 60 веществ.

* * *

Из-за падения комет на Земле образовалось около 90 кратеров.

кто что изобрел

МАЗЬ, СПАСАВШАЯ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ

На войне гибли не только от пуль или мин. Солдаты, случалось, замерзали в снегу, выбирались, обожженные, из горящих танков... Сейчас, когда страна празднует сорокалетие Победы, стоит вспомнить подвиги не только тех, кто бился на фронтах. Разве можно забыть о людях, которые лечили раненых, спасали обгоревших и обмороженных, о тех, кто в тяжелых военных условиях изобретал новые лекарства, налаживал их производство?

Одним из таких изобретателей был Михаил Федорович Шостаковский — химик, чье имя известно многим людям, понятия не имеющим о его профессии. Спросите у старших: слышали они про знаменитый бальзам Шостаковского? Почти наверняка слышали.

Замечательное лекарство было сделано очень быстро. Осенью 1941 года к ученым, эвакуированным из столицы в Казань, обратились с просьбой помочь Красной Армии лечебными средствами. Лаборатория, которой руководил Шостаковский, занималась вовсе не лекарствами, а полимерами, которые добавляют к смазочным маслам, чтобы сделать их более устойчивыми. Что общего между смазкой и медициной? Всякий скажет — ничего. Но не зря химики слывут искусниками, способными сделать любую вещь на свете...

Михаил Федорович, человек очень наблюдательный, припомнил, что некоторые жидкие полимеры, с которыми он работал, напоминают перуанский бальзам, старинную целебную мазь, добываемую из смолы южноамериканских деревьев.

Испытания начались немедленно. Химики готовили порции полимеров с разными по размеру молекулами (это делалось в комнате, где испокон веку ставили учебные опыты студенты старинного Казанского университета), а едва порция была готова — передавали ее на испытание физиологам, работавшим там же, в университете. А те проверяли действие вещества на животных.

Сразу же выяснилась важная подробность: поли-

Самый-самый!

Легендарное оружие

«Постановили: выступление товарища «Максима» одобрить...» Вы сразу узнали? Это не о человеке, о пулемете, про который столько раз слышали, читали, столько видели его на киноэкране. Помните, Чапаев яростно показывает верному адъютанту Петьке, откуда накатывает враг, а Петька припадает к прицелу «Максима»?

Век этого оружия был на редкость долог. В 1887 году пулемет впервые появился в русской армии. Тогда он мало походил на того «Максима», который мы привыкли видеть: высокий лафет, большие колеса, которые подошли бы даже пушке... Лишь в 1908 году русские инженеры преобразили его, сделали легким, приземистым, удобным в бою и походе.

Голос «Максима» раздавался с броневиков Октября и с буденновских тачанок, на дальневосточных сопках и в песках Туркестана, он озвучивал страницы сражений Великой Отечествен-

мер совершенно не ядовит, его можно испытывать без опаски. А очень скоро химики услышали и другую, еще более радостную новость: одна из разновидностей испытываемого препарата, если ею помазать ожог, резко ускоряет заживление. То есть действует как бальзам.

Рядом с университетом помещался госпиталь, где лечили доставленных с фронта бойцов. Среди них было много обожженных. Новое лекарство пошло в ход немедленно и оказалось чудодейственным. Под повязкой с искусственным бальзамом рана зарастала быстро, инфекция в ней не заводилась, а сама повязка не прилипала и снималась легко, не повреждая свежую, только что выросшую кожу. И раненые, и врачи от души благодарили химиков, а те готовили все новые порции лекарства.

Давалось это нелегко. Мономер — вещество с небольшими молекулами, из которых «выращивались» длинные молекулы полимера,— изготовлялся на заводе, расположенном в другом городе. Чтобы доставить нужное вещество в Казань, приходилось ездить с бидонами на пассажирском поезде. Поезда военного времени ходили не скоро — случалось, ученый с нелегким грузом добирался несколько суток, пересаживаясь из эшелона в эшелон, перетаскивая драгоценный бидон в рюкзаке.

Промышленное производство бальзама, широко применявшегося и в полевых, и в тыловых госпиталях, началось лишь в самом конце войны. А до того все его запасы, с помощью которых были спасены тысячи солдат и офицеров, химики вырабатывали своими руками, в лабораторных колбах. Да притом еще занимались разработкой следующего изобретения Шостаковского — полимера, который позднее стал применяться при хирургических операциях в качестве заменителя крови.

Михаил Федорович Шостаковский, лауреат Государственной премии СССР, член-корреспондент Академии наук, скончался, не дожив до 80-летия, которое будет отмечаться в июне этого года. Его изобретение, сделанное так быстро и вроде бы благодаря счастливой случайности, оказалось на удивление долговечным. Современное лекарство служит десяток-другой лет, а там, глядишь, изобретают новое, более удачное. А бальзам Шостаковского остается непревзойденным уже более четырех десятилетий. На его основе делают все новые мази, пасты, аэрозоли. И вывозят эти средства во многие страны мира.

П. САВКО

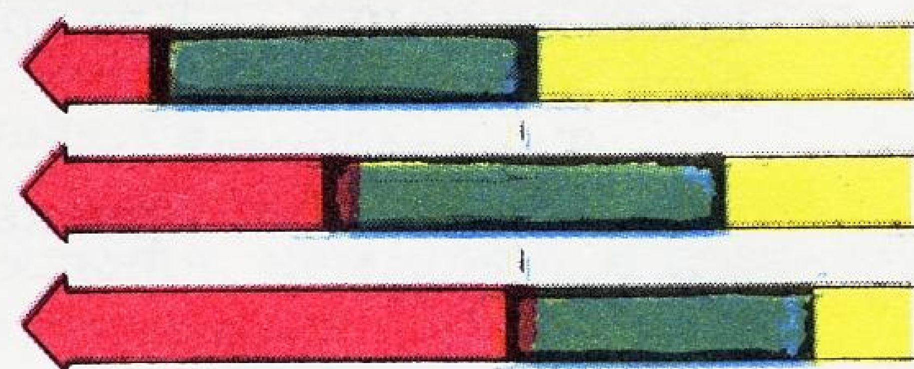
ной войны. «Максим» вошел в историю отечественного оружия как легендарный ветеран и долгожитель.

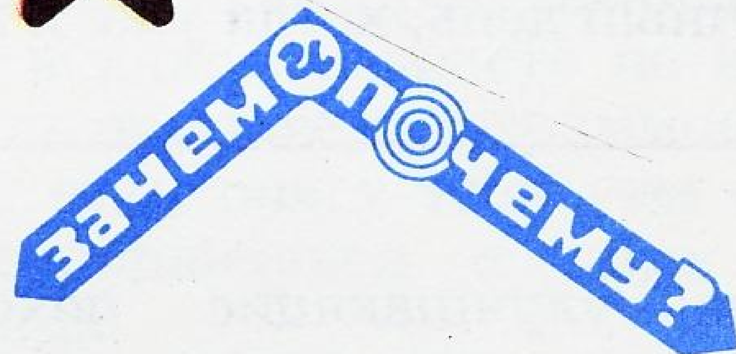
А вот еще одна легенда — танк «Т-34», детище советских конструкторов. «Тридцатьчетверка» впервые показала себя в бою уже в 1941 году и сразу продемонстрировала свое превосходство над немецкими танками: она была более маневренна, более быстроходна. Машину постоянно совершенствовали: оснастили мощной пушкой, улучшили форму башни, оборудовали радиостанцией. «Т-34» прошел с советскими солдатами весь их долгий фронтовой путь. Кстати, именно этот танк верно служил полюбившемуся читателям и телезрителям экипажу из четырех танкистов и собаки. Лучший средний танк второй мировой войны...

Оружие служило победе, победа открывала путь к мирной созидательной жизни. Почти суеверный ужас вселяли во врага гвардейские «катюши». Это было новое советское оружие — самые первые в истории боевые реактивные минометы. Они открыли путь к созданию тех ракет, которые вывели на орбиту первый спутник, а затем и первого человека в космос.

Н. ПИПКО







Свет летит от Тынды до Москвы

Что такое световой год?

Наташа П., 5-й класс, г. Тында, Амурская область.

Световой год — на самом деле никакой не год, а единица длины. Такой единицей пользуются астрономы, когда им нужно измерить очень большие расстояния.

Наши привычные метры и километры в астрономии не годятся: слишком это мелкие единицы измерения. От Солнца до Земли, например, 149 миллионов километров, а до самой далекой планеты Солнечной системы — Плутона — 6 миллиардов. С такими большими числами работать неудобно, того и гляди где-нибудь нолик потеряешь.

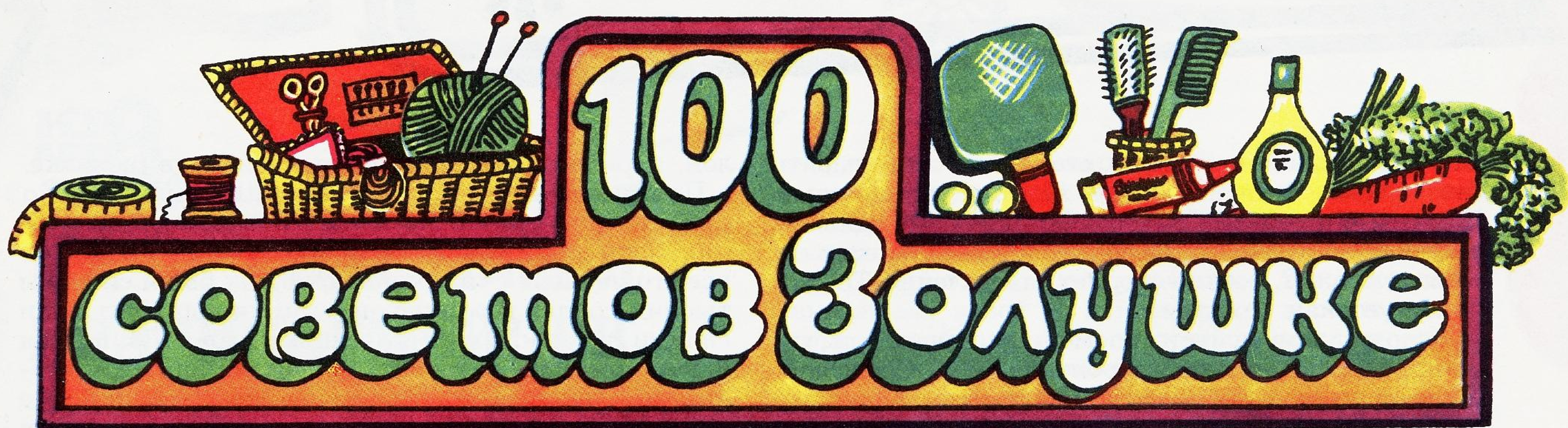
Поэтому сначала астрономы придумали специальную астрономическую единицу — за нее приняли расстояние от Солнца до Земли. Для расчетов, касающихся Солнечной системы, такая единица гораздо удобнее: до Плутона, например, всего около сорока астрономических единиц.

Но когда понадобилось измерять расстояния до звезд, оказалось, что не годится и эта единица: даже до самой близкой к нам звезды — Проксимы Центавра — получается более 270 тысяч астрономических единиц. Вот и решили астрономы ввести еще одну единицу. За нее приняли расстояние, которое пролетает за год луч света,— это и есть световой год, он равен 946 миллиардам километров.

Кроме измерения межзвездных пространств, такие единицы больше ни на что и не годятся. Попробуй посчитать, сколько световых лет от Тынды до Москвы,— получится что-то около двухмиллиардной доли светового года.



А. ДМИТРИЕВ



Троллейбус или волшебная прогулка?

В этот майский день, прохладный, но солнечный, Фея и Золушка встретились в сквере, недалеко от школы, в которой училась Золушка. Фея предупредила, что не собирается в такой замечательный день разговаривать дома, сидя в креслах. Побеседовать можно и прогуливаясь по дорожкам сквера.

— Вот и я! — радостно сообщила Золушка. — Еле троллейбуса дождалась!

— Троллейбуса? — удивилась Фея. — Ты приехала на троллейбусе?

— Конечно. А вы?

— Я, — вздохнула Фея, — являюсь на свидание единственно возможным для феи способом — с помощью волшебной палочки. «Крибле, крабле, бумс», мгновение — и я здесь. Хотя, если бы не традиция, я с удовольствием прошлась бы пешком. О, это была бы волшебная прогулка! А вот почему ты, вовсе не фея, а обыкновенная здоровая девочка двенадцати лет, боишься лишний шаг пройти — совершенно непонятно. Да еще в такой солнечный день, когда уже и щечки загореть могут. Десять минут ждать троллейбуса, чтобы проехать две остановки... Ты что, плохо себя чувствуешь?

— Нн-нет, — неуверенно ответила Золушка. — Я... я всегда так.

— Стало быть, ты ежедневно лишаешь себя сорокаминутной прогулки на свежем воздухе, в школу и из школы! А в булочную, кинотеатр, в библиотеку? Тоже на троллейбусе?

— Бывает, — огорченно кивнула Золушка, — сейчас скажете про мелочи жизни?

— Разумеется.



Если Золушка не намерена толстеть и мечтает о загорелых, свежих щечках, ей следует как можно меньше пользоваться городским транспортом. И если есть возможность пройтись пешком, ни в коем случае ею не пренебрегать. Хорошо, если Золушка привыкнет ходить быстро, красиво и правильно. Прогулка должна быть ежедневной. В те дни, когда Золушке не удается позаниматься гимнастикой, прогулка пешком должна быть длиннее, чем обычно.

— А я хожу как? — осторожно спросила Золушка. — Красиво? Правильно?

— Как выяснилось, ты у нас вообще никак не ходишь. Все больше на троллейбусе... Поэтому тебе особенно советую включить в комплекс гимнастических упражнений новые — улучшающие походку. Загляни, как всегда, в нашу книгу.

А ходить надо так. Стопу ставить прямо, не выворачивая. Земли вначале касается пятка, колено выпрямлено. Шаг не большой, не маленький. Спина прямая, голова поднята, руки чуть согнуты в локтях. Надо сказать, я терпеть не могу эти огромные сумки на длинных ремнях, которые девочки набивают до отказа учебниками — жуткий груз — и закидывают на плечо. От этого стройный Золушкин стан перекашивается, как береза в тундре, одно плечо выше, другое ниже. Тяжести, которые под силу тяжелоатлетам, вообще носить не стоит. А необходимый груз надо распределять равномерно. В одной и другой руке. Очень жаль, что Золушки, да и принцы, кстати, так быстро расстаются с ранцами, считая это детской привычкой. Для хорошей осанки ничего лучше ранца не придумаешь. Обувь же сейчас в моде самая подходящая для пеших прогулок: кроссовки, туфли без каблуков. Вообще, если ты обратила внимание, сейчас в моде, особенно для подростков, вещи, удобные для прогулок, спорта, движения. И не случайно. В моде — здоровье. Не бледные прокуренные барышни, а загорелые, стройные девочки. Во всех странах резко падает интерес к сигаретам и возрастает к спорту и правильному питанию. Если у тебя есть приятельницы, которые, считая это модным, пробуют курить, так им и передай.

Подведем итог тому, что было сказано. Прогулка быстрым шагом — самый доступный вид спорта. Это прекрасная зарядка перед долгим днем (в течение которого ты в основном сидишь то в школе, то дома за уроками). Работают все мышцы, проветриваются легкие, улучшается кровообращение. Прогулка прекрасно действует на твою кожу.

Кстати, прыщики, которые так тебя огорчали, стали почти незаметными. Как тебе удалось этого добиться?



— Как вы и советовали,— стала рассказывать Золушка.— Я дважды в день умывалась прохладной кипяченой водой с салициловым мылом. Протирала вечером кожу специальным лосьоном для жирной кожи. Потом мне попалась настойка календулы. Я разбавляла ее водой: ложечка настойки, ложечка воды — и протирала лицо. А сами прыщики протирала неразведенной настойкой календулы. Накручивала ватку на спичку, обмакивала и осторожно протирала, так, чтобы кожа вокруг не покраснела и не шелушилась. Еще это можно делать салициловым спиртом...

— Вот и умница,— одобрила Фея.— Очень хорошо, что ты пользовалась пудрой, кожу перед сном надо очистить особенно тщательно. В общем же красота кожи достигается не с помощью пудры, а...

— ...гимнастики, движения, свежего воздуха...— подхватила Золушка.

— ...и правильного питания,— одобрительно кивнув, закончила Фея.— К этому вопросу и перейдем. Итак,

КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ НЕПРИЯТНЫХ ПРОЗВИЩ?

Мы говорили с тобой прошлый раз о том, что от кратковременных диет никакой пользы, а один, скажем прямо, девочкам вред. И что ты должна выработать для себя стиль питания, при котором ты никогда, ни в каком возрасте не наберешь лишних килограммов или же, если они у тебя уже есть, распрощаешься с ними навсегда.

Есть редко и, что называется, «до отвала» абсолютно недопустимо. Лучше есть чаще, пять, шесть раз в день, но понемножку.

В каждом твоем завтраке, обеде, полднике, ужине непременно должны быть витамины. Овощи, фрукты, соки, салаты.

Полезные для тебя продукты: черный хлеб, овсяная каша, гречневая, молоко, масло, сметана, молочные коктейли, рыба, печенка, постные свинина и говядина, свежая зелень, соки. Сырые овощи и фрукты ешь сколько хочешь.

Забудь (если толстеешь и если скверная кожа) жирные соусы, торты, шоколад, копчености.

Примерное меню одного дня

Первый завтрак: теплое молоко с ложечкой меда. Черный хлеб с маслом и брынзой. Салат из моркови.

Второй завтрак (можешь приготовить и взять его с собой в школу): хлеб (тонкий ломтик) с холодным мясом, помидор, чай (не очень сладкий).

Обед: чашка бульона, рис с грибами, печеное яблоко.

Ужин: шпинат со сметаной, стакан сока, бифштекс, поджаренный на сухой сковородке.

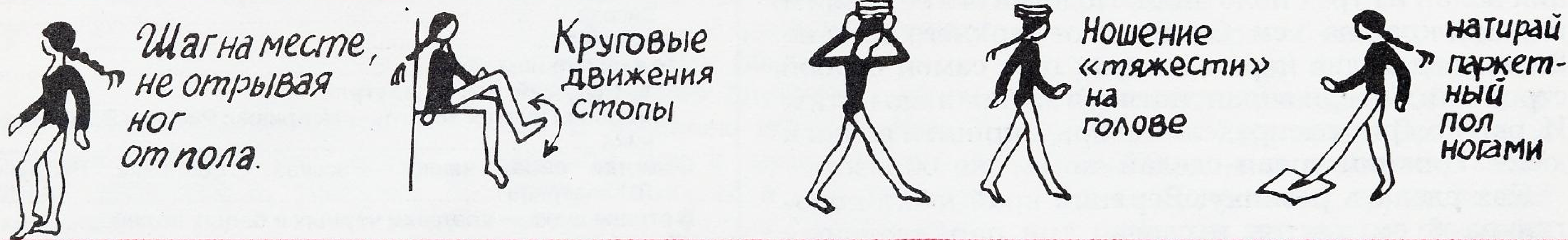
В промежутках, если проголодалась, пожалуйста, томатный сок, сухарики, немного творога, стакан кефира. Но не конфета, не булка, не пирожное.

Продукты не пережаривай, не переваривай, не перетирай. Жуй тщательно, не глотай, как утка. Современные торопливые Золушки, кстати, жевать правильно совершенно не умеют. И полезность пищи от этого обесценивается.

Ты поняла принцип: пища необильная, нежирная и богатая витаминами. Продукты могут быть иные, но равноценные. После еды не ложись (бегать, конечно, тоже не надо), вымой посуду, прогуляйся. На ночь много не ешь.

Будем надеяться, тогда никому, даже самому вредному Сидоровv, не придет в голову назвать тебя бочкой или пончиком.

И стройной Золушке очень подойдет модель, которую ты обнаружишь в сундучке.



занялась гигиеной и лечением, а не стала запудривать свои прыщики, скрывать их с помощью макияжа. Это очень вредно для кожи и было



бы просто-напросто роковой ошибкой.

— Что ж, пудриться вовсе не стоит? — спросила Золушка.

— В крайнем случае, если кожа очень блестит, можно обмахнуть нос и щеки чистой ваткой с пудрой. Каждый раз ватка должна быть новой. Ни в коем случае не пользуйся компактной пудрой. Она менее заметна на лице, но сильно забивает поры и портит кожу. Дешевая крупная пудра в картонных коробочках менее вредна. Но все равно, если ты





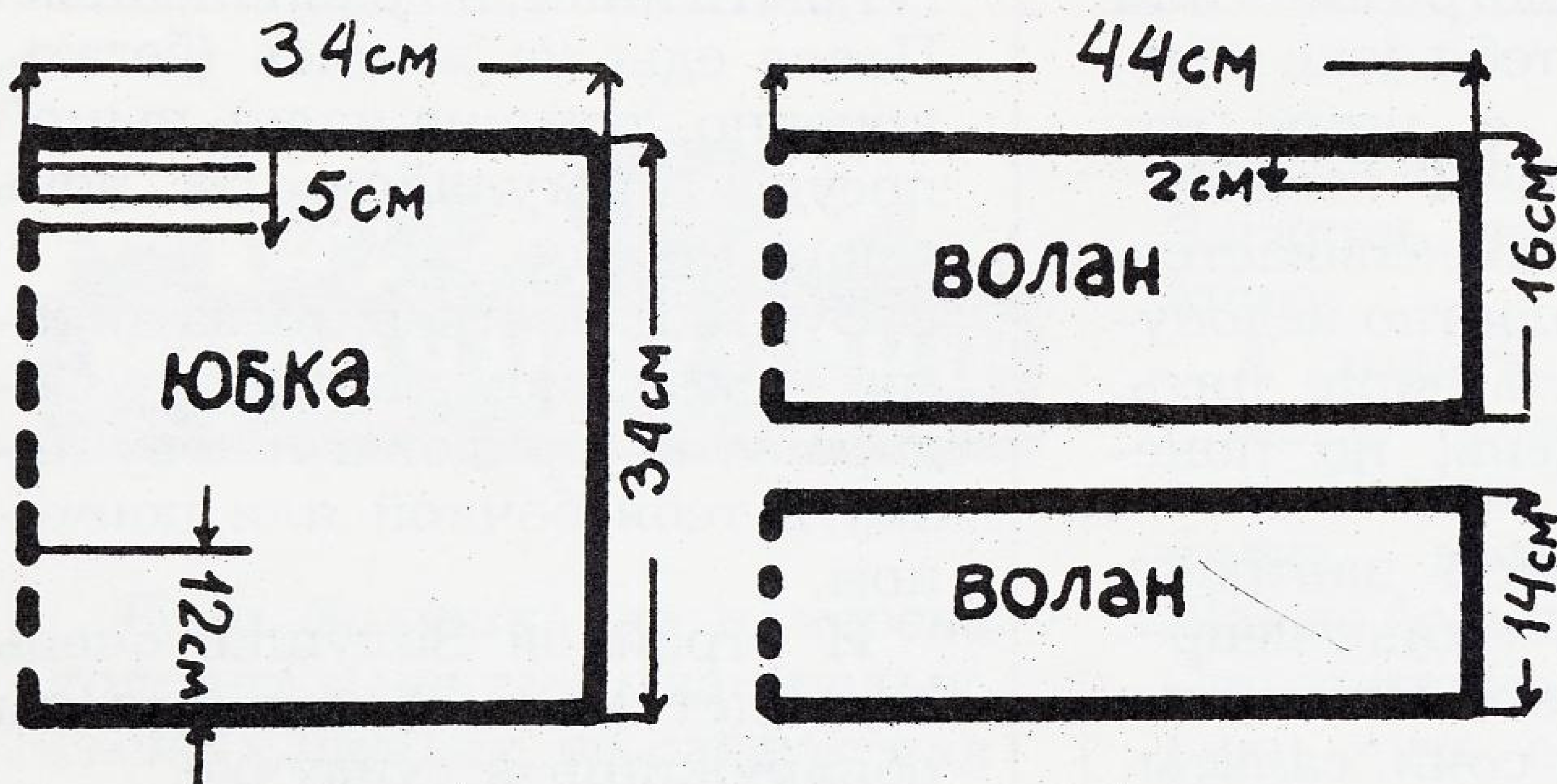
Сделай выкройку. Точно соблюдай схему-рисунок: это залог успеха. Выкройка дана без припусков на швы.

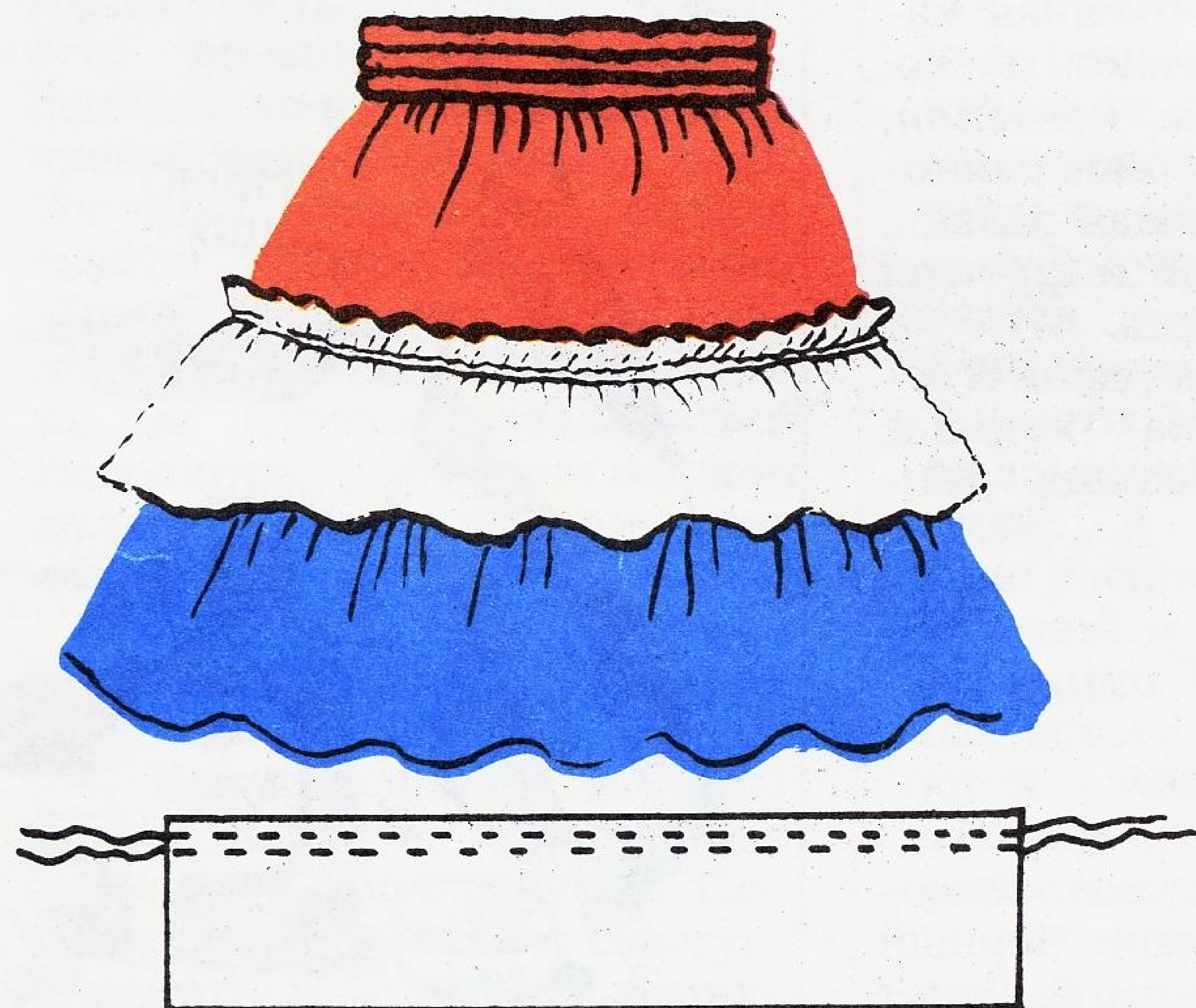
Разложи хорошо разглаженный материал и приколи к нему выкройку. Сделай припуски на швы. И начинай выкраивать.

Сшей полотнища юбки. Начерти на ней мелом линии, по которым пришьешь воланы. Сшей средний волан из трех полотнищ. Подогни его верхний и нижний края на 3 см. Отступив от верхнего края на 2 см, сделай два параллельных шва самой слабой строчкой. Собери волан, потянув за нижнюю нитку. И, равномерно распределив сборку, пришей волан к юбке. Нижний волан сделай таким же образом.

Как сделать резинку. Верхний край юбки подогни на 5 см внутрь и сделай три параллельных строчки на равном расстоянии друг от друга. Вставь резинку.

Ткани, если ширина ее 90 см, нужно: 75 см для юбки, 55 см для среднего волана и 50 см для нижнего.





Как собрать волан на сборку

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 04.03.85.
Подписано к печати 20.03.85. А 04549. Формат $84 \times 60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 655 000 экз. Изд. № 870. Заказ № 399.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.



«Я люблю петь песни, немного играю на гитаре. Как-то по телевизору видела детский вокально-инструментальный ансамбль «Мзиури». Мне он очень понравился. Пожалуйста, расскажите о нем!» — такое письмо получила «Переменка» от Оли Павловой из Таганрога.

О первом в нашей стране детском ВИА «Мзиури» рассказывает ***его бывшая солистка, лауреат премии Ленинского комсомола 1984 года певица Тамара ГВЕРДЦИТЕЛИ.*** *С ней беседует наш корреспондент* ***Марина Потоцкая.***

...На сцене — инструменты и аппаратура взрослого ВИА: ударные, клавишные, усилители, микрофоны...

«Ансамбль «Мзиури»,— объявляет ведущий концерта. И на сцену выбегают симпатичные девчонки лет 10—12. У одной в руках гитара, у другой — труба, третья становится к синтезатору, четвертая занимает место ударника... И начинает звучать песня, несутся в зал чистые, звонкие голоса, подхватывают мелодию инструменты.

Сейчас на сцене уже третье поколение «солнечных» девочек («мзиури» по-грузински означает «солнечный»). Тамара Гвердцители — одна из первых участниц ансамбля.

— Тамара, расскажите об ансамбле, в котором вы выросли!

— В ансамбль я была принята, когда мне было 10 лет. Ансамбль — это 20 девочек от 7 до 15 лет, каждая поет и играет на нескольких музыкальных инструментах. Это 20 голосов, но и 20 характеров! Мы росли, и наш «Мзиури» не стоял на месте. Сначала его узнали в Грузии, а потом благодаря телевидению и гастрольным поездкам ансамбль полюбили в разных уголках нашей страны. Нас стали узнавать на улицах, девочки в Тбилиси причесывались и одевались «под «Мзиури», а некоторые даже выдавали себя за участниц ансамбля... Мы много ездили по нашей стране, были за границей. Там мы, в общем-то еще маленькие, поняли, как это ответственно — представлять свою страну!

В одном молодежном зале в ФРГ, когда мы вышли на сцену в своих гольфиках и бантиках, в зале группа каких-то местных ребят стала свистеть и топать ногами. Но мы не убежали со сцены, мы встали в ряд и запели негромко без аккомпанемента грузинскую народную песню. На несколько голосов запели, как всегда у нас поют. И эта песня сделала чудо: все замолчали и стали слушать. А когда мы допели до конца, то еще некоторое время в зале стояла мертвая тишина, а потом загремели аплодисменты... И дальше концерт уже шел, как обычно.

В поездках случались, конечно, и забавные истории. Как-то повели нас в музей восковых фигур. Фигуры в натуральную величину, одетые в обычные костюмы — не отличить от живых людей! И вот две наши девочки замерли в смешных позах, как будто они тоже из воска! А тут в зал вошли посетители — мама, папа и сын лет десяти. Наши «фигуры» стоят, не шелохнутся. Мальчишке они понравились больше всего. Он долго ходил вокруг них, крутил головой, а потом нечаянно задел по носу одну из «фигур». Она не могла больше сдерживаться и громко расхохоталась, а за ней — и все мы... Что было с мальчишкой! Правда, потом он тоже смеялся.

А однажды, уже дома, в Грузии, мы приехали в один поселок и из-за плохой погоды задержались в пути. И кто-то в поселке сказал, что, возможно, наш автобус попал в аварию. Мы узнали об этом, договорились между собой и вечером, когда конферансье объявил: «Ансамбль «Мзиури»!» — мы все вышли из-за кулис, дружно прихрамывая на левую ногу!.. Все, как одна! После этого случая наш руководитель срочно устроил родительское собрание, и вместе с нашими мамами и папами отругал нас как следует. За дело, конечно!

— Тамара, а кем стали девочки из первого поколения «Мзиури»?

— Из двадцати стали музыкантами четыре. Остальные — физики, биологи, филологи... Самые разные профессии! Но поют до сих пор все, я за это ручаюсь!

— Тамара, я помню, что лет десять назад на телевидении был поставлен мюзикл «Приключения Буратино». Все роли в нем исполняли девочки из «Мзиури». Одна из них, та, что играла Пьеро, за это время окончила консерваторию по классу рояля, стала профессиональной певицей, в 19 лет получила первый приз на Всесоюзном конкурсе, в 22 года — премию Ленинского комсомола... Я правильно перечислила основные этапы вашей биографии?

— Да. Дети быстро растут. А вот наш «Мзиури» по-прежнему юн и голосист. И это очень здорово!..

Много солнца Вам! Тамара Гвердцители



Пионерский марш

Музыка **М. МИШУНОВА.**

Стихи **В. КАЙДАНОВА.**

Не птицы поют свои песни с небес,
Не звонкий ручей вдаль бежит через лес,
Не ветер листвою зеленой шумит,
На сбор пионерский дружина спешит!

Припев:
Чудесным сиянием площадь полна!
Идет пионерия — жизни весна!
Пусть бьют барабаны, и трубы трубят,
И галстуки ярко кострами горят!

У каждого красный значок на груди,
У каждого славная жизнь впереди!
Улыбками светятся лица ребят,
Под ленинским стягом шагает отряд!

Припев.

Чапаев, Гайдар и Гагарин зовут
На подвиг геройский, на радостный труд!
С героев отважных берем мы пример,
К труду и к борьбе будь готов, пионер!

Припев:
Чудесным сиянием площадь полна!
Идет пионерия — жизни весна!
Пусть бьют барабаны, и трубы трубят,
И галстуки ярко кострами горят!

Маршеобразно

Ни пти_цы по_ют сво_и пес_ни с не_бес, ни звон_кий ру_чей вдаль бе_
_жит че_рез лес, ни ве_тер лист_во_ю зе_ле_ной шу_мит — на сбор пи_о_нер_ский дру_жи_на спе_шит! Чу_ дес_ ным си_ я_ ни_ ем
пло_щадь пол_на! И_ дет пи_о_ не_ ри_я — жиз_ни вес_на! Пусть бьют ба_ра_ба_ны и тру_бы тру_бят, и
гал_сту_ки яр_ко ко_стра_ми го_рят, и гал_ сту_ ки яр_ ко ко_ стра_ ми го_ рят. // _рят.

ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694.

